

ЭТНО МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

8

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И НАСЛЕДИЯ
РОССИИ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И НАСЛЕДИЯ

Этнометодология * 8

Этнометодология

проблемы, подходы, концепции
problems, approaches, concepts

Выпуск 8
Volume 8

Москва 2007
Moscow 2007

8 * РИТОЛОГА
RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

Ethnomethodology: **problems, approaches, concepts**

Volume 8

Moscow 2001

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ НИИ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Этнометодология:

проблемы, подходы, концепции

Выпуск 8

Москва 2001

Редакторы-составители

А.А.Пископелъ

В.Р.Рокитянский

Л.П.Щедровицкий

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 8
Сборник статей – М., 2001. – 152 с.

ISBN 5-86443-075-7

В восьмом выпуске сборника «Этнометодология» продолжено обсуждение проблем этнической идентичности и конфликтогенности этнических феноменов в жизни общества, поиска антропологического источника естественной изменчивости культуры и институционализованной ее проектности. Обсуждаются как концептуальные предпосылки информационного подхода, так и открывающиеся в их свете возможности понятийно-терминологической работы – на примере работы над глоссарием культурологических и культуротехнических терминов.

The eighth issue of “Ethnomethodology” continues the discourse concerning the problems of ethnic identity and of conflictogenic character of ethnic phenomena in the life of society, the search for anthropological source of natural variability and institutionalized project character of culture. The conceptual premises of the informational approach as well as the possibilities of terminological work thereby opened (a glossary of culturological and culturotechnical terms serving as an example) are discussed.

Содержание

От редакторов-составителей 7

О.И.Генисаретский

Поворот в культурно-экологическом дискурсе:
от экологической метафоры культуры
к креативной антропологии и автопоэзису 12

А.А. Пископнель

Межэтнический конфликт и осевая реальность 29

«Культура» и ее понятийное окружение
(в рамках системоделятельного подхода) 49

С.В.Соколовский

О принципах этнической категоризации
населения во Всероссийской переписи 2002 г. 110

Г.А.Вучетич, А.А.Пископнель, Л.П.Щедровицкий

Информационная деятельность
и ее структурно-функциональные характеристики 134

Contents

Editors' Foreword 8

O.I.Genissaretsky

**A turn in the cultural-ecological discourse:
from ecological metaphor of culture
to creative anthropology and autopoiesis 12**

A.A.Piskoppel

Inter-ethnic conflict and the axial reality 29

**«Culture» and its conceptual surrounding
(within the bounds of the activity-system approach) 49**

S.V.Sokolovski

**On the principles of ethnic categorization
of population in the All-Russian Census 2002 110**

G.G.Vutchetitch, A.A.Piskoppel and L.P.Schedrovitsky
**Informational activity
and its structural-functional characteristics 134**

От редакторов-составителей

В восьмом выпуске сборника ряд проблем и вопросов, обсуждавшихся в предыдущих выпусках изолированно, таких как проблемы этнической идентичности и социальной конфликтности, рассматриваются совместно и друг относительно друга. Наряду с неизменной методологической направленностью и вниманием к рефлексии своих теоретико-мыслительных средств, данный выпуск объединяет с предыдущими как общая предметно-тематическая канва, так и установка на постоянное ее расширение, за счет «оппонентного круга» смежных вопросов. Так, в частности, тема проектности обсуждается не только в отношении этнических феноменов, но и применительно к культурной заданности и изменчивости социальных феноменов как таковых и т.п.. Упорядочивание понятийно-терминологического арсенала мыслительных средств, адекватных современным подходам к освоению социокультурных процессов и явлений, связывается с новыми возможностями информационных технологий, позволяющих создавать и обрабатывать информационные массивы архивного или библиотечного назначения и, тем самым, раздвигать горизонты трансляции культурного наследия.

Сборник открывается статьей О.И.Генисаретского «Поворот в культурно-экологическом дискурсе: от экологической метафоры культуры – к креативной антропологии и автопоэзису». Автор, отталкиваясь от критического анализа ожиданий и тревог, питающих современный культурно-экологический дискурс, предпринимает поиск общего антропологического источника как естественной изменчивости культуры, так и институционализованной проектности. Как следствие, предметом рассмотрения становятся собственная проектность культуры и возможности креативного, психопрактического отношения к ней. Проспективно выявляемая при этом конверсия автопоэзиса (самотворчества) и культурно-экологического дискурса сопрягается автором с постмодерной метафорой «пробуждения к жизни» и с литургемой Н.Ф.Федорова «психократии» во имя «воскрешения сынами отцов». В качестве ключевых в статье рассматриваются такие понятия, как: инкультурация, проектность, культурно-экологическая репрезентация, психологическая культура, психопрактика,

*Contents***Editors' Foreword**

In the present issue some problems and items which were separately discussed in the previous issues, such as those of ethnic identity and social conflict, are considered together and relative to each other. Besides the permanent methodological orientation and reflexive attention to one's means of thinking, it is the general subject matter area as well as the intention for its broadening by inclusion of the "opponent circle" of adjacent items which is in common with previous issues. For example, the project theme is discussed not only with respect to ethnic phenomena but also with respect to cultural determination and variability of social phenomena as such, etc.

Systematization of conceptual and terminological means corresponding to modern approaches to management of socio-cultural processes and phenomena is linked to new opportunities of information technologies allowing to create and process bodies of data for archives and libraries and thereby to broaden the horizons of cultural heritage transmission.

The volume begins with the article by O.I.Genissaretsky "A turn in the cultural-ecological discourse: from ecological metaphor of culture to creative anthropology and autopoiesis". The author proceeding with a critical analysis of expectations and anxieties feeding the modern cultural-ecological discourse undertakes a search of a common anthropological source both of natural variability of culture and of institutionalized project activity. As a result of this immanent project features of culture and possibilities of creative, psychopractical attitude to it come to be the subject of the study. Mutual conversion of autopoiesis (self-creation) and of cultural-ecological discourse prospectively revealed thereby is linked by the author to a post-modern metaphor of "awakening to life" and to a N.F.Fedorov's liturgeme of "psychocracy" for the sake of "fathers being resurrected by sons". The key concepts of the article are: inculturation, project activity, cultural-ecological representation, psychological culture, psychopractice, axiomatic states of consciousness-will, personality patterns and self-images, anthropological synthesis and autopoiesis.

The article by A.A.Piskoppel "Inter-ethnic conflict and the axial reality" deals with the reasons to consider some forms of group interaction as inter-ethnic

аксиоматические состояния сознания-воли, личностные образцы и самообразы, антропологический синтез и автопоэзис.

Статья А.А.Пископеля «Межэтнический конфликт и осевая реальность» посвящена обсуждению оснований рассмотрения тех или иных форм группового взаимодействия в качестве межэтнических конфликтов и стратегий их преодоления. Анализируются основные подходы к интерпретации содержания понятий «конфликт», «этнос» и «этничность», «межэтнический конфликт». Обсуждаются условия применимости ордеятельностной модели конфликта и стратегия «парадигматической релятивизации» конфликтного пространства, возможная там, где в основе происходящего социального противодействия конфликтующие стороны усматривают *фундаментальные* духовные, теоэтнонациональные ценности, выступающие в качестве абсолютных и непреложных.

Материал «Культура» и ее понятийное окружение (в рамках системодейтельного подхода) представляет собой выборку статей культурологического и культуротехнического ряда из глоссария электронной библиотеки «Наследие ММК». Цель этой публикации – способствовать концептуальному осредствлению исследовательской работы в области культурного наследия.

Работа С.В.Соколовского «О принципах этнической категоризации населения во всероссийской переписи 2002 г.» посвящена историко-критическому анализу методологических оснований грядущей переписи. Выводы автора неутешительны: результаты переписи, какой она задумана, обречены на невразумительность и неудобоприменимость.

В статье Г.А.Вучетич, А.А.Пископель и Л.П.Щедровицкого «Информационная деятельность и ее структурно-функциональные характеристики» анализируется структура информационной среды общества через призму понятия «инфодейтельность». Вводится типологически-деятельностная модель инфосреды, описывающая пространство функциональных возможностей информационной деятельности как сферы, призванной осуществлять духовно-информационную интеграцию общественной жизни на всех уровнях ее субъектной организации. Сама же инфодейтельность рассматривается в качестве способа и результата разрешения противоречия, несовпадения, с одной стороны, сущности и социального бытия (формы) продуктов духовного производства, а с другой,

conflicts and with strategies of their overcoming. The principal approaches to interpretation of such concepts as "conflict", "ethnos" and "ethnicity", "inter-ethnic-conflict". The applicability of activity-organization model of conflict and the strategy of "paradigmatic relativization" of conflict space possible when the parties of conflict perceive it as routed in the *basic* spiritual, theo-ethno-national values considered absolute and immutable.

"Culture' and its conceptual surrounding (within the bounds of the activity-system approach)" is a selection of culturological and culturotechnical terms from the glossary of the Electronic Library "The Heritage of Moscow Methodological Circle". The purpose of this article is to promote conceptual equipping of the cultural heritage research.

The article by S.V.Sokolovski "On the principles of ethnic categorization of population in the All-Russian Census 2002" contains the historic-critical analysis of the methodological principles of the oncoming Census. The author's conclusions are pessimistic: the Census data as it is designed are doomed to be unintelligible and unusable.

In the article by G.A.Vutchetitch, A.A.Piskoppel and L.P.Schedrovitsky "Informational activity and its structural-functional characteristics" the structure of informational environment using the concept of 'info-activity' is analyzed. An activity-typological model of informational environment is introduced which describes the space of functional possibilities of info-activity as a sphere of spiritual-informational integration of social life on all levels of its subject organization. The info-activity itself is considered as a means and result of resolution of a contradiction, of a discrepancy between essence and social being (form) of products of spiritual production, on the one hand, and of essence and social being (form) of spiritual needs of society, on the other hand. From this point of view and as represented by new information technologies it is a modern form of resolving this contradiction due to innovational, more efficient combination of productive aspects of spiritual and material production.

сущности и социального бытия (формы) духовных потребностей общества. С этой точки зрения она представляет собой, в лице новых информационных технологий, современную форму снятия (разрешения) этого противоречия (социальное развитие) за счет инновационного, более эффективного сочетания в ней продуктивных аспектов духовного и материального производства.

О.И.Генисаретский

Поворот в культурно-экологическом дискурсе: от экологической метафоры культуры – к креативной антропологии и автопоэзису

Культурно-экологический дискурс

В многообразии современных культурных практик культурно-экологический дискурс кристаллизуется имплицитно, будучи экранированным более энергичными и продвигаемыми дискурсами, тематизированными как *инкультурация* и *проектная культура*.

Эксплицировать культурно-экологический дискурс – значит определить его сначала как альтернативный, а затем как дополнительный к его покуда более удачливым дискурсивным конкурентам.

Своей *непроявленностью* и *незакрепленностью* в дискурсивном инструментарии культуры, культурно-экологический дискурс обязан экологической (средовой) метафоре культуры. Благодаря ей, культура, как вторая, антропогенная природа (среда тварной, искусственной опосредованности), была уподоблена природе первой (среде нетварной, самоестественной опосредованности). А из общей им онтологически положенной воспроизводственности была постулирована правомочность «хранительного» к ним отношения.

Покуда экологическая метафора культуры остается дискурсивно *невскрытой*, экология культуры обречена приниматься как комплекс процессов и структур «культуропользования», в которых составляющие культуру «вещи» (произведения, тексты, ценности) понимаются как *наличные*, доступные восприятию, усвоению, проживанию, а сама культура – как *готовое и завершенное* целое, нуждающееся лишь в наследовании и сохранении.

Дискурсивно вскрыть экологическую метафору – значит определиться относительно готовности, наличности и завершенности реальностей культуры, значит перестать относиться к ним как к заведомым предикатам, а начать относиться как к рефлексивно сознаваемым *синергемам-предикторам-аттракторам* процессов инкультурации, с одной стороны, и *опциям* проектного процесса, с другой.

Инкультурацию можно определить как спонтанное вхождение в наличное тело культуры новых ценностно значимых содержаний (образов, персонажей, символических и энергийных комплексов).

Это извне внутренняя раскрытость культуры для самой себя – через проживаемые душевные состояния, различные акты сознания и воли, разделяемые с другими ценности – в психическую реальность духовной жизни, дискурсивно означаемую в терминах той или иной картины мира.

Причем, вхождения эти происходят в форме виртуальных событий, спонтанно раскрывающих для сознавания сокрытые ранее пространства ценностного подлинного опыта, запечатлевающиеся в целостных, симультанных образах возможной жизни, обитания в открывшихся жизненных мирах.

Традиционно подобные события означались разными сильными религиозными или эстетическими символами (вроде «откровения», «озарения», «духовного запечатления» или «творчества»). Нужно однако заметить, что в отношении инкультурации подобные имена сохраняют разве что метафорическое значение, а схватываемая ими реальность нуждается в иной, скорее гуманитарно-психологической, чем пневматологической концептуализации, – например, в качестве актов ценностного *сознавания, замечивания и принятия.*

Такая концептуализация позволяет удерживать интуицию о том, что в наличной культуре происходят постоянные ценностные, символические и энергийные трансформации, что культура, говоря на даосский манер, есть *тело перемен*, переживаемых как спонтанный, естественный процесс в естественной, симультанно схватываемой (процептируемой) среде; что вхождение в нее новых ценностных содержаний, выявление сокрытого или небывшего еще суть реальный процесс, в целом независимый от целенаправленных усилий отдельных личностей или культурных элит.

С инкультурацией экологию культуры более всего сближает общий мыслимым в них реальностям модус естественности.

Но если в случае культурно-экологического дискурса речь может идти о *самоестественности* скрытого или явного *присутствия/пробытия* культуры в человеческой ситуации (во многом подобного присутствию языка), то случае инкультурации – о *самосбываемости*, присутствии в смысле спонтанно случающегося, но отнюдь не обязательно предлагающегося в пребывание события.

В рамках оформляющегося ныне культурно-экологического дискурса процессу инкультурации часто придается значение «прото-» или «метапроектирования». Истолкование проектного смысла инкультурации – содержание большого потока философской и критической литературы, посвященной темам «ценности и проект», «утопия и проект», «теургия и проектирование» и т.д.

Продвигаться в этом направлении – значит искать общий антропологический источник инкультурации и проектности (например, в способности воображения и замышления) и культивировать специфическую способность *проектного воображения*, сопрягая её с воображением социальным, политическим или культурологическим.

В *проектную культуру* принято включать средовые образы, зафиксированные в проектных текстах и обращающиеся в различных профессиональных сообществах; научные, гуманитарные, художественные или мифопоэтические концепции, имеющие проектный смысл или созданные в целях проектирования; представления о ценностях жизни, среды или культуры, признаваемые в данный момент значимыми для решения тех или иных проектных задач. Кроме того, это еще и связи проектной культуры с иными *соцелостными* с ней по масштабу образованиями, такими, например, как политическая культура общества и принятая в ней манера институционализации и идеологической рационализации ценностей.

Различные концепции проектной культуры втягивают в себя средовые, образожизненные, культурологические и аксиологические элементы, синтезируя их в однородном концептуальном материале.

С другой стороны, проектная культура сама есть такая реальность проектирования, которая находится в отношении коэволюции с реальной социальной средой, с культурой как таковой, с политической, художественной или иными функционально определенными субкультурами. И как реальность, и как концепция проектная культура – открытая система, чутко реагирующая на происходящие в обществе ценностные изменения.

Но кроме этих связей проектирования с культурой, опосредованных институционализированной проектной культурой, налицо еще и собственная, глубинная *проектность культуры*, реализующаяся, с одной стороны, в процессах проецирования содержания одних «экранов», «сцен» и «экспозиций» культуры на другие; а с другой, – в порождении различных образов возможных жизненных миров, подлежащих оценке на ценностную значимость и обитаемость.

Для культурно-экологического дискурса эта вторая сторона собственной проектности культуры имеет то существеннейшее значение, что на ней основывается придаваемая культуре, как таковой, функция *культурно-экологической репрезентации*.

Благодаря ей в актуальный культурный оборот вводятся наблюдаемые или воображаемые ситуации и обстоятельства, стили и образы жизни, обычаи и обряды разных эпох, культур и народов, образы духовного предания или предвидимого будущего. И потому мы живем теперь не

только в повседневной воспринимаемой и переживаемой среде, но в куда более плотной, символически кристаллизованной культурной среде, дающей возможность многократно переживать свою наличную или искомую идентичность – с собой, как индивидуальным воплощением человеческой природы, с родовым телом своего народа и его культурой, с культурой метаэтнической и транснациональной, с определенным типом политики, истории и т.д. Идентичность, понятую уже не только как пожизненная данность, но как состояние свободного поиска, выбора, самоустроения и обитания в приемлемых для нашей жизни средах.

В отношении этого уровня социального осуществления культуры целесообразность каких-либо проектных намерений и усилий подвергается критике, пожалуй, наиболее часто. Представление о естественном бытовании вещей культуры, унаследованное культурно-экологическим дискурсом от концепции культурного наследия, действительно дает веские доводы в пользу того, что реализуются наследуемые культурные ценности как бы сами собой, минуя какие-либо проектные усилия.

Есть много оснований утверждать, что это не вполне так. Ни памятники культуры (в их материальном выражении), ни элементы традиционной бытовой или психологической культуры (при нынешней ориентации средств массовой информации на процесс модернизации), ни актуально проживаемые ценностные структуры образа жизни, изменяющиеся под воздействием интенсивного потока социальных и коммуникационных инноваций, сегодня не имеют шансов на выживание или возрождение без большого объема исследовательской, проектной и социально-коммуникационной работы.

Добавим к этому, что в сфере проектирования уже достаточно отчетливо выявились разновидности деятельности (например, средовой подход в архитектуре, миметический дизайн и различные проектные психопрактики), ориентированные на освоение и проектную реализацию элементов ставшего традиционным образа жизни; на защиту ценностей культуры, «поставленных на износ» в инновационных версиях проектирования; на возрождение, спасение погребённых ранее структур сознания и культуры.

Дискурс, опирающийся на признание полноточности культурно-экологической репрезентации, дает возможность более реалистично оценить соотношение процессов ценностного изменения и сохранения культурных ценностей, без чего признание культурного плюрализма и самобытности повисало бы в воздухе.

В некоторых разновидностях проектной деятельности, таких как инженерное проектирование, и в некоторых методологиях, например, в

методологии системного проектирования, собственная проектность культуры игнорируется как незначительная или, если и признается мировоззренчески, то не подвергается концептуализации и не прорабатывается методологически. Напротив, для проектирования культурно-экологического, проектный потенциал наличной, самобытствующей культуры (и подпитывающий его процесс инкультурации) является первичной креативной реальностью и нуждается в явной концептуализации.

В частности потому, что события инкультурации, будучи спонтанными «переменами содержания» наличной культуры, по природе своей таковы, что они могут быть лишь постепенно принятыми в повседневный культурный обиход (или отвергнуты им). Обычно они воспринимаются как события, на которые культурная политика может лишь реагировать, выражая их в своих смысло- и целеполаганиях.

Напротив, процессы, связанные с внешней и внутренней проектностью самой культуры, составляют собственную область проектно-культурно-экологической активности. Поэтому они концептуализируются:

- как цели и пути активности различных субъектов культурной политики (отдельных лиц, элит и движений, сообществ и учреждений);
- как ценностные ориентации методологий и эвристик, с опорой на которые могут решаться культурно-экологические проблемы;
- как содержание процессов коммутации различных «экранов», «сцен», «экспозиций» и других состояний сознания в культуре, в которых ее проектность ощущается вполне определённо.

За экологией культуры тянется шлейф намерений и ожиданий, которые не без оснований квалифицируются если и не как тысячу раз раскритикованный утопический *hard*, то уж во всяком случае как гуманистический *soft*. Это:

- сохранение для будущих поколений самобытных этнических культур, образов жизни локальных сообществ, различных культурных, религиозных и психологических практик, которым в условиях современной технологической цивилизации и наступающего миропорядка угрожает исчезновение или необратимые трансформации;
- участие в их защите и спасении, причем не только через обращение к заинтересованным в том волонтерским сообществам или благотворительным организациям, но и путем предоставления «поставленным на защиту» сообществам современных коммуникационных, образовательных и психокультурных технологий;
- отстаивание ценностей своего рода глобального культурно-экологического экуменизма, практики взаимопредставления народами, различными

сообществами своих образов мира и образов человечности, кодируемых в культуре прежде всего символическими ритуалами и психо-практиками духовной жизни.

Вряд ли практики культурно-экологического дискурса столь наивны, чтобы впадать в очередную утопический раж и уверять себя и других, что найдена очередная панацея. Ведь сколько раз все мы убеждались, что судьба рода человеческого не слишком зависит от культуротворческих и культуро-защитных усилий. Скорее ими движет уверенность в открытости культуры своему будущему, её *непредопределенности* каким либо детерминизмом, в том числе – цивилизационным.

Уверенность – более чем необходимая на фоне неотвязных культурно-экологических рисков и угроз. Вот всего лишь одна из длинного перечня расхожих алармистских констатаций:

– «распад и деактуализация традиционных и классических культур, оттеснение их активности на периферию общественной жизни вследствие практической неэффективности в новых условиях того облика человека, который выращивают эти культуры;

– формирование в недрах цивилизации служебного набора псевдокультур, совместимых с особенностями того или иного типа национально-родовой психологии»;

– «сработанная на принципах цивилизации псевдокультура представляет собой «сумму психотехники», призванную обеспечить серийное производство человеческого облика с заданными свойствами, важнейшее из которых – восприятие *разнообразия* (выделено мною – О.Г.) меню представляемых псевдокультурой знаний и ощущений в качестве критерия полноты жизни»;

– эта составная часть «глобальной суммы технологии» ... интегрирована в хозяйство цивилизации в качестве своеобразного «секретаря-референта по гуманитарным вопросам» с широким спектром предоставляемых услуг. Наличие «гарема» псевдокультур – один из характерных показателей состоятельности и процветания глобально развитой технологической цивилизации» (Гогин 1998, с. 381).

Итог этой трансформации, по мнению автора, – такой «симбиоз псевдокультуры и музейных (культурно-экологических – О.Г.) реликтов традиционных и классических культур», который «едва ли способен выполнить задачи подлинной культуры».

Вывод, весьма характерный для тех представителей экологии культуры, которые настаивают на первичности ее культуро-охранительной функции и игнорируют проектно-культурные возможности технической

мысли и практики. Вывод, опирающийся на предположение об *исторической константности* человеческой природы, исключающий возможность сохранения лично-родовой подлинности человеческого бытия в условиях интенсивных культурно-ценностных изменений, диверсификации образов жизни и запроса на адекватные им психопрактические компетенции.

Однако культурно-экологический критицизм отнюдь не является уделом «поставивших на сохранение». Его опасения разделяют и вполне проектно-ориентированные умы.

Мы вступили уже во время, в котором «более отчетливо проявляются главные угрозы, выдвинутые нашими производственными обществами по отношению к роду людскому, выживанию которого на нашей планете угрожает не только вырождение окружающей среды, но и вырождение ткани социальной солидарности и способов психической жизни, которые следует буквально *перезоблести*. <...>

Переобоснование политики должно пройти через эти три эстетические измерения, которые определяются тремя экологиями – окружающей, общества и души. Невозможно представить себе отклик на отравление атмосферы и на перегрев планеты, вызванный парниковым эффектом, без изменения сознания, без нового искусства жизни. <...> Невозможно представить перекомпоновку масс-медиа, направленную в сторону коллективного переосвоения ее использования <...> без уважения к культурным различиям. <...>

Единственная приемлемая цель человеческой деятельности – производство субъективности, непрерывно самообогащающей свои отношения с миром. Мероприятия по производству субъективности могут точно так же осуществляться в масштабах мегаполисов, как и в масштабах языковой игры поэта. В постижении интимных пружин этого производства – этих смысловых разрывов, самоосновывающих существование, – поэзия может научить нас сегодня большему, чем экономические и гуманитарные науки вместе взятые» (Гаттари 1991, с. 159-160).

Напомним, что об основополагающей роли фигур мифопоэтического и религиозного воображения в развитии антропологии писал в 20-е годы о. Павел Флоренский: «переменчивые с каждым ветром времени, и притом в нынешнее время переменчивые ускоренно, естественно научные положения были бы слишком малопрочным фундаментом философской антропологии: несравненно надежнее в этом смысле основные инварианты лирики, а тем более – незыблемо прочные символы религии: ведь, вопреки тому, что обычно полагают среди науковеров, научные «истины» весьма недолговечны, а кроме того – чрезвычайно субъективны,

хотя и не индивидуально-субъективны, а группово, кружковски, не говоря уже об узости их, определяемой применимостью в области лишь отдельных дисциплин и ветвей дисциплин. Напротив, истины и символы религии все-человечны и все-историчны, в основе своей вселенски понятны и вселенски же приемлемы, оставаясь устойчивой остью истории и, подобно радуге, не сдуваемы вихрями времени. И моя глубокая уверенность, что если высказываемые <...> мысли будут обоснованы на признаниях религии и поэзии, то навсегда этим мыслям обеспечена современность и всякая живая душа найдет в себе им отклик, тогда как обоснование естественно-знательное уже лет через двадцать будет наивно и притязательно, как смешная старомодная шляпа» (Флоренский 1983, с. 234).

Психопрактики культуры и автопоэзис

Хотя душа и культура – вещи изначально соприродные, а «диалектика души» считается чуть ли не праматерией творчества, *психологическая культура* как таковая – сравнительно новый и беспокойный для академической культурологии объект.

В психокультурном наклонении душа означает как ни на что другое не сводимая лично/родовая, энергично/символическая по своей природе реальность, как *живая основа* сознания, воли, чувства и других «высших психических функций» и ценностей. В каждой культуре, традиции или образе жизни есть характерный, отмеченный печатью неповторимости и полноты *репертуар психических состояний и событий*, именуемых «психологической культурой» и разыгрываемых на контактной поверхности души (как «внутреннего») и культуры (как «внешнего»).

Под психопрактикой же в культурной антропологии и гуманитарной психологии понимается:

- совокупность психических усилий, навыков или занятий,
- осознаваемых теми, кто их практикует, в рамках естественного или психологически рефлексированного самосознания и
- имеющих своим объектом те или иные наличные психические события и состояния, процессы и структуры,
- а целью – достижение предпочтительных качеств телесной и душевной жизни, здорового контакта со средой, приемлемого уровня общей жизнеспособности или специальной работоспособности, лично значимого эмоционально-ценностного строя жизни.

Различие между коллективными и индивидуальными психопрактиками состоит в том, что коллективные психопрактики фокусируются вокруг *личностных образцов* психической жизни и деятельности, тогда как индивидуальные – вокруг ценностных *самообразов*, на основе которых человек ориентируется в спонтанно или методически трансформирующихся психических реальностях и выбирает индивидуально значимую траекторию самореализации.

Поскольку приведенное определение психопрактики сфокусировано на понятии состояния сознания/воли, психологическую культуру можно также определить как совокупность психопрактических схем, организующих репертуар состояний сознания/воли (и переходов между ними) и репрезентирующих характерные для этих состояний психические реальности. Некоторые из этих состояний могут быть осознаваемыми, а некоторые переходы – произвольными. Однако большинство тех и других реализуются без рефлексивного сопровождения и структурируются принятыми в данной психологической культуре аксиоматическими состояниями сознания/воли. Аксиоматическими они являются в том смысле, что присущие им очевидности сознания и произвольности воли, в каждый данный момент предопределяющие внутреннюю и внешнюю жизнь человека, придают ей качества естественности и свободосообразности, хотя сами остаются при этом как бы прозрачными и потому не замечаемыми.

Поскольку аксиоматические состояния, психологически кодирующие личностные образцы и самообразы, содержанием своим имеют те или иные конфигурации ценностей культуры, а реализуются в актах ценностного самоопределения и в выборе направленности личностного роста, то именно аксиоматические состояния, самообразы и личностные образцы являются той психической реальностью, в которой интегрируются разные стороны и уровни психологической культуры.

Одна из показательных особенностей психопрактик культуры – безусловное признание того, что природа человека тварна, «искусственна», зависима от различных исторических обстоятельств и сил. Причем сразу в нескольких измерениях.

Во-первых, налицо исторически наблюдаемый процесс изменения человеческой природы, ее *антропологический синтез*.

Во-вторых, из религиозной и культурной истории хорошо известны «лабораторные», осознаваемые и целенаправленные формы выделения, улучшения, совершенствования человеческой природы (ныне чаще всего описываемые как традиционные антропо- и психопрактики).

Многие из этих традиций психологической культуры живы и по сей день, или восстанавливаются вновь (с использованием концепций и методов гуманитарной психологии и психотерапии).

Кроме того, в-третьих, мы уже стали свидетелями небывалой ранее (в таких масштабах) культурной инновации – процесса институциональной диверсификации антропо- и психопрактик, продвигаемых сегодня как собственно гуманитарные, светские и *профанные*, а не как известные из традиции религиозные и *сакральные* практики.

Эта тройственная перспектива понимания историчности искомых нами культурно-антропологических качеств, в свою очередь, должна быть понята в антропологической перспективе.

Для целей нашего обсуждения нам важны именно эти качества, а толк о модусах их историчности мы оставляем за антропологией как совокупностью гуманитарных практик. Оставим ей самой последнее слово «за» или «против» реалистичности того или иного способа производства человеческого.

В отличие от антропологического синтеза, мыслимого в естествен-ноисторическом залоге, совокупный процесс, осуществляющийся в продвигаемых сквозь современность психо- и антропопрактиках, согласно духу машинного производства индустриальной эпохи, был квалифицирован Ф.Гаттари как *производство субъективности*.

«Нужно ли располагать семиотическое производство масс-медиа, информатики, телемеханики, роботехники и т.д. вне психологической субъективности? Думаю, нет. Как и машины социальные <...> машины информационные и коммуникационные действуют посреди человеческой субъективности, в недрах не только воспоминаний, рассудка, но и его (разума или человека? – *О.Г.*) чувствительности, аффектов, его бессознательных фантазмов. Принятие в расчет этих механических составляющих субъективации побуждает нас настаивать <...> на разнородности сотрудничающих при производстве субъективности составляющих. <...> Машинное производство субъективности может работать и к лучшему, и к худшему. Лучшее – это созидание, изобретение новых универсумов референции (означающих и обозначаемых в языках культуры – *О.Г.*); худшее – отупляющая масс-медиазация, на которую сегодня обречены миллиарды индивидуумов. Технологическая эволюция, сочетающаяся с социальным экспериментаторством в этих новых областях, оказывается в состоянии заставить нас выйти из нынешнего периода притеснений и вступить в *эру пост-медиа*, характерную переприсвоением и переостранением медий» (*Гаттари*, с. 154).

Заметим впрочем, что привязка производства субъективности к машинному производству, равно как доверие к технологическому детерминизму и социальному экспериментаторству есть очевидная дань идеологии индустриальной эпохи, завершением которой в социально-экономической сфере стала практика модернизации, а в культуре – идеология модернизма. Поскольку Ф.Гаттари почитается идеологом постмодернизма, постольку используемые им концепты *машинности* (и *функциональности*) есть чистейшей воды «хвостизм», пережиток индустриализма.

Что же касается термина «производство», применяемого к человеческой субъективности, то, хотя он и заимствован из словаря политической экономии, за ним сохраняются не только машинно-индустриальные, но и антропологические коннотации, в частности «продуктивность» и «креативность». Да ведь и *industria* по латински – это старательность, трудолюбие, усердие и прилежание!

Не будем забывать, что исторический процесс антропологического синтеза, собирание и рассеивание человека, его сборка и *пересборка* продолжаются. И он, хотим мы этого или не хотим, затрагивает самые глубокие пласты человеческой природы.

В его основе лежит, говоря словами Ж.Делёза, схематизм *сцепления внешних и внутренних сил*, во взаимодействии которых складываются наличные формы человечности (разнообразные антропологические прототипы или, если угодно, проекты).

Рефлексивная форма антропологического синтеза и производства субъективности – *автопоэзис*, *само*производство человеком самого себя.

В гуманитарной психологии и психотерапии термином «автопоэзис» (или «аутопоэзис») обозначаются все виды процессов и действий, которым одновременно присущи автореференция (способность самоозначения), событийная рефлексивность (возвратность, обращенность на себя) и креативность. Иначе говоря, это – самоотношения и самодействия, обладающие способностью к самотворчеству, самопроизводству. Соответственно, автопсихопоэзис – это автопоэзис, реализующийся в материале психических реальностей, способностей (как психических функций) и психических ценностей.

Что в идее автопоэзиса важнее всего для экспликации культурно-экологического дискурса – так это его чувствительность к коэволюции, к параллельному и взаимосвязанному протеканию личностных процессов, с одной стороны, и процессов творческой, креативной деятельности (в любых областях практики), с другой.

Кристаллизовавшиеся вокруг идеи автопоэзиса концепции о самопорождающихся реальностях (в природе, культуре или в мире мысли), об автореферентности и рефлексивности, самотрансценденции и других самоотношениях, лишь *фон*, на котором реализуется та или иная психопрактическая *фигура* автопоэзиса (с неизменным для гештальпсихологии допущением о конверсии всех фонов и фигур).

В практике автопоэзиса, каждый шаг творческой, креативной деятельности есть вместе с тем шаг личного роста и развития. Их общей опорной точкой является та или иная идентифицированная, то есть воспринятая и принятая сознанием/волей субличность, любое персонафицируемое в психодраме воображения состояние или событие, сколь бы виртуальными они ни были. Состояния и события при этом не только принимаются, но и авторизуются, а проявляющиеся при этом жизненные миры, с их особыми пространственностями и временностями, также оказываются неминуемо авторизованными (=проектируемыми) и доступными нам в качестве персонажей предложенной воображением психодрамы (коль скоро мы принимаем их себе в удел, а они принимают нас).

Конверсия автопоэзиса и культурно-экологического дискурса со всей очевидностью обнаруживается в повороте-сдвиге академической этнографии в сторону постмодернистской парадигмы. В этом только на первый взгляд неожиданном извиге мысли налицо своеобразная рефлексивная выворотка состояния/пространства сообщаемости этносов и их культур.

Этно-графия-логия-и-методология, заявляя о себе как о «дискурсе высшего порядка», находит свою трансцендентность не в языке, не в синтезе знаний, не в практической этнополитике, а в специфической гуманитарной интенции, удачно поименованной С. Тайлером как *пробуждение к жизни*. Эта интенция психопрактична по своей природе и имеет своим содержанием разного рода культурно-психологические реальности.

«Постмодернистская этнография есть коллективно слагаемый текст <...> назначение которого – пробуждать в умах как читателя, так и писателя эмерджентную фантазию о возможном мире реальности здравого смысла и тем самым вызывать эстетическую интеграцию, которая оказывала бы терапевтическое действие. Это, одним словом, поэзия – но не в текстовой форме, а в своем возвращении к изначальному <...> назначению поэзии, которая в силу своего разрыва с повседневной речью пробуждала воспоминания об этосе сообщества и этим побуждала слушателей действовать этически.

Постмодернистская этнография пытается в текстовой форме воспроизвести эту спираль поэтического и ритуального действия. <...> И это не очередной выверт, не еще один разрыв в форме дискурса (того рода, что мы привыкли считать нормой для модернистской эстетики со свойственным ей сциентистским акцентом на эксперимент и новизну), а сознательное возвращение к тому более раннему и более мощному представлению об этическом характере всякого дискурса, которое содержится в древнем смысле семейства слов *этнос, этнос, этика*» (цит. по Рокитянский 1994, с. 84).

В уповании/намерении, означенном как «пробуждение к жизни», два логических и эмоциональных удара: одно психопрактическое, внутренне отсылающее к «буддству», бодрствованию и бдительности, другое *онто*психологическое, подтверждающее неоспоримую для гуманитарной культуры, неотчуждаемую ценность жизни. Легко заметить, что именно в этой своей двоякости «пробуждение к жизни» входит в самые разные течения того гуманитарного, освобожденного от идеологических аллюзий Возрождения и Просвещения гуманизма, который с достаточным основанием считается здравым смыслом современности.

В этом духе Л. Дюмон по сходному случаю высказался почти с эпической прямотой: «Тесные рамки (европейской) классической культуры, в которой мы воспитывались, раздвинулись, и она предстала вмещением действительного гуманизма, охватывающего всех людей, все классы, все виды деятельности» (Дюмон 1997, с. 189). И, стоит добавить, — все народы и культуры.

Попытаемся отвлечься от вавилонского смешения языков и терминологий: антропологический синтез, производство субъективности, психо- и антропопрактики, автопоэзис и автопсихопоэзис и все же ... *пробуждение к жизни?*

Если так, то будет ли преувеличением сказать, что современная нам антропология направлена на *освобождение жизни внутри человека*, на освобождение внутреннего человека от плена тела, души и ... духа. В той мере, конечно, в какой они — тело, душа и дух — способны пленять личность¹.

¹ Так называемая *духовность*, как светская, так и религиозная или мистическая, столь же может быть пленом, как и свободой. Об этом было прекрасно известно исихастам, упражнявшимся в «различении духов». Помимо духовной прелести, они говорили о ложной святости. Но именно за призванность к свободе, к святости в свободе человека ставили выше ангелов.

И то правда, человек запечатлен своим тождеством себе, своей культурно-исторической определенностью и конечностью. Тем, что он идентифицирован, поименован, приписан, пересчитан, «форматирован». *Запечатан* (чем-то) и *впечатан* (во что-то). В массовом обществе человек – это распечатка, экземпляр.

Может ли он быть распечатан, стать открытым, не боящимся сквозняков истории?

Распечатывание – «снятие печатей». Приняв эту метафору, мы найдем, что Апокалипсис – это сценарий, повествующий о распечатывании как об антропологическом процессе. Аксиологический код его указан в символизме семи Церквей, синонимичном семи христианским добродетелям.

Человек словно вылетает из кокона своей наличной человечности, мнясь стать бабочкой Чжуан Цзы. Вылетает или пока еще только скребется в коконе своей навязчивой самоналичности?

Псевдоморфозы культурно-экологической фокусировки

Т.Мертон написал как-то: «Истинный символ ставит нас в центр круга» (Merton 1968).

Только ли символ, взятый в единственном числе? Да еще идентифицируемый рефлексивно и наделённый именем? Если и так, то только в предположении, что он, истинный символ, генерирует символическое поле, целую систему символов, обладающую свойством *целостной прозрачности и представимости*; что качества, свойства и действия любого единичного символа совпадают с качествами, свойствами и действиями символической системы как целого; что символы *голономны*.

Схема «символ > центр/периферия», вытекающая из мысли Мертона, функционирует как психосемиотический оператор. Его действие состоит по-видимому в том, что принятие символа означает попадание в центр как *точку идентификации*, занятие центрального места некоего пространства. С другой стороны, это обеспечивает возможность наблюдения и *обозримости* означаемой символом реальности.

Областью действия этого оператора являются любые состояния человечности. Каждое наше состояние можно понимать как поставленность в определенную точку идентификации, в точку знания, действия и силы.

Разумеется, точка – лишь один из возможных топологических объектов, который может быть символически наделен свойством центральности.

С таким же успехом символ может поставлять нас в пространство (любой размерности), и оно при этом приобретет свойство центральности.

Это может быть город, область или страна, континент (например, Европа в случае европоцентризма), планета (Земля в случае геоцентризма) или какой-то из возможных мыслимых миров (наш мир, как «наилучший всех из возможных миров», согласно Лейбницу).

Аналогичную роль у П.Рикера играет метафора, связывающая далекое, мыслимое *там*, – с близким, ощутимым *здесь*. Близкое – «здесь», около центра, где располагаюсь *Я (мы)*, где ко всему можно прикоснуться (чувством и ощущением). Далекое можно только помыслить, оно – «там», в отдалении от центра, оно недосыгаемо.

Отсюда пространственная формула *эго-* и *этно*центризма: *Я (мы)* здесь и потому здесь центр, пуп земли, здесь *свои*; а там, где *меня (нас)* нет, там периферия, окраина, там *чужие*, там люди «с пёсьими головами».

Формула псевдоморфоз самоопределения, коих столь же желательно, сколь и трудно избегать, оставаясь в пределах «человеческого, слишком человеческого».

Взгляд в забытое:

Н.Ф.Фёдоров о проектной антропологии

В заключении стоит вспомнить об одной идее Н.Ф.Федорова, которого с полным правом можно считать одним из предтеч креативной и проектной антропологии. Речь пойдет о *психократии*, в которой Н.Ф.Федоров видел будущее преодоление пассивного, практически бесплодного психологизма своего времени (Генисаретский 1993).

«Как естественная задача, так и Божественная заповедь, – писал московский отшельник, – требуют обратить бессознательное, невольное рождение во всеобщее воскрешение и психофизиологическое знание в психократию», а «бессознательную слепую силу природы в сознательную управляемую разумом волю». И тогда «масса человечества из толпы ... превратится в стройную силу, когда она <...> будет объединением сынов для воскрешения отцов, будет родством, психократией» (Федоров 1982, с. 322-323).

Сейчас не время вдаваться в оценки утопических и культурно-проектных упований Н.Ф.Федорова. Замечу лишь, что по моим представлениям его философия *общего дела* литургична по своим истокам и смыслу, а потому большинство вплетенных в нее идей могут быть воспринимаемы с заведомым вниманием и доверием.

Так вот Н.Ф.Федоров констатирует, что окружающая нас и воспринимаемая нами действительность психологически расщеплена на две части и состоит «из бездушного мира, из неразумной бесчувственной силы, для которой приличнее название не космоса, а хаоса ... и из бессильной души, знание которой можно назвать психологией (в смысле психократии) разве что лишь проектно, ибо душа отдельно от Бога и мира есть лишь способность к чувству и действию, есть душа без силы и воли», каковой ей надлежало бы быть (там же, с. 72).

И далее, основываясь на этом диагнозе о психологической расщепленности наличного бытия, Н.Ф.Федоров формулирует свое культурно-проектное видение основной задачи психократии, предвосхищающее многие культурно-психологические искания нашего времени: *«Человек не обладает в настоящее время ни полнотой собственного самооткровения, ни способностью проникать во внутреннюю глубину другого существа. Для того, чтоб раскрыться, показать и вполне понять себя, человечество должно воспроизвести себя из простейших элементов, и не в подобном только, или сокращенном порядке, но в действительном, через все индивидуальности, через кои проходили эти элементы (исследования сынами самих себя в отцах, отцами – в сынах, узнавание братьями себя в близких и дальних своих братьях), иначе не будет полного взаимопознания, как без палеонтологии не может быть и полной зоологической классификации, то есть без внесения в классификацию посредствующих исчезнувших видов. Вопрос психократический есть вопрос о всеобщем воскрешении...»* (там же, с. 386).

Повторим еще раз: «человечество должно воспроизвести себя из простейших элементов» (простейших психических образований), когда-либо реализованных «всеми индивидуальностями (представляющими разные психологические традиции и культуры – О.Г.), через кои проходили эти элементы», и на основе этого воспроизведения создать новую область психологического знания и психопрактики – психопалеонтологию, которая объясняла бы целостность и преемственность психологического развития человечества.

В радикальной культурно-проектной и практико-литургической формулировке автора «вопрос психократический есть вопрос о всеобщем воскрешении».

В научно сильном для нас виде, связанном, однако, по идейному и проектному смыслу с психологическими интуициями Н.Ф.Федорова, замысел о психократии предполагает, с одной стороны, работу по выделению простейших элементов каждой психологической традиции

(их исследованию и систематизации), а с другой, – что в нашем контексте особенно важно, – работу по пересозданию психологической оснастки культуры на основе психопрактического освоения элементов не только из состава своей, но и прочих традиций.

Литература

- Гаттари Ф.* Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) / Логос. Ленинградские чтения по философии культуры. Кн. 1. Л., 1991.
- Генисаретский О.И.* Культурно-психологическое измерение Евразии // Евразийская перспектива. М., 1993.
- Гогин А.* К проблеме культурно-экологического кризиса // Культурология как она есть и как ей быть. Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 5. СПб., Эйдос, 1998.
- Дюмон Л.* Эссе об индивидуализме. Дубна, 1997.
- Рокитянский В.Р.* Чего ждать от постмодернистской этнографии? // Этно-методология: проблемы, подходы, концепции. М., 1994.
- Федоров Н.Ф.* Вопрос о братстве, или родстве... // Сочинения. М., 1982.
- Флоренский П.А.* Макрокосм и микрокосм // Богословские труды. Т. 24. М.: Из-дво Московской Патриархии, 1983.
- Merton T.* Symbolism: Communication or Communion? // New Direction (New York), № 20, 1968.

А.А. Пископелъ

Межэтнический конфликт и осевая реальность

В современный политологический «бум», особенно отечественный, немалый вклад вносят два относительно новых предметных тематизма с обслуживающими их концептами – «этничности» и «конфликта»¹. Интерес к ним непосредственно связан, с одной стороны, с глобальными геополитическими изменениями на карте мира и социально-политическими изменениями на карте страны, а с другой – с оформлением под влиянием западной политико-политологической мысли самой отечественной политологии.

Их симбиотическое единство – «межэтнический конфликт» – пожалуй, одна из центральных тем, объединяющая полосы ежедневных газет с академическими изданиями разного толка. Такое единство, наряду с демонстрацией явной социальной значимости и востребованности, невольно заставляет задуматься и о той легкости, с какой представление об «межэтническом конфликте» оказывается приложимым к самым разным микро- и макро- событиям и явлениям современной социально-политической жизни.

В качестве зачина многочисленных работ на эту тему нередко можно встретить рассуждения, основной смысл которых сводится к следующему: мол, что такое конфликт – это достаточно очевидно, и хотя происхождение и природа этничности и вызывают споры, но ее значимость как организующего начала политической жизни и эмоционально-мобилизующая сила вне сомнения и можно прямо обращаться к тем социально-политическим событиям, которые также, очевидно, суть «межэтнические конфликты».

А между тем эти послышки вызывают, по меньшей мере, сомнения, поскольку ни этнология, ни конфликтология не придали соответствующим концептам такую степень теоретической определенности, которая бы позволила развернуть на подобной основе инструментальные гуманитарные технологии, необходимые и достаточные для эффективной социально-политической практики.

В этом легко убедиться, обратившись к тем рекомендациям, которые следуют из анализа «межэтнических конфликтов» разного рода, – в них трудно обнаружить что-либо, кроме здравого смысла. Конечно, здравый смысл – это, как правило, именно то, чего не хватает самим участникам конфликта, но от самой гуманитарной технологии, как минимум, требуется ответ на

¹ А, скажем, в такой политологической работе Реймона Арона 50-х гг., как «Демократия и тоталитаризм» они практически отсутствуют.

вопрос: как этот здравый смысл обнаружить и/или привить участникам самого конфликта? А для этого понятия «этничность» и «конфликт», фундамирующие подобные рекомендации, должны быть «гомоморфны» подобной технологии, так или иначе связаны с ней.

В какой мере это требование учитывается или выполняется в современных представлениях об «этничности», «конфликте» и «межэтническом конфликте»?

Конфликт: основные подходы

При всем внешнем многообразии различных истолкований содержания понятия «конфликт» и предлагаемых теоретико-методологических способов выделения и описания конфликтных явлений можно выделить, по крайней мере, два основания – с одной стороны, «общность», а с другой стороны, «модальность» содержания понятия конфликт, – а в каждом из них два базовых противопоставления, позволяющих типологически различить четыре основных конфликтологических подхода. Тогда в зависимости от того, *генерализованным* или *специфицированным* (общность), *натуралистическим* или *деятельностным* (модальность) полагается содержание явлений, относимых к конфликтам, получит свою определенность и каждый из основных типологических подходов к их анализу и освоению².

Для походов, генерализирующих понятие конфликт, характерна отчетливая тенденция так или иначе отождествить его содержание с содержанием общефилософской категории «противоречия». Соответственно, везде, где обнаруживаются противоречия, их со- и противо-стояние или конституирует сам конфликт (этносов, ценностей, целей, интересов, мнений, претензий, статусов, мотивов и т.п.), или выступает в качестве причины конфликта³.

Для походов же, специфицирующих понятие конфликта, напротив, характерно закрепление за ним гораздо более узкой области явлений (социокультурных или индивидуально-личностных), в рамках которой отнюдь не всякое противоречие есть конфликт, да и никакое противоречие само по себе еще не конфликт.

² Этими подходами, соответственно, являются: генерализованно-натуралистический, специфицированно-натуралистический, генерализованно-деятельностный, специфицированно-деятельностный.

³ Поскольку причина и ее следствия суть категориально «одноприродны», это различие для нас здесь неважно для определения типологической специфики самого подхода. Поэтому для выяснения вопроса о том, какой из подходов развивает тот или иной автор достаточно установить, что он рассматривает в качестве «причин» явлений, относимых им к конфликтам.

В частности, указывая на логическое противоречие между интеллектуальными (духовными) значениями, мы тем самым уже придаем им полную определенность. Категоризация этого противоречия как «логического конфликта» была бы просто тавтологией. Но даже и помещение такого противоречия в некоторое единое (внелогическое) «пространство», например, в индивидуальное сознание, также *само по себе* еще не рождает конфликта (т.е. недостаточно). Существуют состояния сознания или даже типы организации сознания, нечувствительные к таким противоречиям. Но ведь и помещая моменты такого противоречия в разные сознания, мы также еще не обретаем автоматически конфликтную ситуацию, ибо носители этого противоречия могут никогда не узнать о существовании друг друга.

Эти соображения, в частности, демонстрируют, что, хотя общее предположение (что необходимым условием существования такого явления, как конфликт, является противоречие, а значит, и некоторое существенное различие в рамках определенного единства) разделяют и генерализирующий, и специфицирующий подходы, нет никакого смысла относить конфликт к противоречиям, существующим в плане статики, в статической действительности.

И, наоборот, как в научной литературе, так и в практической деятельности представление о наличии конфликта неизбежно связывается с некоторым деянием, событийностью в динамичной и энерго-насыщенной ситуации (это всегда борьба, спор, столкновение и т.п.). Т.е. наряду с противоречием, с противоположными моментами этого противоречия для конфликта необходимо, чтобы эти моменты были противоположно направленными активностями (силами), *несовместимыми друг с другом*, чтобы они сталкивались в процессе обретения единства в предметном бытии – т.е. *взаимодействовали* в нем. Но даже и этого недостаточно. Ведь и в механическом соударении двух тел проявляется некое «противоречие» между ними – невозможность занимать ими обоими одно и то же место в пространстве. Но такое соударение никому не придет в голову рассматривать как «конфликт», пусть даже и «механический». Подобная квалификация была бы формальной и совершенно излишней, потому что противоположные стороны этого противоречия являются таковыми только для сугубо условного целого и в этом качестве не существуют друг для друга. Чтобы это стало возможным, стороны такого противоречия должны быть **субъектами** или **субъектными** (т.е. качествами, принадлежностями субъектов).

Обратимся к другому – «модальному» – основанию различения конфликтологических подходов. Для одного из них (натуралистического) характерно «квазиестественное» представление о конфликте – как явлении, непосредственно следующем из самой «природы» общества. Здесь соответственно

предполагается, что конфликты присущи «социальной материи» как таковой и поэтому принципиально неотделимы от общественной жизни и свойственной ей борьбы интересов за власть и ресурсы путем нейтрализации, нанесения ущерба и уничтожения соперника. В психологистических вариантах этого подхода или при анализе механизмов конфликтных отношений на индивидуально-личностном уровне часто обнаруживают их укорененность и в самой человеческой «природе» – в присущих человеку инстинктах вражды, агрессии и стремлении к эскалации насилия.

Квазиестественное отношение к конфликтам одновременно предполагает, что отнюдь не сами по себе, а только по своим последствиям они могут быть целесообразными или нецелесообразными, конструктивными или деструктивными (точнее сказать: только их последствия, а не они сами по себе). В них видят гарантии неизбежности социальных изменений и один из основных механизмов развития социокультурных систем (или духовного роста людей). Для подобного подхода характерно утверждение конфликта в качестве «нормального» явления общественной жизни. Именно при таком их понимании, скажем, полагают, что «конфликт, таким образом, есть общее понятие для демократии и рынка», а «выявление и развитие конфликта в целом – полезное и нужное дело» (Здравомыслов 1995, с. 4)⁴.

Очевидно, в своем предельном выражении этот подход к конфликтам отождествляет их с любым социальным *взаимодействием*, в котором субъекты взаимодействия *противодействуют* друг другу. Позиция эта представляется внутренне противоречивой, ибо, как хорошо известно, это «полезное и нужное дело» нередко сопровождается ненавистью и насилием, кровью и разрушениями. Как же представители этого подхода справляются с такого рода дефициентностью?

В тех случаях, когда конфликт рассматривается как амбивалентное явление, то в нем выделяется такое его качество, как *регулируемость* (со стороны некой объемлющей надсистемы), с которым (и, соответственно, с которой) связываются возможности позитивного влияния конфликта на общественную жизнь. Именно эта объемлющая надсистема оказывается носителем позитивной социальности, и от нее, в конечном счете, оказывается зависимым влияние конфликтов на социальную жизнь. На этом, в частности, настаивают сторонники оптимистического взгляда на возможность

⁴ В этом случае или не различается, или не используется различие *нормального* и *обычного*. Правонарушения разного рода, алкоголизм и наркомания – явления, к сожалению, обычные для современного общества, но признание их в качестве нормальных стало бы началом конца самой общественной жизни как таковой.

разрешения конфликтов, полагающие, что если ими грамотно и умело управлять, то они могут становиться источниками социально-организационного развития.

Напротив, пессимисты склонны рассматривать конфликты как заведомо слишком сложные, многообразные и ситуативные явления, чтобы их можно было бы «схватить» и выразить с помощью ограниченных, грубых и универсальных понятийных средств и присущих им способов схематизации и идеализации, не говоря уже о том, чтобы ими управлять. Ими зачастую отрицается сама возможность рационального (т.е. не только научного, но и вообще разумного) их освоения на том основании, что конфликты либо вообще иррациональны по своей «природе», либо представляют собой неразрывное единство рационального и иррационального (об этом см. Пископел 1995). Другими словами, они отрицают само существование объемлющих надсистем (и возможность их возникновения путем «конструирования» или «выращивания»), способных направить энергию конфликтов в позитивное русло влияния на общественную жизнь.

Но и оптимисты, и пессимисты неявно исходят из того, что подобные регуляторы находятся за пределами самих конфликтов и впервые вносятся в конфликтную ситуацию объемлющей надсистемой. Сами же по себе конфликты не обладают какой-либо собственной регулятивной структурой и собственными регуляторами и представляют собой своего рода чистый социальный материал.

Напротив, для деятельностного подхода характерно представление о регулируемости как о внутренней определенности любого социального акта (деятельности), вне и помимо которой он оказывается за пределами социальной сферы как таковой. И в этом плане надсистемы, способные регулировать конфликты, типологически ничем не отличаются от самого конфликта как системы социального действия. Более того, эта типологическая идентичность только и позволяет им выполнять регуляционную функцию в тех случаях, когда разрешение конфликта происходит за счет усилий со стороны объемлющей надсистемы⁵.

Поэтому, хотя и для деятельностного подхода характерно рассмотрение конфликта как вида социального взаимодействия, в котором субъекты взаимодействия *противо-действуют* друг другу, но подобное условие является лишь необходимым, но не достаточным в организационно-деятельностной (ОД) модели *конфликта* (Пископел 1994, 1995; Piskoppel 2000).

⁵ В противном случае произошло бы «отторжение» этой системы от конфликтной – точно так же, как это происходит в случае имплантации чужеродной ткани в живой организм.

Здесь отнесение конфликта к социальному противодействию подразумевает различие и противопоставление его *со-действию* как противоположному и взаимоположному способу взаимодействия. Конфликтом в таком истолковании является противодействие, развертывающееся в определенном социальном пространстве — конфликтной ситуации, включающей в свой ареал предметные и субъектные условия (предпосылки) конфликтного взаимодействия. Совокупность субъектных условий вступления в него — *готовность* — является формой выражения определенных отношений, предопределяющих сам способ социального взаимодействия, где содействию соответствуют *кооперативные* отношения между субъектами социального действия, а противодействию — *конфронтационные*.

В соответствии с этими различиями конфликт типологически отождествляется не просто с противодействием как формой социального действия, а с *деструктивным противодействием*. В основе такого отождествления лежит предпосылка, что отнюдь не всякое противодействие и конфронтация являются общественно вредными явлениями. Поэтому конструктивные формы противодействия в этой модели отождествляются с обобщенно (идеально-типически) понимаемой *конкуренцией*. В свою очередь, конструктивные формы социального со-действия (кооперации) обобщенно (идеально-типически) отождествляются здесь с *сотрудничеством*, а деструктивные — с *сообщничеством*.

Введенные различия образуют обобщенную типологию видов социального взаимодействия, одним из которых является конфликтное взаимодействие. Эта типология образована «решеткой» дуальных отношений: сотрудничество ↔ сообщничество; конкуренция ↔ конфликт; сотрудничество ↔ конкуренция; сообщничество ↔ конфликт. Такая типология является одновременно и способом теоретического введения понятия конфликт, ибо она исчерпывает (в отношении привлекаемых оснований) все логически возможные экспликации типологически раскрываемого понятия.

Для ОД-модели конфликта характерна презумпция, что *эмпирической почвой конфликтов* (а не причиной, как это иногда полагают) может быть любая определенность общественной жизни. А это, одновременно, означает, что *сущность конфликта* инвариантна подобным определенностям самим по себе и не может быть выявлена путем их непосредственного анализа. Здесь понятие конфликта связывается не с предметным содержанием противодействия (т.е. не с тем, по поводу чего оно возникает и разворачивается), а с формой его регуляции. В ОД-модели регуляционные отношения вносятся в рамки самого социального противодействия и рассматриваются

в качестве базального «социально-парадигматического» уровня (плана) любого действия, противопоставляемого «социально-синтагматическому» его уровню (плану), выступающему в качестве реализационного, исполнительного его плана. «Причина» же конфликта связывается с парадигматическим планом социального взаимодействия. Полагается, что *парадигматическая совместимость* исходных действий его сторон предопределяет характер взаимодействия: наличие целостности, объединяющего начала у двух взаимопересекающихся действий — «синоним» конструктивности, а ее отсутствие — деструктивности, т.е. конфликта.

Таким образом, в ОД-модели так же, как и в большинстве других моделей, в основе конфликта лежит противоречие, но отнюдь не «всего, чего угодно, со всем, чем угодно» (как иногда, по сути дела, эмпирически классифицируют «конфликты»), а только парадигматик действия/взаимодействия у сторон взаимодействия. Ибо именно совпадение (соответствие) парадигматик обеспечивает возможность для того, чтобы стороны играли в одну и ту же «игру», находились в одном и том же пространстве взаимодействия. Что же касается противоречий между другими определенностями взаимодействующих сторон действия, то они выступают здесь в качестве условий взаимодействия (т.е. условий в равной мере как конфликтных, так и бесконфликтных его форм).

В соответствии с этими представлениями, преодоление конфликта оказывается так или иначе связано с преобразованием исходного конфликтного, деструктивного отношения в конструктивное. С точки зрения идеальной-типологической схемы это означает его переводение либо в «конкуренцию», либо в «сотрудничество». При этом конкуренция как вид взаимодействия сохраняет отношения противодействия сторон, а сотрудничество предполагает возможность их изменения на отношение содействия.

Такое изменение мы связываем, прежде всего, с изменением самих «правил игры», с преобразованием парадигматик взаимодействующих сторон — с их *релятивизацией*. Отсутствие на это согласия сторон гипостазировывает конфликт и закрывает дорогу к его преодолению. Поэтому базовой предпосылкой управления конфликтом в ОД-модели является *проблематизирующая релятивизация конфликтной парадигматики* — первое условие ее применимости и первая фаза ее стратегии разрешения конфликта.

Отсюда первым и основным вопросом ОД-конфликтологии оказывается вопрос об условиях и границах *парадигматической релятивизации*, т.е. вопрос о том, чем определяется наличие таких границ, возможно ли изменение их контуров и существует ли стратегия преодоления конфликта, когда сама возможность релятивизации ставится под вопрос.

Соответственно, особый интерес и особую трудность для конфликтологии, при любом истолковании сути ее предмета, представляют те явления, где в основе происходящего социального противодействия конфликтующие стороны усматривают *фундаментальные* духовные значения, не подлежащие релятивизации. Именно такие представления оказываются, как правило, ведущими в ядерных структурах межэтнических конфликтов, которые в глазах всего цивилизованного мира стали наиболее характерным выражением и проявлением глобального *фундаментализма*.

В основе современной фундаментализации этнического начала нетрудно обнаружить такой способ идеализации, который связан с его интерпретацией в качестве социокультурного «проекта» человеческого общежития, с помощью которого пытаются зафиксировать тот общественный *идеал*, который был бы способен направлять и регулировать современные социальные процессы (Рокитянский 1995, Пископелъ 2000) ⁶. А где есть идеал, есть и особая идеализация действительности. Какова же эта этническая реальность «сама по себе»?

Этнос, этничность, этническое

Как известно, в ответах на вопрос «что такое этнос?» так или иначе находит свое отражение широкий спектр точек зрения – от сугубо примордиалистских до чисто конструктивистских, со всевозможными оттенками и переходами от одного конца подобного спектра к другому. В предельно упрощенном и обобщенном виде суть противопоставления примордиализма и конструктивизма в том, что для примордиализма характерно априорное полагание этнического (этноса, этничности) в качестве *объективного, самостоятельного начала* (субстанции) «природы вообще» (естественнонаучный примордиализм) или «социальной природы» (социокультурный примордиализм), а для конструктивизма – в качестве *социально-политической идеи* (идеала) организации общественной жизни. Соответственно динамика этнического для примордиализма связана с переходом от стихийного функционирования этого начала в качестве объективного фактора (причины), влияющего на все измерения социальной жизни, через его *субъективацию* (осознание) к инструментальному использованию определенными субъектами (политическими элитами) общественной жизни. А для

⁶ Чисто примордиалистский вариант, в котором этничность выступает на правах роковой судьбы, уготованной («Природой» ли, «Богом» ли) человечеству, представляется нам менее интересным.

конструктивизма – с противоположно направленным движением от чистой идеи, выражающей сознательный, конструктивный замысел определенных субъектов (политических элит) общественной жизни, к ее *объективации* в качестве социально-политически организованных ее субъектов через механизмы формирования их этнического (мифологического или идеологического) сознания и самосознания и появляющейся в результате подобной объективации этносоциальной стихии.

Легко видеть, что результат подобного «переходного» процесса, по крайней мере, в его формально-теоретическом выражении, в конечном итоге, один и тот же – становление некоей (этнической) общности с ее атрибутами в качестве субъект-объектной реальности. Поэтому основное различие примордиализма и конструктивизма изначально связано с тем *значением*, которое каждый из этих подходов придает *генезису* (пути обретения) этнической общности, и лишь во вторую очередь с тем *результатом*, который этим генезисом обусловлен. Ибо с их общей точки зрения характер результата целиком и полностью определен характером его генезиса: в первом случае этнической общности придается статус «подлинной» социальной реальности, а во втором – общности только номинальной («воображенной» или «воображаемой») и, в этом смысле, «не подлинной». Поэтому *безусловный* (ценность, приращенность, инвариантность) характер этнического в первом подходе всячески противопоставляется *условному* (утилитарность, производность, релятивность) ее характеру во втором.

В тоже время, представители обоих подходов согласны с тем, что «по факту» подобные противоположные проявления эмпирически присущи этническим феноменам и разница между ними, на этом уровне, лишь в том, какие из таких проявлений признаются первичными и характерными, а какие вторичными и производными. Отсюда бесконечные оговорки о всякого рода исключениях и противоположных проявлениях, которые суть «редки» или «поверхностны», в противоположность тому, что имеет место «как правило» или в «глубине». Или апелляция к тому, что этнические феномены сложны, запутанны и противоречивы, а то и просто иррациональны⁷.

Такая внутренняя согласованность, при явной внешней противоположности отнюдь не случайна. По сути дела, эти теоретические точки зрения оказываются взаимодополнительными (в смысле «принципа дополнительности»

⁷ «Этничность, вне всякого сомнения, имеет иррациональную природу, наука же, оперирующая сугубо рациональными методами познания (чем она отличается, например, от религии или искусства), ограничена в возможностях исследования иррационального... то явление, которое обозначается термином «этничность», едва ли можно, по крайней мере на современном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции» (Чешко 1994, с.40).

Н.Бора). Эта взаимодополнительность сказывается во многом и, в частности, в том, что примордиалисты сосредотачивают свое внимание на процессах *генезиса* этнических общностей, а конструктивисты – ее социального *функционалирования*. В результате неадекватными или дефицитными оказываются, зачастую, описания и объяснения, в первом случае, современных социально-политических процессов, а во втором, процессов их исторического становления и существования. Т.е. у каждого из подходов оказывается и свой собственный эмпирический базис, а его ограничение может оправдываться, например, методологически – исключением из концептуального арсенала каузально-генетических гипотез (П.Бергер и Т.Лукман) – или предметно-теоретически – за счет отрицания исторической перспективы у этнических феноменов и утверждения их сугубой современности (А.Хансон, Д.Вэйл, А.Коэн).

Эта взаимодополнительность не осталась незамеченной. Более того, есть основания полагать, что «подавляющее большинство современных специалистов в области этнополитики отвергают крайности обоих подходов, полагая, что истина находится в той или иной «точке» между ними» (Нарочницкая 2000, с. 20). С ее осознанием, в разной степени и в разной форме, связаны попытки синтеза обоих подходов (П.Брасс, Д.Горовиц, Э.Смит, М.Фриман, Э.Спайсер и Дж.Скотт, Дж.МакКей, И.Ю. Заринов и т.д.). Не разделяя с этими попытками их конкретные теоретико-методологические средства интеграции, мы вполне принимаем саму установку на объединение примордиалистского и конструктивного подходов, ибо для нас в равной мере неприемлемы обе крайности, хотя в феноменологическом плане каждая из них выражает и абсолютизирует вполне реальные особенности этнических феноменов.

Для того чтобы подобная интеграция стала возможной, необходимо пересмотреть и снять то общее представление, которое выступает в качестве логического основания для дихотомии, с противоположными членами которой солидаризируются и ассоциируются представители полярных подходов. Это вольно или невольно разделяемое обоими подходами основание состоит в том, что социально общезначимо лишь то, что складывается как бы «само по себе», стихийно (естественно), в отличие от того, что появляется в результате целенаправленного формирования (искусственно). В этом случае противопоставление «объективное – субъективное» отождествляется с логически близким, но отнюдь не тождественным, противопоставлением «естественное – искусственное»⁸.

⁸ Отсюда известное противопоставление примордиализма, как отстаивающего существование «объективной» этничности, конструктивизму, как направлению отрицающему ее «объективное» существование.

Для нас «естественное» и «искусственное» сами представляют собой в первую очередь определенные подходы и отношения к чему либо и лишь во вторую порождаемую этими подходами «предметность»⁹. И только затем уже, на собственно предметном уровне, естественное (как определенное) выступает «само по себе» вне зависимости от человеческой деятельности и описывается как закономерное, определяемое имманентными и внеположными для деятельности законами, в отличие от искусственного (как определенное) – того, что порождается мышлением и деятельностью для достижения целей и в соответствии с определенными нормами, т.е. как нечто имманентное самой деятельности.

Первый подход, (Е)-подход, оправдавший себя в естествознании, явно недостаточен применительно к общественным системам. Второй подход, (И)-подход, в чистом виде может быть оправдан в технике (да и то не всегда), но применительно к общественным системам он явно преувеличивает наши возможности воздействия на социальную реальность.

Более реалистичным здесь оказывается третий – (И/Е) –подход, в котором каждый из составляющих его подходов представлен опосредованно: естественное как «оестественное», а искусственное как «артифицированное». Другими словами, с точки зрения И/Е-подхода в социальной реальности ничто «само по себе» раз и навсегда не является ни естественным, ни искусственным, но только оестественным и артифицированным и динамика любой социальной предметности (социальная динамика) суть динамика софункционирования процессов оестествления и артифицирования.

С точки зрения И/Е-подхода этносы и этническое вполне реальны, но это исторические образования, а значит образования скорее функционального, нежели субстанционального толка. Поэтому для нас в равной мере являются иллюзорными примордиалистские поиски наряду с социальной «субстанцией» особой «этнической» субстанции (этничности) как некоей исходной сущности, всегда равной самой себе, и попытки теоретически или эмпирически выявить тот набор начал (признаков), который способен конституировать этносы, в отличие от всех остальных социальных общностей.

Но если существование такой реальности не является манифестацией некоей «субстанции», маркированной в качестве этнической и принимающей те или иные конкретные «формы», и не конституируется определенным составом компонентов (свойств-признаков), то с точки

⁹ Это одно из априорных оснований собственно СМД-подхода.

зрения системной парадигмы остается апеллировать лишь к *системно-целостности*¹⁰.

Признание за этносом исторической формы существования предполагает, что этнос как целостность определен относительно процесса его истории. А это означает, что изначально этнос является «сообществом» так или иначе ставшим «обществом» — т.е. *относительно независимым и самодостаточным общественным целым, способным самовоспроизводиться в качестве исторической реальности, т.е. обрести свою историю* (Пископель 2000)¹¹. Ясно, что при такой концептуализации этноса на состав его компонентов (признаков) налагается единственное ограничение: их софункционирование (сочетание) должно обеспечивать его воспроизводство в качестве исторической общности. А это предполагает лишь полноту и совместимость тех определенностей (что не исключает и противоречий между ними) социальной целостности, которые необходимы и достаточны для его самовоспроизводства — исторического бытия. Совершенно ясно, что для обеспечения процессов воспроизводства такого целого на разных этапах исторического развития и применительно к разным историческим условиям состав этих свойств-признаков не только может, но и должен быть различным, весьма вариативным, становясь этнообразующим лишь пройдя «испытание историей», которая у каждого этноса оказывается своя.

Между интегративными субъектами такого целого — в ряду от первобытно-родовой общины до современного народа, — сложившимися в разные исторические эпохи, с точки зрения состава определяющих их свойств-признаков может быть мало общего. А это значит, что в конечном счете не существует раз и навсегда заданных определенностей, конституирующих этносы и определяющих этничность его представителей, а в роли этнообразующих факторов в разных исторических контекстах и на разных этапах исторического развития общества способны выступать (выступали) и самые различные социо-гео-культурные начала (общность начал) и отношения: расово-антропологические, языковые, культурные, религиозные, историко-генетические, потестарные, территориальные и т.п.

Если «общество» есть определенность воспроизводства для этноса как социальной целостности, то «образ жизни» есть та же определенность

¹⁰ Именно с этим связана, на наш взгляд, та легкость, с которой любые изменения в составе этой целостности (социокультурные, территориальные, экономические и т.п.) трактуются в качестве ущемляющих интересы этнических общностей, т.е. как проявление межэтнических отношений.

¹¹ Речь здесь, конечно, идет об «этносе» как идеальном объекте.

воспроизводства для этноса как интегративного субъекта такой целостности (и, следовательно, его частных субъектов, вплоть до отдельного индивида). В свою очередь, по отношению к «образу жизни» как процессуальной структуре системной целостности сам интегративный субъект выступает в роли ее «организованности»¹². Именно эту «организованность», определенную «образом жизни» на уровне отдельного члена этнической общности, и имеют в виду под его *этничностью*.

Вполне очевидно, что для становления так понимаемых этносов, в общем случае, подобное «парциальное общество» должно исторически соразмерное время быть изолированным (в том числе географически) от других парциальных обществ-этносов в своем коренном местобитании. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в новой истории подобное условие заведомо не выполняется и чистый этногенез практически невозможен. В современных условиях речь может идти лишь о «параэтносах» и «параэтничности».

Для так понимаемых этносов нет раз и навсегда объективно наложенных ограничений на зарождение, слияние, поглощение, деление и т.п., и каждый раз это могло происходить и, очевидно, происходило по разному (на разных основаниях), в зависимости от хода региональной или всемирной истории¹³. Следы всех этих диахронных процессов, в виде порождаемых ими *организованностей*, присутствуют в архитектонике синхронного образа жизни, и за счет этого любой этнос, однажды сложившись в качестве субъекта исторической жизни, приобретает определенную социальную «массу» и свойственную ей инерцию сохранения, независимо от его последующей исторической судьбы как «общества». Но уже, конечно, в виде «параэтноса», сохраняющего генетическую связь с родовым этносом-обществом, хотя эта связь *объективно* может становиться все более и более условной¹⁴.

¹² В парадигме системно-структурного подхода «организованность» – это «след» процесса, претерпеваемого или осуществляемого системой, «отпечаток» структуры этого процесса в «материале». Организованность, порожденная одним процессом, может выступать в качестве материала, с которым приходится «иметь дело» другим процессам. Отсюда организованностью называется также объект, выступающий по отношению к другим объектам как самостоятельный и предметная форма которого сохраняет следы его генезиса (относительно которого он и является организованностью).

¹³ Хотя подобные ограничения, в форме запрещения «межэтнических» или «межконфессиональных» браков, были (и продолжают быть) свойственны многим регулятивным социокультурным системам.

¹⁴ Эти процессы достаточно отчетливо запечатлены в «языковых организованностях» – традиционных объектах сравнительно-исторического языкознания, этимологии и т.п. лингвистических дисциплин.

Тем более, что в ряду сменяющих друг друга «этнических матрешек» последующий самообраз стремится преобразовать, заместить и тем самым вытеснить (архетипизировать) собой предыдущий¹⁵.

Этот процесс осуществляется за счет работы особых механизмов этноидентификации на всех социально-иерархических уровнях – от социального до индивидуально-личностного¹⁶.

Как и всякий эмоционально-действенный социально-гуманитарный ресурс, этничность вызывает к жизни и (национально-этническую) политику, направленную на овладение и управление этим ресурсом, на придание ему свойственной тому или иному типу этнического сознания (представления и чувства) формы выражения. С сознательным управлением этим ресурсом связана конструктивистская трактовка этничности и этносов как эпифеноменов и результатов реификации политико-идеологических фикций. И они являлись бы такими фикциями, если бы этничность была бы не *естественно-искусственным* (ЕИ), а чисто *искусственным* (И) феноменом. У нее же есть вполне естественная (оестественная) компонента, вырастающая из «своего» образа жизни, отличающегося от образа жизни других парэтнических сообществ и имеющего другой исторический генезис. При всей относительной свободе политического *конструктивизма* его

¹⁵ Ведь и утверждение новой веры, как правило, начинается с перестройки старого культового сооружения на новый лад: на месте языческого капища ставят христианскую церковь, Храм Святой Софии перестраивают в мечеть Айя-София.

¹⁶ «На уровне интегративного субъекта подобное становится возможным, во-первых, именно вследствие его функциональности – благодаря тому, что в роли символа парэтнического единства способна выступить любая определенность, первоначально свойственная родовому этносу-обществу, если она является дифференцирующим признаком в отношении окружающих этносов (парэтносов), а во вторых, за счет осознания исторической (реальной или мифологической для этнического телоса) и генетической (также реальной или мифологической) преемственности (т.е. при этнически окрашенном общественном сознании).

... Формирование парэтнической идентичности составляет неотъемлемую сторону становления самообраза современного человека, в процессе становления которого его компоненты обретают полноту («психических комплексов») и складывается полнообъемная структура человеческого *проживания, смысловое единство поведения и переживания*... Этот самообраз складывается изначально бессознательно, путем усвоения определенного культурно-антропологического прототипа и становится способом организации, поляризации и канализации эмоционально-энергетических ресурсов становящейся личности. Психологической подосновой для подобного *культурно-этнического импринтинга* становится механизм «катексиса», связывающий и закрепляющий положительные аффективные переживания со «своими», а отрицательные с «другими» в процессе освоения и присвоения транслируемого родовой общностью (в основном семьей) *образа жизни*, разделяемого с тем или иным объемлющим сообществом, с его парэтнической историей» (Пискотель 2000, с. 16).

эффективность во многом ограничена тем, что вольно или невольно он вынужден быть или выдавать себя за *реконструктивизм*, ибо «члены социума способны конструировать лишь уже исторически сложившиеся, но в силу различных причин потерянные культурные характеристики и стандарты» (Заринов 2000, с.13).

Параэтносы и параэтничность оказываются сложными естественно-искусственными историческими образованиями, представляющими собой воспроизводящиеся социокультурные полисистемы (организованности), охваченные устойчивыми (взаимодополнительными) ЕИ-связями ¹⁷.

Межэтнические конфликты и фундаментальные ценности

Если подобные представления о содержании концептов «конфликт» и «этнос» рассматривать в качестве рамочных, то какие формы социального противодействия осмысленно интерпретировать в качестве собственно межэтнических конфликтов?

В рамках ОД-модели конфликта – очевидно, только деструктивные, не имеющие общей регулятивной, парадигматической основы ¹⁸. Но, установить, является ли та или иная форма противодействия конфликтной, с точки зрения такой модели сравнительно просто, а вот ответить на вопрос, идет ли речь о собственно межэтническом противодействии, несравненно сложнее.

Здесь явно недостаточно только того обстоятельства, что сторонами противодействия выступают представители разных этнических общностей, даже если в качестве интегративного субъекта противодействия выступает большая часть этнической общности или даже она как таковая ¹⁹. Необходимо, чтобы это противодействие выступало бы как способ утверждения «межэтнических отношений», т.е. отношений возникающих на основе и по

¹⁷ В этом своем качестве они мало чем отличаются от всех других социокультурных феноменов, феноменов естественно-искусственных, способных в процессах «оестествления» и «артификации» отливаться в самые разные конкретные формы.

¹⁸ Совершенно очевидно, что футбольный матч между национальными сборными – вполне конструктивное конкурентное противодействие – никому не придет в голову рассматривать в качестве межэтнического конфликта. А вот то, что иногда, к сожалению, происходит на трибунах этого матча и за пределами стадиона между футбольными «фанатами», явно может претендовать на статус локального межэтнического конфликта.

¹⁹ Любая война является типичным конфликтом, но даже в этом, предельном случае, отнюдь не всегда речь идет о межэтническом противоборстве. Скажем, I и II Мировые войны не были межэтническими, хотя некоторые их эпизоды и можно рассмотреть в качестве таковых.

поводу «этнического»), и в них должны отстаиваться не какие-нибудь, а именно «этнические интересы»²⁰.

Хотя ответ на подобный вопрос – в чем конкретно эти интересы состоят? – очевидным образом зависит от понимания природы и сущности этнического, но основополагающие интересы субъектов как витально организованных целостностей выражены в присущем им «инстинкте самосохранения»²¹. И поэтому основное объективное содержание межэтнического противодействия – это борьба за свое сохранение. Причем, такая, в которой другая сторона такого противоборства целенаправленно и/или «по факту» ставит историческое бытие парэтнической общности под вопрос.

Отмечаемый всеми исследователями межэтнических отношений взрыв политической активности меньшинств 60–70-х годов XX столетия, в орбиту которого попали практически все западные страны, лишь завершил ставшую практически повсеместной с конца XIX – начала XX веков политизацию самосознания исторически сложившихся меньшинств. С ней связаны образование этнических партий, разработка собственных национально-политических доктрин, усиление автономистских и сепаратистских тенденций в современных национальных государствах и т.п.²² Практически, с этого же времени ведут свой отсчет и исследователи межэтнических конфликтов, поскольку этнополитическая активность часто приводила и приводит к конфронтации и насилию²³.

²⁰ Как известно, этнологический конструктивизм именно на этом основании отвергает субстанциональное истолкование этнического, указывая, что с помощью «этнической мобилизации» те или иные политические элиты преследуют лишь свои политико-экономические интересы, с тем или иным успехом выдавая их за «этнические».

²¹ Причем, речь идет не только об академических штудиях, но и о реальной социально-политической практике. Ибо именно защита подобных интересов, протест против их ущемления выступают в качестве основания и политического повода «этнической мобилизации». Точно так же, как наличие и осознание этих интересов определяют действенность подобных призывов.

²² Существует точка зрения, что эта социально-политическая практика продемонстрировала, что «многие традиционные аксиомы либеральной западной мысли в сфере национальной проблематики оказались серьезно поколеблены. Кризис политики ассимиляции сделал очевидными уязвимые места гражданской модели государства-нации и той философии, из которой она выросла» (*Нарочницкая* 2000, с. 19). Хотя более уместна прямо противоположная оценка: эта практика оказалась чрезвычайно эффективной. Именно поэтому последовала столь острая реакция – взрыв этнополитической активности.

²³ «В период 1945–1990 гг. около 100 этнических групп участвовали в вооруженных конфликтах, и большинство продолжающихся ныне войн имеют в той или иной степени этнический характер... По некоторым оценкам, 70% из более чем 20 млн. погибших после 1945 г. в различных войнах и восстаниях стали жертвами насилия на этнической почве... Не менее 70 государств столкнулись с проблемой этнических движений» (*Нарочницкая* 2000, с. 4).

Появившиеся этнические партии и движения стали претендовать на свою эксклюзивность в определении (идеологически и социально-практически) того, в чем состоят интересы тех или иных парэтнических общностей, и интерпретировать те или иные события в жизни современного общества как межэтнические противоречия и противоборства. При этом, будучи не в силах удовлетворить свои интересы в конкурентной форме противодействия, они стараются его перевести в конфликтную форму, нередко успешно выдавая те или иные корпоративные интересы парэтнических элит за этнические интересы как таковые и используя механизм «этнической мобилизации» в качестве средства решения своих узкоклановых проблем²⁴.

Объективная динамика развития современных общественных организаций такова, что ей неизбежно сопутствуют глубокие изменения в «образе жизни» всех парэтнических общностей. Вполне понятное желание поставить эти изменения под контроль только тогда обретет адекватную и эффективную форму, когда удастся отделить необходимые и неизбежные изменения от тех, которые инспирированы стремлением удовлетворить интересы одних парэтнических общностей и групп за счет других. В противном случае, нет и не будет никакой возможности ограничить полный произвол в деле такой мифологизации межэтнических отношений, в которой любые события общественной жизни интерпретируются как действия «чужого», иноэтнического субъекта – либо как просто игнорирующие законные интересы «своей» общности, либо как целенаправленно их ущемляющие к собственной выгоде. Именно это обстоятельство эксплуатирует современный национализм (как идеология и определенная социальная практика), предлагая свой универсальный способ разрешения всех подобных проблем²⁵.

Именно поэтому выяснение природы и значения «этнического» в социальной жизни, с одной стороны, и «природы» конфликтного противодействия, с другой, являются первой необходимой предпосылкой адекватного ответа современного общества на «этнический вызов».

Управление межэтническим конфликтом, стремящееся его разрешить, должно быть направлено, точно так же, как и управление любым другим конфликтом, в основном и по преимуществу непосредственно на парадигматический строй взаимодействия и только опосредованно на сами актуальные действия сторон. Такое управление может осуществляться разными

²⁴ Как известно, социальный анализ этнополитики элитарных групп меньшинств во многом стимулировал становление конструктивистской парадигмы в этнологии.

²⁵ По Э.Геллнеру национализм прежде всего принцип, требующий совпадения политических и этнических «единиц», а также того, чтобы управляемые и управляющие внутри политической единицы принадлежали к одному этносу (Геллнер 1991).

конкретными путями и разными способами. Но необходимой предпосылкой для такого управления является сама возможность изменения подобных игровых правил, на которые должны согласиться стороны конфликтного отношения. Другими словами, такое преобразование оказывается возможным только тогда, когда парадигматическая основа взаимодействия признается *релятивной* обеими сторонами конфликта.

Именно эта предпосылка, как уже отмечалось выше, отсутствует там, где речь идет о межэтнических отношениях, так как в этой сфере мы имеем дело с явлениями, где в основе происходящего социального противодействия конфликтующие стороны усматривают *фундаментальные* духовные – тео-этно-национальные – ценности, рассматривающиеся в качестве абсолютных и непреложных. Естественно, что конфликты, стимулируемые или регулируемые значениями такого рода, оказываются и неуправляемыми и хроническими.

Очевидно, для такого рода конфликтов первой задачей *парадигматической релятивизации* может быть сепарирование конфликтного пространства, его разделение на такие подпространства, одним из которых станет *фундаментальное* (сакральное или абсолютное), ортогональное остальным – *релятивным* (профанным или относительным) – подпространствам. Причем, таким образом, чтобы всемерно сузить сакральное пространство, по возможности вывести его за пределы социального противодействия как такового и тем самым открыть дорогу для взаимной релятивизации парадигматик.

Речь здесь идет, очевидно, о принципиальной возможности и самом принципе дифференциации конфликтного пространства: разделении и выделении в рамках этнического пространства *надэтнической* и *субэтнических* его составляющих. Это означает выделение в нем подпространства, относящегося к *осевой реальности* социума, по отношению к которой субэтнические составляющие этнического пространства оказываются в одном и том же отношении. Такое представительство в осевой реальности, выступая в качестве общей части этнического пространства, может фактически опосредовать и упорядочивать отношения между ними ²⁶.

Эту реальность конституируют, в первую очередь, те обобщенные и общечеловеческие ценности, которые традиционно относят к ценностям *культурно-цивилизационным* (цивилизационным) – в их противопоставленности

²⁶ Это упорядочивание, очевидно, может происходить как за счет *естественного дрейфа* универсальных креативных духовных значений в осевую реальность, так и путем ее *искусственного устройства* (Пископель 2000).

культурно-почвеническим (почвенническим)²⁷. Где основной особенностью почвеннических ценностей (миропонимания и мирочувствия), в их отличии от цивилизационных, является такое их принципиально-синкретическое единство, в котором еще не дифференцированы религиозные, правовые, политические, эстетические и т.п. мотивы и представления, нравы и обычаи «образа жизни» того или сообщества²⁸.

Прекращение, замораживание или выход из конфликта всегда предполагает проведение некоторой *политики* в целях выстраивания новых отношений между противоборствующими сторонами. Важнейшим обстоятельством, определяющим лицо такой политики, является различная рефлексивная выраженность взаимоотношений естественной и искусственной компонент в цивилизационных и почвенических ценностях. Для субреальностей и выражающих их своеобразие почвеннических ценностей характерно, что если они и подвержены изменениям, то только в процессе имманентной исторической эволюции и плохо приспособлены к артификации и развитию. Практически, любая артификация рассматривается здесь как посягание «на святое». И, наоборот, *конвенциональность* – базовая ценность осевой реальности – и релятивизация как текущих отношений, так и парадигматической их основы возможны только в этом пространстве. Поэтому, чем большая «часть» социального пространства оказывается ассимилированной осевой реальностью, тем большая часть конфликтных отношений оказывается в принципе разрешимой.

Отсюда вовсе не следует, что необходимо стремиться превратить все социальное пространство в осевое. С одной стороны, это невозможно, а с другой, и нежелательно, поскольку способно привести к прямо противоположному результату в силу «витальности» субпространств, питаемых почвеническими ценностями. Речь идет о процессе артификации динамического равновесия между культурно-почвеническими и культурно-цивилизационными ценностями ценностного «логоса» (как условия и результата социально-исторического процесса конвергенции-дивергенции культур и

²⁷ Очевидно, что в так понимаемой осевой реальности надэтническое подпространство представляет лишь одно из ее «измерений», а сама она конституируется всеми измерениями, выступающими в роли «осевых» по отношению к тем или иным социокультурным субпространствам.

²⁸ «Хотя разные компоненты этой целостности имеют разное происхождение и разные источники, сложились в разные исторические эпохи, образовавшийся *генетический синкретизм* освящен и скреплен соответствующей «мифопоэтической реальностью» и транслируется в качестве основы той или иной традиционности – на правах ее живой исторической памяти» (*Пископель* 2000, с. 25).

социокультурных общностей), оптимального с точки зрения доступных сдержек и противовесов в данных исторических условиях.

Литература

- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблемы интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. №2.
- Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1995.
- Нарочницкая У.А. Этнонациональные конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). М. 2000.
- Пископпель А.А. Конфликт: социокультурное явление и научное понятие // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. М, 1994.
- Пископпель А.А. Элементарная структурно-функциональная модель конфликта как деструктивного противодействия // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2. М., 1995.
- Пископпель А.А. Осевая реальность этнического пространства // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 7. М., 2000.
- Рокитянский В.Р. Этнос как проект // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2. М., 1995.
- Рыбаков С.Е. Философия этноса. М.. 2001.
- Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.
- Piskoppel A. Duality of Conflict. In J.K. Allen and J. Wilby (eds.) *Proceedings of the World Congress of the System Sciences and International Society for Systems Sciences 44th Annual Meeting, July 16-22, 2000 (CDROM), paper 20077 (ISBN: 09664183-5-2).*

«Культура» и ее понятийное окружение (в рамках системодетельностного подхода) *

Содержание

1. Деятельностный (системодетельностный) подход 49
2. Деятельность 62
3. Система 65
 - 3.1. Система I 65
 - 3.2. Система II 71
4. Естественное - искусственное 74
5. Культура 79
6. Норма - реализация 91
7. Социотехническое отношение 95
8. Трансляция 96
9. Управление 102
10. Шаг развития 104
- Литература 108

1. Деятельностный (системодетельностный) подход

Подход, при котором деятельность выступает в качестве предельной категории, субстанции, через которую, с помощью которой и в формах которой усваивается и присваивается как окружающая человека действительность, так и его собственный внутренний мир.

Деятельностный подход противостоит *натуралистическому подходу*, исходящему из того, что человеку противостоят независимые от деятельности объекты природы, которые взаимодействуют с ним, влияют на него и через это взаимодействие даны человеку и познаются им.

* Настоящая публикация содержит фрагмент глоссария электронной библиотеки «Наследие ММК», включающий понятия культурологического и культуротехнического ряда. Публикация подготовлена редакторами-составителями сборника.

Фрагменты текстов

(1)

Когда человек, находящийся в рефлексивной позиции, ставит перед собой задачу объединить в одно целое представления, имевшиеся у него в прежней позиции и полученные после рефлексивного выхода, преодолеть их и таким образом как бы «вернуться» назад к однородному объективному представлению, то он обнаруживает, что есть *два пути* и *два метода решения* задачи и соответственно две разные позиции, на которые он может перейти, – натуралистическая и деятельностная – и каждой из них соответствует своя особая научная и философская точка зрения.

Хотя проблема определения специфики каждой из этих позиций и их соотношения крайне сложна и имеет за собой большую литературу, мы рискуем охарактеризовать эти две точки зрения предельно коротко и вместе с тем неизбежно весьма грубо и схематично.

Натуралистическая точка зрения может быть определена прежде всего как предположение и убеждение, что человеку противостоят независимые от деятельности объекты природы; как таковые они вступают в те или иные отношения с человеком, взаимодействуют с ним, влияют на него и, благодаря этим взаимодействиям и влияниям, через них, *даны* человеку.

Это предположение и убеждение хорошо согласуется с распространенными обыденными представлениями нашего сознания, которое фиксирует как совершеннейшую очевидность разнообразные вещи нашего деятельностного мира и объявляет их объектами природы. Данные нашего восприятия, организованные в формы всеобщих категорий (пространства, времени, вещи и т.п.), прямо и непосредственно переводятся в утверждения о существовании объектов, причем именно в таком виде, как они нам даны. И точно так же самоочевидным считается представление, что существует и может рассматриваться в качестве элемента мирового устройства отдельный человек, взаимодействующий с вещами природы.

Многие мыслители, в том числе и К.Маркс, с помощью сложных философских рассуждений показывали и доказывали, что отдельного человека нельзя считать конституирующим элементом мира, элементом, который мог бы взаимодействовать с тем, что мы называем объектами природы <...>.

Многие мыслители, в том числе и К.Маркс, называли традиционные формы человеческого сознания, связанные с категорией вещи или объекта природы, «превращенными» формами, и это выражение естественно ассоциируется с выражением «превратные формы» <...>.

Несмотря на всю эту критику, натуралистический подход и натуралистическая онтология остаются основными в современной научной деятельности

и лежат в основании почти всех современных наук, не только «естественных», но в значительной степени также гуманитарных и социальных.

Деятельностная точка зрения, выступающая в качестве альтернативы натуралистической, может быть определена прежде всего как предположение и убеждение, что все «вещи», или «предметы», даны человеку *через деятельность*, что их определенность как «предметов» обусловлена в первую очередь характером человеческой социальной деятельности, детерминирующей как формы материальной организации мира – «второй природы», так и формы человеческого сознания, что, говоря об их действительном существовании, мы должны иметь в виду прежде всего рамки и контекст человеческой социальной деятельности, ибо все то, что принято называть «вещами», «свойствами», «отношениями» и т.д. лишь временные «сгустки», создаваемые человеческой деятельностью на базе захваченного и ассимилируемого ею материала. Одна из самых резких формулировок деятельностной точки зрения, или «принципа деятельности», принадлежит К.Марксу – это первый тезис из набросков, в которых было сформулировано его отношение к работам Фейербаха: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и феербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувствительность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но самую человеческую деятельность он берет не как предметную деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает как истинно человеческую только теоретическую деятельность, тогда как практика берется и фиксируется только в грязно-торгашеской форме ее проявления. Он не понимает поэтому значения «революционной», «практически-критической» деятельности» (*Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.3. М., 1955*).

Хотя натуралистическое и деятельностное представления действительности столь сильно различаются, хотя они не только словесно, но и по существу дела *противостоят* друг другу, тем не менее неправильно было бы думать, что они друг друга исключают. Мы можем и должны говорить, что эти два представления, существенно различающиеся и взаимно противопоставленные, скорее *дополняют* друг друга. Но одновременно они неравнозначны с точки зрения общности: деятельностное представление является

более широким, оно включает и объясняет натуралистическое представление, хотя вместе с тем натуралистическое представление не может быть сведено к деятельностному и стать его частью. Именно поэтому мы говорим, что натуралистическое представление дополняет деятельностное.

Но К.Маркс не случайно выдвигал на передний план именно принцип деятельности и деятельностное представление мира, ибо ничто, наверное, не оказало такого отрицательного влияния на развитие наук и философии в XIX и XX вв., как натурализм и попытки повсеместно распространить его на гуманитарные и социальные науки. В частности, он невероятно затормозил развитие языкознания и логики, на 200 лет отодвинул появление и развитие семиотики и сейчас является главным препятствием на пути создания эффективной теории проектирования и теории управления. [5]

(2)

Деятельностный подход к методологии позволяет нам понять, среди прочего, что суть дела не только и не столько в том, чтобы знать, сколько в том, чтобы освоить и овладеть. Понятия освоения и овладения деятельностью являются более общими и более принципиальными, нежели понятие знания. Знание есть лишь один момент и одна сторона того, что мы называем освоением и овладением деятельностью. [14]

(3)

Сопоставляя между собой натуралистический и деятельностный подходы, <...> можно сказать, что натуралистический и деятельностный подходы могут быть охарактеризованы соответственно как внутренний для деятельности и внешний.

Натуралистический подход является внутренним в том смысле, что деятельность не противостоит ему в качестве объекта преобразования или изучения. Будучи включенным в деятельность, натуралистический подход охватывает лишь то внутреннее, что противостоит человеку как элементу деятельности. Хотя все, фиксируемое натуралистическим сознанием, является лишь моментами и элементами деятельности, но он не фиксируется в этой своей функции и не трактуется, и не объясняется в качестве моментов и элементов деятельности, а выступает само по себе как вещи, свойства, отношения вещей, природные процессы и т.д. и т.п.

Деятельностный подход является внешним в том смысле, что для него объектом изучения и преобразования является сама деятельность, деятельность как целое, схваченная в тех или иных ее характеристиках.

Чтобы изобразить этот специфический момент деятельностного подхода, мы представили все дело так, будто человек, принимающий его, пространственно механически выходит за границы деятельности. Такое

противопоставление, во многих отношениях удобное своей наглядностью, вместе с тем, создает иллюзию вообще, встать в позицию знающего объекты и созерцающего их без деятельности. Такого, конечно, не может быть. Выходя за пределы каких-то структур деятельности, человек, конечно, остается в пределах и рамках деятельности вообще. <...>

Но таковы, наверно, без всякого исключения изображения: число выражает количество в формах порядка, система – связи в формах отношений и т.д., и т.п. Принципиальное отличие деятельностной позиции от натуралистической состоит прежде всего в специфике ее средств и в особом «видении» объекта, представленного на табло деятеля.

Меняя свои средства и свое «видение» объекта, человек остается в пределах деятельности, продолжает существовать внутри нее. Но, чтобы изобразить это изменение средств и видения объекта, т. е., по сути дела, изменение самого объекта деятельности и отношения к нему человека, мы рисуем схемы, в которых человек, а он выступает в качестве активного, деятельного начала, меняет свое отношение к объекту, выходит за границы уже очерченной сферы деятельности и становится в оппозицию к ней. Смену средств и содержания знания мы изображаем как изменение объекта знания и отношения к нему человека.

Конечно, такой способ изображения не является единственным. По сути дела, он все еще несет на себе неизгладимую печать натурализма. Мы могли бы попытаться изобразить переход от натуралистической позиции к деятельностной непосредственным образом – как изменение средств и образа объекта на табло у деятеля.

Точно также мы могли бы «оставить» деятеля внутри прежних сфер деятельности и зафиксировать их изменения к объективности, введя новое по своему типу и характеру отношение. Собственно так и было сделано, когда в философии стали говорить о рефлексивных отношениях. Сейчас мы уже имеем специальные изображения этого отношения, свободные от той иллюзии выхода деятеля за пределы деятельности, о которой мы говорили выше <...>.

Эти изображения фиксируют не только и даже не столько изменение средств и видения, но также и в первую очередь изменение объекта деятельности, но при этом сохраняя неизменной позицию деятеля внутри деятельности.

Образно это отношение можно охарактеризовать как «внешнее» видение деятельности «внутри».

Хотя мы все время говорили об отношении рефлексии как новом отношении, но по сути дела, оно не является столь уж новым. Как я уже

говорил выше, философия родилась вместе с выявлением и фиксацией этого отношения. Как говорил известный английский философ Райл: «С момента своего возникновения философия напоминает человека, который высунувши голову в окошко, хочет увидеть себя проходящим по улице».

Таким образом, деятельностный подход имеет длительную историю и весьма мощную традицию, о нем нельзя говорить как о чем-то принципиально новом и характерном лишь для нашего столетия, но вместе с тем, мы не можем говорить, что уже он достаточно развился и что четко выделил свои основные принципы и понятия. До сих пор деятельностный подход остается скорее замыслом и мечтою, нежели свершением, и, наверное, пройдет еще много времени и много усилий будет затрачено на поиски, прежде чем мы сумеем выделить основное ядро характерных для него представлений, принципов и понятий. Поэтому до сих пор, характеризуя деятельностный подход, приходится говорить больше о поисках и ошибках, характеризовать деятельность не строго понятийно, а в последовательности весьма приближенных и неточных представлений. [3]

(4)

Суть деятельностного подхода, напротив, заключается в том, что мы рассматриваем постановку проблемы как выбор определенного плана и программы действий и, в силу этого, как действие особого рода. Но тогда, естественно, как постановка проблемы, так и сама проблема должны рассматриваться с точки зрения тех же самых эталонов и мерок, которые мы применяем при анализе и оценке действий. Это означает прежде всего, что проблема должна соотноситься с определенной ситуацией и оцениваться по своему соответствию этой ситуации. Сделанное утверждение в существе своем равносильно утверждению, что всякая проблема связана с определенной конфигурацией идей, людей, социокультурных условий, групп и организаций, фиксирует и отражает эту конфигурацию. Но из этого нужно сделать вывод, что проблемы могут сниматься или «уходить в прошлое» независимо от того, решены они или нет и насколько решены, если будут изменяться порождающие их ситуации с характерными для них конфигурациями идей, людей и социокультурных обстоятельств.

Иначе говоря, я утверждаю, что все проблемы носят исторический характер, что они зависят от истории развертывания и развития нашей деятельности и что мы можем выбирать для себя те или иные проблемы, определяя тем самым те точки или срезы в траекториях исторической эволюции и исторического развития деятельности, за которые мы будем «держаться» и через которые мы будем связывать свое индивидуальное

действие с историей человечества. Но из этого следует также, что в своей деятельности мы можем оставлять одни проблемы, которые мы посчитаем устаревшими, и выделять или формулировать для себя новые проблемы, которые мы будем считать «современными», перспективными, актуальными, формирующими будущее.

Итак, мой основной тезис состоит в том, что мы должны производить проблематизацию и оценивать уже существующие, уже поставленные проблемы с деятельностной точки зрения, а саму проблематизацию рассматривать как определенное действие (как планирование и организацию определенных социальных или социокультурных действий), происходящее на фоне определенного исторического процесса и в контексте истории. Но это означает, что мы должны относить как непосредственно производимое нами действие, так и планирование более широких действий к определенным социальным, культурным и идеологическим группам, существующим в современной науке и действующим в ней, мы должны учитывать социальный и культурный смысл выделяемых нами проблем. А рассматривая такие группы, мы должны фиксировать их социальные задачи, их отношение к прошлой культуре, традиции, в которых они развиваются, их ценностные ориентации и т.п. [23]

(5)

Главный принцип, который реально разделяет нас сейчас в нашей работе, это уже не различия в научно-предметных представлениях, а *методологические различия в подходах*, которые мы принимаем, организуя свою работу, *различия в способах онтологического видения и представления мира, различия в средствах и методах нашей мыслительной работы, оформляемые часто как различия в «логиках» нашего мышления.* <...>

Принимая это в качестве принципа, наиболее точно выражающего суть тех изменений, которые претерпело наше мышление в последние 50 лет, мы попробуем далее рассмотреть (в применении к материалу естественных наук) *различия между натуралистическим и системодетельностным подходами* в исследовании и познании, которые считаем важнейшими и во многих отношениях даже решающими для современной социокультурной ситуации в науке.

<...> *Всякий исследователь, принимающий натуралистический подход, независимо от того, в какой науке он работает, исходит из того, что ему уже дан объект его рассмотрения, что он сам как исследователь противопоставит этому объекту и применит к нему определенный набор исследовательских процедур и операций, которые и дают ему, исследователю, знания об*

объекте. Эти знания представляют своего рода трафареты, шаблоны или схемы, которые мы накладываем на объект и таким образом получаем его изображение, а вместе с тем – вид и форму самого объекта.

Исследователь-натуралист никогда не задает вопросов, откуда взялся «объект» и как он в принципе получается, ибо для него, сколь бы методологически изощренным и развитым он ни был, *природа с самого начала состоит из объектов*, а точнее, как писал К.Маркс, *из объектов созерцания*, которые и становятся затем объектами специального научного исследования.

Мысля таким образом, натуралист работает (и, можно даже сказать, находится), во-первых, в *эпистемолого-организационных* схемах (схема 1а), сформированных в период античности, во-вторых, в *гносеолого-организационных* схемах, оформившихся с начала XV в. – сейчас обычно они выражаются в схеме познавательного отношения «субъект – объект» (схема 1б), и, в-третьих, в собственно *натуралистической конкретизации субъект-объектной* схемы (схема 1в), сформировавшейся на рубеже XVI–XVII вв. за счет введения понятия «природа» (в первую очередь в работах Ф.Бэкона);

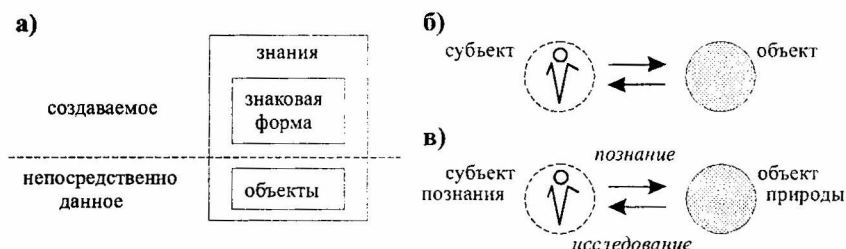

Схема 1

чтобы перекинуть мост к дальнейшему обсуждению системодетельностного подхода, я буду представлять субъект-объектные отношения в деятельностных схемах и символах (схема 2) и при этом для упрощения «склею» познавательное и исследовательское отношения субъекта к природе в одном знаке (в точном соответствии с тем, как это обычно делается в методологии натурализма).

Чтобы с самого начала убрать возможную неправильную трактовку моих слов, специально подчеркну, что пока я никак не критикую натуралистическую точку зрения, а лишь резко и схематически выражаю суть ее – те специальные онтологические и организационно-мыслительные допущения, которые лежат в ее основании.

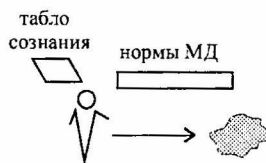

Схема 2

Натуралистический подход, на мой взгляд, является столь же законным и логически основательным, как и все другие подходы; более того, в противоположность многим другим подходам, он прекрасно проработан за последние четыреста лет, и именно ему наука обязана всеми своими основными успехами. Поэтому, когда речь пойдет о критике натуралистического подхода, да еще особенно в области естественных наук, то это будет совсем не простым делом.

Но это – к будущему, а сейчас мне важно лишь подчеркнуть, что натуралистический подход отнюдь не единственный, и наряду с ним существуют и другие, по идее не менее значимые, подходы.

<...> И, в частности, в самом этом сопоставлении и анализе разных подходов в научных исследованиях и разработках я реализую другой – *деятельностный*, или, точнее, *системодетельностный*, подход, который в задании основной организационной структуры мышления исходит не из оппозиции «субъект – объект», или, в более специфических терминах, не из оппозиции «исследователь – исследуемый объект», а из самих *систем деятельности и мышления*, из тех средств и методов, той техники и технологии, тех процедур и операций и, наконец, тех онтологических схем и представлений, которые составляют *структуру мыслительности* – МД (в частности, исследовательской) и задают основные формы ее организации.

В рамках развернутой системодетельностной трактовки натуралистического подхода все то, что было представлено на схеме 2, я должен перерисовать несколько иначе (схема 3) и, в частности, зафиксировать у исследователя:

долователя: 1) определенный набор мыслительных и деятельностных средств, с которыми он «выходит» на объект; 2) определенный набор действий (процедур и операций), которые он применяет в отношении к объекту; 3) то, что мы называем (в технической манере) «табло сознания»

исследователя, на котором появляются образы, фиксирующие опыт его исследовательской работы; 4) тексты речи-мысли, в которых исследователь фиксирует ход и результаты своей исследовательской работы и сообщает о них другим людям (заметим на будущее, что в этих текстах выражаются, среди прочего, его знания об объекте), и, наконец, 5) строго определенные нормы и схемы организации исследовательской МД, в частности категории, которые этот исследователь реализует в практике своего мышления и своей

деятельности, когда становится в то самое исследовательски-познавательное отношение к объекту, которое представлено на этой схеме акта мышления; в частности, это могут быть те самые натуралистические гносеолого-организационные схемы (схема 1в), которые он как бы «надевает на себя», занимая место «субъекта познания» или «субъекта исследования» и одновременно объявляя то, на что направлены его операции и процедуры, и то, что он «видит» перед собой благодаря онтологическим схемам и картинкам, – «в виде объекта природы» и вместе с тем «объекта познания» или «объекта исследования» <...>.

Нужно еще специально подчеркнуть – и это, в принципе, одно из величайших чудес в организации работы нашего сознания, – что при всей совершенно очевидной сложности нашей МД, в частности исследовательской, при обилии входящих в нее разнообразных элементов *сознание натуралиста в предметно-теоретической форме фиксирует только объект исследования*, сосредоточено только на нем, только его замечает и видит – и в этом, по-видимому, величайшая простота и сила натуралистического подхода, его бесспорное практическое преимущество. Натуралистически организованное сознание, следовательно, не замечает сложнейших структур мышления и деятельности и того обстоятельства, что *объект МД включен в эту МД, является функциональным и морфологическим элементом ее*, а видит вместо сложнейших структур мышления и деятельности только два морфологических фокуса ее – объект и субъект, их оно различает и разделяет, между ними проводит границу, стягивает все «мыследеятельное» к ним одним, а затем полагает между ними отношение, или связь особого рода – познавательно-исследовательскую.

<...> Подобное представление структур и механизмов исследовательской МД сложилось в результате философской рефлексии научно-исследовательской работы прежде всего в XVII-XVIII вв. – рефлексии, в большей мере прожективной и спекулятивной, нежели ретроспективной и исследовательской <...>, что затем было заимствовано широким кругом естествоиспытателей и закреплено традицией. Именно благодаря рефлексивной спекуляции «объект» оказался «вынутым» из систем МД и знаний и был противопоставлен «субъекту» в качестве самостоятельной реальной сущности, существующей в мире природы. И хотя такое представление было совершенно очевидным переупрощением реального положения дел, оно позволило сознанию натуралиста сосредоточиться на «объекте» и начать анализировать его с помощью специальных процедур, направленных на материал природы, выделять в нем свойства и качества, фиксировать их в знаниях и понятиях, переводить в формы «видения» и созерцания, обсуждать все это

как непосредственно-феноменально и опосредованно-рефлексивно данное и т.д. и т.п. Но все это, как и вообще сосредоточение на объекте, стало возможным, как я уже отметил, только благодаря тому, что в ходе исторического развития МД, в частности научных и философских форм ее, была сформирована сначала эпистемолого-организационная схема, а затем обосновывавшая и оправдывавшая ее гносеолого-организационная схема, ставшая основной формой организации нашей рефлексии и нашего знания. Именно эта схема с конца XVIII в. стала определять наше понимание и смыслообразование в процессе научно-исследовательской работы (понимание чужих текстов и понимание ситуаций), а также способы порождения самих текстов и выражаемых в них знаний.

Но после того как такая форма понимания и знаний была задана, мы уже в любых условиях, априорно, как это показывал И.Кант, *начинали видеть то, что знали*; для данной формы организации МД это означает, что мы начинали видеть объект со всеми теми характеристиками, которые мы приписали материалу природы посредством нашей МД, и все эти характеристики мы выводили не из МД и приписывали отнюдь не мыслительности, а именно объекту природы как таковому.

Образно говоря, реально мы как бы «наклеивали» наши знания на материал природы и таким образом порождали объекты рассмотрения. Пока это не сделано, объектов просто нет. А если нет объектов, то не может быть и натуралистического подхода в изучении их. Выражая это в виде общего принципа, можно сказать, что реализация натуралистического подхода в исследовании возможна лишь при условии, что мы *уже знаем*, хотя бы в общих чертах, как устроен объект анализа, где проходят его границы и какими методами его можно исследовать. Естественные науки, разворачивавшиеся на базе натуралистического подхода, стали возможны лишь после того, как Ф.Бэкон, Г.Галилей, Р.Декарт и др., опирающиеся на огромную методологическую и философскую работу своих предшественников – математиков, логиков и метафизиков, построили *общие представления о природе и возможных способах существования объектов природы, а их последователи в XVIII-XIX вв. создали еще целый ряд более конкретных представлений о разных типах объектов природы, соответствующих разным естественнонаучным категориям* – субстанции, процесса, взаимодействия, вещи, поля, множества частиц и т.п. И все это время с начала XVII в., вот уже около четырехсот лет, мы продолжали эксплуатировать эти базовые представления и строили на них, одно за другим, разные научные предметы. И в принципе, если брать науку саму по себе, изолированно от развития инженерии, техники и производства, то эту работу можно продолжать бесконечно и

создавать все новые и новые натуралистически организованные научные предметы. Но дело в том, что за это время кардинально изменился характер самой общественной практики, изменились ее реальные ситуации, изменился характер общественно значимой МД, и в силу этого характер «объектов», создаваемых в науке на базе натуралистического подхода, перестал соответствовать тем проблемам и задачам, которые порождает и творит сама практика.

Если попробовать выразить эти изменения практики предельно сжато и кратко, то можно наверное сказать, что за это время сложилась и оформилась *многосторонняя комплексная практика*, порождающая такое мыслительное содержание, которое никак уже не может быть выражено в представлениях о традиционных натуральных объектах; и мы, следовательно, попадаем в социокультурную ситуацию, очень напоминающую ту, в которой начинали свою работу философы, методологи, математики и физики XVII века: подобно тому, как они создали тогда *новые онтологические представления о мире природы* и таким образом заложили основания для развития всей системы «натуральных» наук, так и мы сейчас должны создать *принципиально новые онтологические представления о мире деятельности и мышления* и таким образом заложить основания для развития системы мыслительных наук. Но это, в свою очередь, предполагает, с одной стороны, *обращение к принципиально новым категориальным схемам*, а с другой – *использование совершенно иного, не натуралистического, а деятельностного или, еще точнее, системоделятельного подхода*. <...>

Переход от натуралистического подхода к системоделятельному связан с целым рядом изменений в структуре и формах организации нашего мышления и МД, которые подготавливались исторически и происходили в особенно явной и заметной форме в последние три столетия.

Первое из них связано с появлением и постепенным распространением наряду со схемами и моделями объектов нашей МД также еще и схем мышления, деятельности и МД как таковых. К середине XX столетия это движение оформилось как *установка на создание наук о мышлении и деятельности*, что потенциально несет в себе новую научно-техническую революцию.

Второе изменение – оно исходило из первого и поддерживало его – это перенос центра тяжести в организации мышления и МД со схем объектов мыслительности на *схемы и модели самих мышления, деятельности и мыслительности как таковых*. Оно было особенно характерным для областей, где развертывалась полипрофессиональная и полипредметная работа, которая нуждалась в комплексной и системной организации <...> и

насаждалась в первую очередь оргуправленческой работой, которая в последние 100 лет становилась все более значимой, а после первой мировой войны стала господствующей <...>.

Третье изменение – соорганизация схем объектов мыследействия со схемами мышления, деятельности и МД как таковых в *знаниевые связи совершенно нового типа* (обычно их называют «подходами»), – соорганизация, достигнутая за счет использования «схем многих знаний» <...> и, далее, схем многомерной, пространственной организации знаний о МД <...>; благодаря этому нововведению *методологическое мышление* получило возможность оформиться в *новый вид и тип МД*, в «методологическую работу» и методологическую сферу, которая складывается как бы над наукой, захватывает и подчиняет ее себе и становится *новой исторической формой «всеобщего» мышления, замыкающего на время рамки нашего мира* <...>.

<...> Итак, в силу всех этих процессов (и существующих проектов организации будущего) мы оказываемся поставленными в такое *положение*, что должны, как это было и в период научной революции, выработать новые категориальные представления объектов наших исследований и работ. И именно в этой связи <...> мы обращаемся к структурно-системным представлениям и стараемся *представить объекты нашего мыследействия* как структуры и системы или, если говорить точнее, как *полиструктуры и полисистемы*. А затем, исходя из этого категориального представления объектов наших исследований, мы стремимся определить возможные формы организации таких исследований – предметные, не предметные, надпредметные <...>.

И именно эта последняя процедура – определение форм организации технических, собственно научных и методологических исследований полиструктурных и полисистемных объектов – является здесь главной и решающей, именно на нее в первую очередь направлено наше внимание и именно об этих аспектах всего дела мы хотим получить конкретное представление. Но в силу этого суть расхождений, разделяющих «натуралистов» и «деятельностников», суть конфронтации между ними оказывается заключенной совсем не в том, системные или несистемные представления об объекте мы исповедуем, а в том, какой подход – натуралистический или деятельностный – реализуем мы в своем мышлении и в своей научно-исследовательской работе. Именно это различие образует сердцевину чуть ли не всех методологических проблем в разных науках.

Мы представляем в этом споре *системодетельностный подход*. Основания, которые заставляют нас вставать на его позиции, как видно, весьма просты, хотя и не тривиальны. Если мы пришли к такому положению

дел, что представления об объекте изучения кажутся нам нескладными и внутренне противоречивыми, если они не раскрывают новых перспектив перед нашей практикой, если нам приходится то и дело констатировать, что в наших представлениях об объекте нет теперь порядка, то надо, говорим мы, перестать «плялаться» на объект и в нем искать причины и источники этого беспорядка, а обратиться к своей собственной МД, к ее средствам, методам и формам организации, и произвести перестройку в них, ибо *наши представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельностью*. И именно в этом переводе нашего внимания и наших интересов с объекта как такового на *средства и методы нашей собственной МД, творящей объекты и представления о них*, и состоит суть деятельностного подхода.

Если натуралистический подход ориентирует нас в первую очередь на материал природы, в нем непосредственно видит разрешение затруднений и парадоксов современной науки, то деятельностный подход, напротив, ориентирует нас в первую очередь на средства, методы и структуры нашей собственной МД, и в их перестройке и развитии видит он путь дальнейшего совершенствования самой науки. В этом главная идея деятельностного подхода и в этом его отличие от натуралистического подхода. [9]

2. Деятельность

С точки зрения *деятельностного (системодейностного) подхода деятельность* есть предельная реальность (субстанция), к которой в конечном итоге сводятся все социокультурные предметы и явления на правах видов и форм ее самопроявления. Универсум деятельности тождественен человеческому миру как таковому. Такое понимание деятельности противостоит, в частности, индивидуально-психическому ее пониманию: индивидуальный человек рассматривается не как источник и производитель деятельности, а как один из ее продуктов и элементов.

Историческое бытие деятельности обеспечивается механизмами ее *самовоспроизводства*.

Фрагменты текстов

(1)

Если оставить в стороне отдельные постановки вопросов и ориентироваться только на достаточно систематические разработки, то, наверно,

можно сказать, что в философии изучение деятельности как таковой началось примерно 350 лет назад, хотя общие основания и определенная традиция в этой области шли уже от Аристотеля. Главной причиной, заставившей создавать понятие деятельности и конструировать соответствующий идеальный объект, была необходимость оправдать (сначала в объектно-онтологическом, а потом в естественнонаучном, эмпирическом плане) соотношение и связь в мысли таких разнородных предметов, как знания, операции, вещи, смыслы, значения, цели, мотивы, сознание, знаки и т.п. – а к началу XVII в. такого рода соотношения, как мы хорошо знаем, стали постоянным и массовым явлением. Наиболее значительный вклад в выделение деятельности в качестве особой действительности и особого предмета изучения был сделан представителями немецкой классической философии – И.Г.Фихте, Ф.В.Шеллингом и Г.В.Гегелем. Однако все их разработки оставались все же по преимуществу в сфере философии и очень медленно проникали в положительные науки, даже в те, где деятельность была совершенно очевидным объектом изучения. Объясняется это в первую очередь тем, что никак не удавалось выработать средства и методы научного исследования, адекватные специфическим особенностям деятельности как объекта. <...>

По традиции, поскольку само понятие деятельности формировалось из понятия «поведение», деятельность как таковую в большинстве случаев рассматривали как атрибут отдельного человека, как то, что им производится, создается и осуществляется, а сам человек в соответствии с этим выступал как «деятель». И до сих пор большинство исследователей – психологов, логиков и даже социологов, не говоря уже о физиках, химиках и биологах, – думают точно так; само предположение, что вопрос может ставиться как-то иначе, например, что деятельность носит безличный характер, кажется им диким и несурзным.

Но есть совершенно иная точка зрения. Работы Гегеля и Маркса утверждали рядом с традиционным пониманием деятельности другое, значительно более глубокое: согласно ему человеческая социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная целостность, значительно более широкая, чем сами «люди». Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот: она сама «захватывает» их и заставляет «вести» себя определенным образом. По отношению к частной форме деятельности – речи-языку – В.Гумбольдт выразил сходную мысль так: не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми.

Каждый человек, когда он рождается, сталкивается с уже сложившейся и непрерывно осуществляющейся вокруг него и рядом с ним деятельностью.

Можно сказать, что универсум социальной человеческой деятельности сначала противостоит каждому ребенку: чтобы стать действительным человеком, ребенок должен «прикрепиться» к системе человеческой деятельности, это значит – овладеть определенными видами деятельности, научиться осуществлять их в кооперации с другими людьми. И только в меру овладения частями человеческой социальной деятельности ребенок становится человеком и личностью <...>.

При таком подходе, очевидно, универсум социальной деятельности не может уже рассматриваться как принадлежащий людям в качестве их атрибута или достояния, даже если мы берем людей в больших массах и организациях. Наоборот, сами люди оказываются принадлежащими к деятельности, включенными в нее либо в качестве материала, либо в качестве элементов наряду с машинами, вещами, знаками, социальными организациями и т.п. Деятельность, рассматриваемая таким образом, оказывается системой с многочисленными и весьма разнообразными функциональными и материальными компонентами и связями между ними.

Каждый из этих компонентов имеет свое относительно самостоятельное «движение» и связан с другими компонентами того же типа: люди – с людьми, машины – с машинами, знаки – со знаками. Вместе с тем каждый компонент связан с компонентами других типов, и в связи друг с другом они образуют множество структур разного вида и сорта.

Таким образом, система человеческой социальной деятельности оказывается полиструктурой, т.е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур, а каждая из них в свою очередь состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом.

Компоненты разного типа, связанные в единство системой деятельности, подчиняются разным группам законов и живут каждый в своем особом процессе. Вместе с тем эти компоненты и процессы их изменения связаны в единство общей системой целостной деятельности. Поэтому можно сказать, что деятельность есть неоднородная полиструктура, объединяющая много разных и разнонаправленных процессов, протекающих с разным темпом и, по сути дела, в разное время. [5]

(2)

Существуют два основных подхода в анализе деятельности: культурно-исторический и индивидуально-психический. При первом <...> деятельность рассматривается безотносительно к тому, что хотят и думают индивиды; они сами при таком подходе рассматриваются как элементы деятельности, включенные в ее систему и подчиненные ей. При втором подходе <...>

деятельность рассматривается как принадлежащая индивиду, а индивид – как свободный деятель, творящий и производящий деятельность.

Культурно-исторический подход не исключает анализа отношения частей или фрагментов деятельности к индивиду. Но это отношение рассматривается принципиально иначе, нежели при индивидуально-психическом подходе; во-первых, на основе нормативного представления деятельности безотносительно к индивидам, а во-вторых, сами индивиды рассматриваются уже не как свободные деятели, а как агенты деятельности <... >.

Культурно-историческое представление деятельности есть представление ее в виде структуры, объясняющей разнородные и постоянно меняющиеся элементы.

В рамках этой структуры, охватывая то всю ее, то отдельные группы элементов, протекают различные процессы. Основным, подчиняющим себе все другие, является процесс воспроизводства структуры деятельности. Этот процесс реализуется в разнообразных механизмах деятельности. Они определяют материал и строение всех элементов и агрегатов структуры деятельности. Поэтому, чтобы понять их, нужно начинать с анализа процесса воспроизводства, выявлять его механизмы, определять функцию различных образований в них, а затем идти от функций к внутреннему строению этих образований. [7]

3. Система

Сложное единство «представления объекта» и «представленного объекта», в котором объект выступает внешне единым (целостность) и внутренне расчлененным (состав), а системное представление, задающее способ его объединения и расчленения, определяется характером и порядком используемых категориальных и операциональных средств.

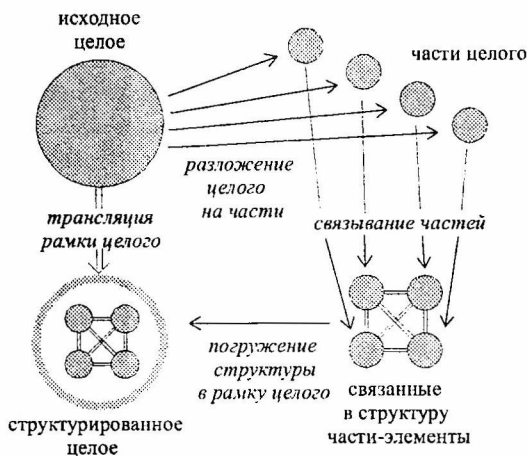
Объекты сами по себе не являются системами или не-системами – мы их представляем системно или не даем им такого представления в зависимости от поставленных целей и решаемых задач.

В рамках ММК были разработаны и использовались два понятия системы: **система I** и **система II**.

3.1. Система I

В рамках первого понятия системы сложный объект представлен как система, если мы:

- (1) *выделили его из окружения*, либо совсем оборвав его связи, либо же сохранив их в форме *свойств-функций*;
 - (2) *разделили на части*, получив таким образом совокупность частей;
 - (3) *связали части между собой* (преобразовав их в *элементы*);
 - (4) *организовали связи в единую структуру*;
 - (5) *вложили эту структуру в рамку объекта как целого*.
- Этот способ системно-структурного представления не схватывает про-

цессуальности – и это его основной недостаток. Когда это было зафиксировано, родилось второе понятие системы – *система II* (см. п. 3.2). Оно полностью сохраняет содержание первого понятия, но относит его к структурному плану – лишь одному из планов второго понятия.

Фрагменты текстов

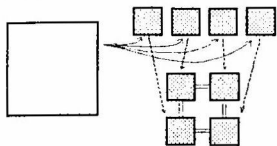
Когда сейчас характеризуют «систему» (будь то содержание понятия или объект), то говорят обычно, что это сложное единство, в котором могут быть выделены составные части – элементы, а также схема связей или отношений между элементами – структура <...>.

За этим определением мы как бы непосредственно *видим* объект, составленный из элементов и связей между ними; то, что мы видим, и есть онтологическая картина системного подхода. Но сама онтологическая картина, как мы уже говорили выше, снимает, «свертывает в себе» все те

процедуры и способы оперирования, которые мы применяем к различным знаковым элементам научных предметов, воспроизводящих объекты в виде систем. И именно они должны быть раскрыты, если мы хотим определить категории системного подхода.

За онтологической картиной, представленной в приведенном выше определении, стоят по меньшей мере *три* группы процедур.

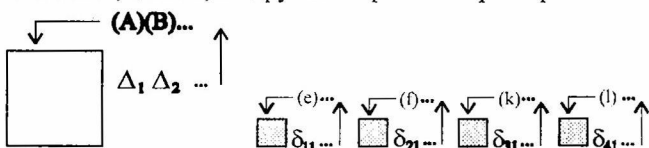
Первая из них включает две процедуры: *разложение* объекта на части и *объединение* частей в целое.

Обычно объединение производится с помощью дополнительно вводимых связей. Благодаря связям части, выступавшие после разложения в роли *простых тел*, становятся *элементами*. С определенной точки зрения объединение

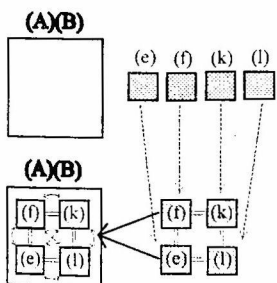
частей в целое выступает как обратная процедура по отношению к разложению целого на части; однако то, что получается в результате, не есть возвращение к исходному состоянию целого.

Вторая группа процедур – *измерение* эмпирически заданного объекта и фиксация его «сторон» или свойств в различных по своему формальному строению характеристиках. После того, как объект разложен на части, к полученным «простым телам» тоже могут применяться процедуры измерения и таким образом мы будем получать, с одной стороны, характеристики исходного объекта, целого, а с другой стороны – характеристики его частей.

Операцией, обратной измерению, будет *восстановление* объекта по его характеристике.

Третья группа процедур включает, во-первых, погружение элементов

и объединяющей их структуры как бы внутри целого и, во-вторых, обратную операцию «извлечения», «вынимания» элементов или структуры из этого целого.

Перечисленные группы процедур теснейшим образом связаны и взаимно дополняют друг друга. Объединение частей в единство с помощью связей преследует цель вернуться назад к исходному целому. Но само это возвращение как

может быть определено и оценено лишь с точки зрения характеристик, выявленных с помощью второй группы процедур.

По сути дела, отождествление исходного целого и вновь созданной структурной целостности происходит по характеристикам свойств: свойства структурной целостности должны быть точно такими же, какими были характеристики исходного целого, – именно для этого мы производим объединение частей.

$$\underbrace{(A)(B) \dots \quad \Sigma(e)(f)(k)(l) \dots}_{(A)(B) = \Phi[\Sigma(e)(f)(k)(l) \dots]}$$

Но этому отождествлению характеристик должно соответствовать в другом слое предмета погружение структурной целостности в исходное целое. Таким образом, объединение частей с помощью связей и отождествление характеристик выступают как форма логического движения, благодаря которому осуществляется погружение.

Исключительно важным здесь является вопрос о значении связей и структуры. В принципе на этом этапе связи выступают в качестве дополнительных средств, привносимых извне именно для того, чтобы скрепить, связать, стянуть части, полученные при разложении. Их не было в исходном целом, когда мы расчленили и разлагали его на части. Но так как совокупность частей не есть целое, мы вводим эти дополнительные составляющие, чтобы получить из совокупности частей некоторое единство. Вся эта работа очень напоминает склеивание разбитого зеркала: чтобы собрать его из осколков, мы вводим либо дополнительную основу и клей в качестве того, что соединит эти осколки в единство, либо же набор стерженьков, на которые насаживаем эти осколки. Ни клей, ни стерженьки не являются составляющими зеркала как такового, во всяком случае в исходном состоянии; но и в новом состоянии, несмотря на то что они уже *стали* частями зеркала, их существование не влияет и не должно влиять на работу самого зеркала. Обобщая этот простой пример, можно сказать, что связи, вводимые для объединения частей, имеют иной статус относительно целого, нежели сами эти части: они не определяют свойств целого; поэтому можно сказать, что относительно целого они существуют на другом уровне иерархии.

Но связи и структура рассматривались в качества внешних добавок, не влияющих на свойства и работу целого, только на первых этапах системного анализа. В молекулярно-кинетической теории вещества их стали учитывать фактически уже с Д.Бернулли, но долгое время связи выступали там только в своем конкретном физическом воплощении, а не по их обобщенной логической сущности. Поэтому действительный переворот в трактовке

отношения между связями элементов и свойствами целого произошел лишь во второй половине XIX в., когда структурная химия показала, что один и тот же набор элементов может давать несколько разных целостностей, характеризующихся разными свойствами, и причина этого заложена в способах связи этих элементов в целое, следовательно – в структуре. Структура наряду с элементами стала тем, что определяет свойства целого.

Но такой вывод создал массу специфических затруднений в исследовании и привел к многочисленным парадоксам.

Одним из самых характерных среди них является парадокс «материальности – нематериальности» связей и структуры. Пока элементы и связи располагались на разных уровнях иерархии предмета, вопрос о материальности связей просто не вставал; а как только связи оказались на одном уровне или даже в одной «плоскости» с элементами, так сразу же он приобрел первостепенное значение <...>.

Большая группа парадоксов связана с проблемами эмпирического обоснования связей и структур. Если части получают путем реального (или мыслимого реальным) разложения целого и благодаря этому, как можно предполагать, доступны эмпирическому анализу, то связи и структура, как мы уже говорили, привносятся извне и носят чисто конструктивный и гипотетико-дедуктивный характер. То, что их объявили определяющими свойствами целого, не изменило их характера. Появилась лишь новая задача – объяснять свойства целого с помощью моделей структур, и появились соответствующие этой задаче процедуры. По сути дела, структура всегда была фикцией, которая вводилась для связи и объяснения внешне выявляемых свойств целого и зависимостей между ними. Поэтому структуры всегда подбирались так и такими, чтобы они могли объяснить уже выявленные свойства и зависимости свойств. Но что тогда могло подтвердить и обосновать истинность введенной исследователем структуры? В попытках ответить на этот вопрос логики перебрали массу вариантов решений, начиная от «наивного подтверждения» и кончая «эволюционистской фальсификацией» <...>. Общий результат был малоутешительным: оказалось, что всякое подтверждение носит весьма условный и временный характер, а смысл познания состоит в том, чтобы как можно быстрее опровергать все гипотетически вводимые структуры <...>.

Однако столь радикальный критицистский вывод не мог, конечно, остановить онтологического конструирования объектов из связей и структур. Те и другие стали, по сути дела, всеобщими строительными элементами, из которых сейчас создаются картины самых разных объектов. Кроме того, оказалось, что нужно еще ввести зависимости между связями, образующие

бы действительность третьего уровня, лежащую над связями и элементами; и именно эти зависимости характеризуют структуру как целое, ибо они объединяют связи и собирают их в единство. Вместе с тем такая конструкция внутреннего строения объекта дает совершенно новое представление его как целостного образования <...>.

Но самым главным возражением против этого способа представлять и анализировать системы были все же не эти затруднения и парадоксы, а то, что при таком подходе не решалась и не могла быть решена главная задача системного анализа – установление формальных соответствий между процессом в целостном объекте и процессами в его частях, соответствий, дающих возможность искать материальную реализацию для определенных процессов или же (обратная процедура) предсказывать процессы в целом, если известна материальная организация частей.

В тех группах процедур, которые мы описали выше в качестве стоящих за принятыми и шире всего распространенными онтологическими картинами систем и определениями их, совершенно отсутствовали выявление и описание процессов. Отсутствуют они и во многих новейших подходах к анализу систем <...>.

Это не значит, что о процессах вообще не говорят. Нет, они всегда упоминаются – как «функционирование системы» (обратите внимание: не как «система функционирования», а так, будто «функционирование» есть атрибут системы, которая существует независимо от самого функционирования и может либо функционировать, либо не функционировать), как «способы функционирования», «динамика» системы и т.п., но затем подавляющее большинство исследователей сводит процессы либо к структурным, либо к параметрическим характеристикам <...>.

Эти обстоятельства заставляют нас сделать вывод, что *современный системный подход*, т.е. подход, соответствующий современным инженерным и научным задачам, не может уже основываться только на указанных выше процедурах измерения свойств, разложения объекта на части и погружения частей внутрь целого, что ему, следовательно, недостаточно той плоской онтологической картины, которая выражала эти процедуры, и обслуживающих ее категорий элемента и структуры. Современный системный подход предполагает *совсем иную* процедурную базу (включающую движения по всем замещающим друг друга плоскостям научного предмета, в том числе по плоскостям конструирования и псевдогенетического развертывания системных моделей), а следовательно, также и иную онтологическую картину системы, в которой фиксируются иные стороны ее как предмета и объекта и в иных соотношениях. Соответственно этому будут другими основные

категории системного подхода и исследовательские проблемы, которые встанут перед нами.

Огромное влияние на онтологию и категории системного подхода, как мы уже не раз отмечали, оказывает проектирование технических и смешанных систем. Наверное, можно даже сказать, что именно оно задает основу в современных системных представлениях, во многом определяя развивающиеся сейчас естественнонаучные представления. [5]

3.2. Система II

Второе понятие системы предполагает, что для системного представления объекта он должен быть последовательно представлен в пяти категориальных планах (слоях, уровнях), которые далее должны быть «сплюснены» в целостное системное изображение.

В первоначальных схематизациях выделялось не пять, а четыре плана – за счет неразличения функциональных структур и структур связей.

Фрагменты текстов

(1)

<...> современный системный подход, т.е. подход, соответствующий современным инженерным и научным задачам, не может уже основываться

только на указанных выше процедурах измерения свойств, разложения объекта на части и погружения частей внутрь целого, что ему, следовательно, недостаточно той плоской онтологической картины, которая выражала эти процедуры, и обслуживающих ее категорий элемента и структуры. Современный системный подход предполагает совсем иную процедурную базу <...>, а следовательно, также и иную онтологическую картину системы, в которой фиксируются иные стороны ее как предмета и объекта и в иных соотношениях. Соответственно этому будут другими основные категории системного подхода и исследовательские проблемы, которые встанут перед нами.<...>

В основании нового представления о системе лежат не структура и не материальные элементы, а процесс, определяющий лицо объекта и задающий его целостность; в одних случаях это будет процесс функционирования, в других – процесс развития, в третьих с их единство.

Вместе с тем «процесс» выступает как первая, исходная категория системного анализа; она определяет первый слой системного представления какого-либо объекта. В этом слое процесс предстает независимо от материала, на котором он может реализоваться, безотносительно к каким-либо структурам. Если речь идет о функционировании, то оно само предстает как система; и эта система «чистого», если можно так сказать, функционирования на этом этапе и есть объект изучения, он тождествен ему и совпадает с рассматриваемым объектом.

Являясь первым и основополагающим в системном подходе, представление объекта в виде чистого процесса или процессуальной системы недостаточно для полного и практически значимого описания системного объекта. Оно недостаточно прежде всего потому, что в реальности нет чисто процессуальных систем. Непременным условием существования какой-либо системы является материал. Именно процесс и материал создают то исходное противопоставление, на основе которого и вокруг которого строится затем системный анализ и создаются его основные категории <...>.

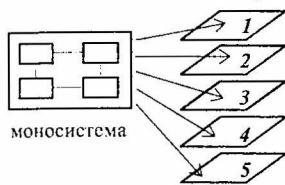
Процессы или процессуальная система должны быть отделены от материала, чтобы мы могли выявлять и фиксировать законы и механизмы этих процессов. Но если процессы или процессуальная система уже отделены от материала и противопоставлены ему, то затем, чтобы получить достаточно полное описание объекта, нужно опять собрать, соединить их вместе, наложить процессы на материал.

Именно при решении этой задачи создаются и оформляются остальные категории системного подхода, среди которых мы хотим в первую очередь выделить, с одной стороны, структуру и организованность, с другой – форму, с третьей – механизм и конструкцию. [5]

(2)

Итак, есть вот эта структурная схема, здесь она прорисована пятью разными способами. <...> Мы берем схему и интерпретируем ее:

- один раз в одну плоскость – в процессы;
- второй раз интерпретируем в плоскость функциональных структур;
- третья плоскость – плоскость структур связей;
- четвертая – организованности материала, или морфологии;
- и пятая – это материал.

<...> Мне важно подчеркнуть, что каждая из этих действительностей живет по своим объективным законам. Процессы разворачиваются в одних закономерностях, функциональные структуры – в других закономерностях, структуры связей – в третьих, организованности материала – в четвертых, и материал, субстрат, – в пятых. <...>

Надо строить пять языков и пять описаний. Теперь я могу сказать: системное представление объекта возникает тогда, когда в любом реальном объекте я могу выделить сначала процессы, потом функциональные структуры, потом структуры связи, потом организованности материала, потом сам материал. И опишу все это как *разное*. Теперь я должен соотнести эти пять описаний, и они должны *соответствовать*. Тогда, значит, я и получил системное описание объекта. <...>

Но вообще-то этих блоков больше. И кто-то придумает и шестой, и седьмой. Еще два года назад я писал, что их четыре, поскольку я функциональные структуры и структуры связей не различал. <...> Я думал, что всегда связи могу перевести в функции, а функции – в связи. Но эти два года показали, что <...> на самом деле я этого не могу. *Действительно, их надо различать*.

Вот теперь мы знаем пять. Но кто-то должен придумать шестой, седьмой, восьмой. А главное – потом языки соответственно построить и соответствие или несоответствие между ними установить. Скорее даже не «соответствие», а «способы преобразования». [10]

(4)

Напомним, что основной смысл категории системы в ее современном виде состоит в требовании, что всякий объект исследования, который мы хотим представить в виде моносистемы, должен быть расслоен по меньшей мере в пять планов:

- 1) процесса, конституирующего данную моносистему;
- 2) набора элементов и связей между ними, образующих структуру этой

системы; далее эта структура может быть фокусирована либо на связях структуры и тогда мы получаем чистую структуру внутренних связей системы, либо на элементах структуры и тогда, в зависимости от способа фокусировки, мы получим либо состав элементов системы, либо множество фокусированных элементов системы с задающими и определяющими их структурами функций, которые обычно характеризуются как внутренняя структура функций элементов системы;

3) набора внешних функций системы, которые вводятся исходя из объемлющих ее систем аналогично методу фокусировки структуры связей на одном элементе объемлющей системы и образуют внешнюю структуру функций системы;

4) организованностей материала системы, которые обеспечивают протекание процесса, конституирующего данную систему, и закрепление его на этом материале. По традиции множество таких организованностей материала называется морфологией системы;

5) самого материала, на котором система разворачивается и строит себя. [6]

4. Естественное – искусственное

Естественным называется объект, который существует сам по себе, вне зависимости от человеческой деятельности и описывается в ней как закономерный, определяемый имманентными этому объекту и внеположными деятельности законами.

Искусственное – это то, что порождается самой деятельностью для достижения ее целей и в соответствии с определенными нормами, т.е. как нечто имманентное уже самой деятельности.

В рамках *деятельностного подхода* всякий социокультурный объект рассматривается как *искусственно-естественный (И-Е)*, или *кентавр-объект*.

Принятие искусственно-технической позиции в отношении объекта называется его *артификацией*, а рассмотрение его как естественного – *оестествлением*.

Фрагменты текстов

(1)

Природа существует через описание ее в категории натурального, или естественнонаучного, а анализ мышления, точно так же, как и истории, требует расширения этой категориальной базы. И наряду с категорией

естественного появляется категория искусственного, или искусственно-технического. <...> История есть <...> не натуральный, не естественный процесс; она есть кентавр-процесс, т.е. процесс искусственно-естественный, или, иначе говоря, требующий для своего описания одновременно двух категорий: категории естественного, с одной стороны, и категории искусственного, с другой стороны. Можно сказать и так: одним из важнейших факторов исторического процесса становится целевое человеческое действие. И как таковое – как целевое и как действие – оно не подчиняется категории естественного. Больше того, действие вообще незакономерно и не законосообразно, и подходить к действию с точки зрения традиционных представлений о естественном процессе и поиска законов этого естественного процесса бессмысленно, не эффективно и непродуктивно. <...>

И мир мышления, и мир социальный суть искусственно-естественные миры. Они, следовательно, содержат процессы принципиально различные: те, которые мы описываем в категории естественного, и те, которые мы дополнительно описываем в категориях действия – целенаправленного, искусственного (искусства, или тварности). <...> И это становится среди прочего одной из важнейших проблем и задач развития научного мышления, которое теперь уже строится не только на категории естественного, но и на категории кентавр-системы. И мы теперь, приступая к каждому явлению, которое хотим исследовать, должны разделять план естественного существования, естественной эволюции и планы искусственные, целевые. На этом будет строиться <...> развитие всех наук. [22]

(2)

Возьмите простой пример: у меня был кусок мела – обозначенный как А – и я разломил его на два кусочка В и С. Скажите: существует ли реальная связь между А, с одной стороны, и В и С, с другой стороны? Если вы рассматриваете только исходный материал и результат, то вы вряд ли сможете что-либо сказать. Даже если мы возьмем вас, наблюдавших как я разломил кусочек мела, то и вы сможете говорить здесь о наличии определенной связи только апеллируя к моей деятельности, которая превратила А в В и С. А если вам запретить говорить о моей деятельности, то будет очень трудно эту связь установить. Здесь важно, что связь между А, с одной стороны, и В и С, с другой стороны, создается нашей деятельностью. Можно говорить, что В и С изготавливаются из А. Этим подобные искусственные связи отличаются от естественных. Точно так же с помощью деятельности я соединяю В и С друг с другом, отождествляя затем полученное с исходным А. Именно деятельность дает основание для противоестественного, делает

противоестественное возможным и существующим. Часто говорят, что мы изучаем законы природы – физические, химические, биологические, – чтобы следуя им конструктивно создавать новые объекты и явления. В этом схвачена доля истины. Но я бы сказал, что значительно большая доля истины заключена в противоположном утверждении – что мы в своей деятельности создаем такие связи, объекты и явления, которые природа естественным путем никогда бы не могла создать. Здесь тезис «никогда бы не могла создать» неправильный. Точнее нужно сказать «никогда бы не создала» и «не создавала бы».

Подобно этому и в структурах, создаваемых мышлением, в структурах, к которым мы последовательно переходим в ходе него, не существует никаких естественных реальных связей. Это всегда связи и преобразования искусственные, созданные нашей деятельностью. И более того: сами связи между этими структурами суть связи деятельности, рождаемые деятельностью. [19]

(3)

Для реального оформления науки нужно много различных условий – экономических, социальных, технических и политических. Но если взять идейную сторону, то решающим является переворот во взгляде на объекты деятельности, переворот в способе их «видения». Хотя для человека-практика изменения объектов происходят всегда в деятельности и являются ее продуктами, он должен теперь взглянуть на них как на «естественные» процессы, происходящие независимо от его деятельности и подчиняющиеся своим «внутренним» механизмам и «внутренним» законам.

Падение камня всегда вызвано какой-либо причиной – до этого он лежал на месте, – но до тех пор, пока само падение рассматривается как действие этой причины, не может быть никакого научного анализа этого процесса (об этом убедительно говорят две тысячи лет совершенно непродуктивных дискуссий и попыток анализа <...>). Снаряд запускается орудием, созданным людьми, и людьми же направляется в цель. Но до тех пор, пока полет снаряда рассматривается только в отношении к действиям людей и орудия, не может быть никаких научных знаний. Чтобы получить их, нужно рассмотреть полет снаряда как естественный, «природный» процесс, происходящий по законам, независимым от деятельности людей. Колесо не имеет аналогов в несоциализированной природе, это машина, придуманная человеком, но, чтобы получить научные знания о качении колеса, нужно рассмотреть это как естественный процесс, подчиняющийся «природным» законам.

В такой позиции заключено известное противоречие. Ведь в принципе человека (и вообще человечество) интересует только то, что уже включено или может быть включено в деятельность, следовательно, не то, что «естественно», но внутри деятельности он вынужден находить, если хочет наилучшим образом организовать саму деятельность, то, что может быть представлено как «естественное», «природное», происходящее независимо от деятельности, по своим «внутренним» механизмам и законам.

И именно в этом состоит специфический признак, отличающий собственно научный подход и научные (естественнонаучные) знания от практико-методических и конструктивно-технических знаний. <...>

Научные знания, как мы уже говорили, должны выделить и зафиксировать некоторые «естественные» процессы, происходящие в объектах и подчиненные их «внутренним» законам, причем в условиях, когда эти объекты включены в деятельность и оцениваются с точки зрения ее целей и механизмов. Для этого нужно найти и выделить или же задать такие «объектные» образования, которые обладали бы такими «естественными» законами или, точнее, которым бы с большей степенью правдоподобия можно было приписать такие законы. Эти объектные агломерации или конструкции должны обладать целостностью или замкнутостью относительно тех «естественных» и «внутренних» законов, которые мы ищем. Собственно, они потому и называются «внутренними», что таким образом подчеркивается независимость их как от преобразующей деятельности человечества, так и от их «естественного», природного окружения. <...>

Сами практические действия начинают созаваться и строиться как реализующие «естественные» и «внутренние» потенции объектов к изменению, зафиксированные в уже имеющихся научных знаниях. (Нередко на основе этого складываются ошибочные убеждения, что другие изменения и практические преобразования этих объектов вообще невозможны; современная педагогическая ориентировка на «естественные» законы психического развития детей – хороший тому пример.) [13]

(4)

Рассмотрим простейший случай, когда восстановление составляющих какой-то социально-производственной структуры (обозначим ее знаком А) происходит без введения каких-либо специальных средств трансляции и «образцом», или «нормой», для составляющих каждой последующей единицы являются составляющие предшествующей. Поскольку условия (обозначим их знаком В), в которых происходит восстановление каждой составляющей, меняются от одной единицы к другой, постоянно происходят

небольшие изменения структуры A_n , которые передаются в очередном акте воспроизводства следующей единице. Происходит медленное, но непрерывное изменение структуры социально-производственной единицы. <...>

Представим теперь другой случай, когда определенные составляющие социально-производственной структуры зафиксированы в специальных эталонах (обозначим их знаком (A)), которые как норма транслируются от одной единицы к другой. При восстановлении каждой конкретной социально-производственной единицы происходят те же отклонения от нормы, что и в первом случае, но они никак не отражаются на самой норме, а поэтому умиряют вместе со своей единицей. <...>

Сопоставление схем первого и второго случаев – а первый как бы входит во второй – позволяет ввести понятие о «естественном» и «искусственном».

Воздействие изменяющихся от одной единицы к другой условий В определяет «естественное» изменение рассматриваемой структуры А. Соответственно являются «естественными» и связи, воздействующие на нее с этой стороны. Воздействие нормы (А) и сама нормирующая связь в противоположность этому выступают как «искусственные». Так же будут характеризоваться стороны структуры А, остающиеся постоянными благодаря воздействию нормы, или же изменения в структуре А, вызываемые воздействием нормы. <...>

Важно подчеркнуть, что вся приведенная выше система социального воспроизводства представляет собой одно целое и живет по законам целого. Характеристики «естественного» и «искусственного» имеют смысл лишь при таком подходе и таком расчленении этой системы. Они могут применяться к структуре А только как к продукту разобранного двоякого механизма в системе общественного воспроизводства; они определяют ее как элемент этой системы и расчленяют изменения, происходящие с ней, на две составляющие. В этом и состоит основное назначение этих характеристик. [1]

(5)

Различение естественного и искусственного теснейшим образом связано с различением деятельностного и не-деятельностного, но не совпадает с последним. Рассматривая процессы деятельности или их развитие, мы можем оперировать понятием естественного в такой же мере и столь же оправданно, в какой мы пользуемся этим понятием при описании природных, физических, химических или каких-то иных процессов.

В основе понятия об искусственном лежит связь между нормой и ее реализацией. Если какой-то социальный объект создается деятельностью

таким, что он полностью соответствует своему заранее данному образцу или норме, если мы берем этот объект лишь с тех сторон и в тех аспектах, которые совпадают с соответствующими сторонами и аспектами образца, то мы говорим, что этот объект создан искусственно или, проще, является искусственным. Если же объект, создаваемый какой-то деятельностью, отличается от образца или нормы, в соответствии с которыми он создавался, если он получился непохожим на образец или вообще не имел образца, то мы говорим, что этот объект возник естественно или, проще, является естественным объектом.

Из этого определения можно заметить, что средства деятельности и норма не совпадают друг с другом. Мы сознательно вводили определения естественного и искусственного на объектах, создаваемых деятельностью. Это позволяет нам утверждать, что в обоих случаях существовали средства создания объекта. Но это обстоятельство не влияет на характеристику объекта как естественного или как искусственного: он может быть как тем, так и другим. Основание для характеристики объекта как естественного или искусственного и соответствующей трактовки процесса его появления, повторяем, лежит в отношении этого объекта к образцу или норме. <...> Такова абстрактная схема, лежащая в основе этого различия. Она очень проста, если понята природа самого отношения нормирования-реализации. Но значение этой схемы исключительно велико. Достаточно сказать, что от нее зависит понимание исторических процессов, происходящих в любых социально-производственных и культурных системах, в том числе – в системах мышления, языка, науки, службы терминологии и т.д. и т.п. [8]

5. Культура

В схеме *воспроизводства* деятельности социума представляется расчлененным на два функциональных подпространства:

(1) пространство *культуры*, служащее каналом *трансляции* культурных *норм*, и

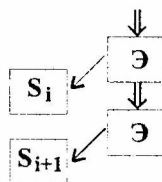
(2) *социетальное* пространство, или пространство социальных ситуаций, где осуществляется *реализация* норм.

Таким образом, воспроизводство социумальной системы деятельности, т.е. ее единство и целостность в условиях неизбежных изменений, обеспечивается за счет ее *культурного* самоопосредования.

Фрагменты текстов

(1)

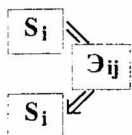
Образцы, или эталоны, имеют совершенно особую функцию в социуме: они должны как-то «запечатлеть» в себе то, что имеется в первом состоянии, чтобы затем по ним можно было «отпечатать» то, что пойдет во второе состояние. Следовательно, сами образцы, или эталоны, «живут» уже вне этих состояний; они движутся как бы параллельно им, постоянно обеспечивая восстановление социальных структур. Так мы приходим к необходимости разделить внутри социума две разные сферы – собственно *производства* и «*культуры*»; последнее – это совокупности тех средств, которые обеспечивают восстановление производственных (или каких-либо иных) структур. (Заметим сразу же, что разделение этих образований, заданное таким образом, справедливо лишь для этого уровня абстракции, а при дальнейшем усложнении модели требует уточнений.) [13]

(2)

Первый механизм, который является всеобщим для деятельности, который схватывает любой ее процесс внутри себя – это воспроизводство. Воспроизводство есть неперенное условие существования деятельности в целом и каждого ее элемента. Вместе с этим – это основной процесс, определяющий все остальные процессы деятельности. Самая общая схема воспроизводства была рассмотрена, в частности, в трех работах: «О методе семиотического исследования знаковых систем» [11], ««Естественное» и «искусственное» в семиотических системах» [1], «Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности» [13]. В этих трех статьях воспроизводство задавалось в виде схем двойного типа. При одном типе схем сначала задавалась некоторая структура деятельности

S_i , которая осуществлялась в какой-то момент времени и в определенном пространстве. Чтобы она была социальной, она должна в таком же аналогичном виде воспроизводиться в другое время и в другом пространстве. Если этого воспроизводства не будет, мы вообще не можем считать эту структуру деятельности социальным явлением или социальным фактом. Это означает, что когда структура распадается – а всякая структура деятельности когда-то кончается, – она должна повториться как структура деятельности S_j . Для того, чтобы это было возможным, нужен особый механизм, который называется механизмом трансляции. Но это значит, что структура S_i должна каким-то образом передать себя в структуру S_j .

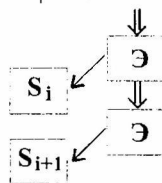
Рисуя стрелку, соединяющую эти два состояния, таким образом, я хочу выразить тот факт, что здесь не действует и не может действовать схема естественного детерминизма. Структура S_i не порождает структуру S_j естественным образом, т.е. структура S_i не является и не может быть причиной появления структуры S_j . Как показали специальные исследования, здесь имеет место механизм детерминации подобный генетическому механизму в биологических системах, но осуществляющийся за счет других средств, средств так называемой культуры. Образно его можно назвать механизмом социальной генетики. Если мы поставим вопрос, как может такое происходить и вместе с тем будем смотреть на окружающую нас социальную действительность, то мы заметим, что, как правило, а если работать в собственно теоретическом плане, то в принципе всегда такое воспроизведение структуры S_j в соответствии со структурой S_i возможно за счет того, что существует еще третий элемент – элемент \mathcal{E} , который, с одной стороны, является ничем иным как слепком структуры S_j в тех ее характеристиках и параметрах, которые существенны для механизма воспроизводства. А с другой стороны, он является образцом или эталоном, в соответствии с которым как бы отпечатывается структура S_j . За счет этого и возможно воспроизводство или воспроизведение структуры путем, отличным от естественной детерминации. Это будет не причинная обусловленность. Другими словами, изображенные нами на схеме ломаные стрелки не являются связями причинного обуславливания, а суть связи отпечатывания.

Этот тип связи был описан в очень красивой форме польским философ-фантастом Ст.Лемом. В его новеллах у шаров, прилетающих из космоса, а затем в океане Соляриса имеется это свойство – воспроизводить в себе или отпечатывать то, что происходит вовне. Это часто бывает с фантастической литературой, что она фиксирует как необычное, фантастическое свойство то, что существует как обычное и массовидное явление в окружающей

нас повседневной жизни. В данном случае отпечатывание одних структур на материале других – лишь обычное и массовидное явление воспроизводства всех и любых элементов нашего социума.

Но чтобы можно было понять действительные процессы и механизмы воспроизводства, нужно видоизменить приведенную мною схему, ибо то, что я представил – слишком упрощенная и во многом вульгаризирующая суть дела модель. Более реальная и более конкретная схема легко получается из уже введенной путем довольно простых рассуждений. Если мы хотя бы один раз отпечатаем структуру S_i в системе \mathcal{E} , а потом мы должны воспроизводить структуры S_{i+1} , S_{i+2} , S_{i+3} и т.д., подобные структуре S_i то нам вполне достаточно одного эталона \mathcal{E} и многократное отпечатывание S_i на \mathcal{E} не должно повторяться. Один раз созданное \mathcal{E} должно как бы перемещаться относительно этой схемы или, как мы говорим, транслироваться. Элементы \mathcal{E} передаются в качестве неизменных образцов, они как бы протекают мимо структур S и, оставаясь одними и теми же, служат основаниями для производства, отпечатывания все новых и новых структур S .

На основании этого я могу разорвать связь, ведущую от S_i к \mathcal{E} , и считать, что отпечатывание произошло один раз когда-то очень давно, пусть даже в какой-то совсем другой культуре, а дальше это \mathcal{E} все время существует, сохраняется во времени и, следовательно, скользит мимо структур S . Тогда у нас получается как бы два канала существования. В одном существуют постоянно сменяющиеся друг друга структуры S , а в другом – постоянно сохраняющийся и неизменный элемент \mathcal{E} .

Мне особенно важно обратить ваше внимание на это обстоятельство, т.к. все мои дальнейшие рассуждения, касающиеся существования вещей и предметов и даже более общо – вообще социального существования, будут строиться на этой двойственности и противопоставленности существования разных образований в культуре \mathcal{E} и системах S . Последнее существование называется социетальным. Таким образом, есть одна форма социального существования – в культуре и другая форма социального существования – в сменяющихся друг друга социетальных структурах. Существование в культуре обладает признаком вечности, а существование в сфере социетальности – временностью. Чтобы подчеркнуть оппозицию существования в культуре и в социетальной сфере, я разделяю эти две сферы линией, через которую как бы прорывается связь отпечатывания.

Вопрос о том, как социетальные структуры в свою очередь влияют на культуру достаточно сложен. Я его сейчас не обсуждаю, ибо я не обсуждаю вопроса о том, каков вообще смысл этого разделения. <...> На этом этапе

мне важно подчеркнуть независимость Э от S, а если мы захотим построить более конкретную модель, то мы должны будем обсуждать одновременно как вопрос конкретизации, так и проблему учета в процессе нее эмпирических явлений, т.е. отношение наших схем к реальной эмпирии. <...> Мне здесь важно подчеркнуть, что в воздействии S на Э не будет плоского естественного детерминизма, а будет очень сложное влияние, учитывающее механизмы работы сознания, процесса образования знаний, разные формы рефлексии и т.д. и т.п. Поэтому до тех пор, пока я не ввел самого человека и многие другие органы, процессы и механизмы, я должен говорить, что элементы культуры создают или даже производят социетальные системы благодаря механизму отпечатывания, а обратного процесса влияния социетальных систем на культуру просто не существует. И относительно моей модели это будет правильное утверждение, несмотря на то, что оно совершенно ложно относительно реальности социальной жизни. [24]

(3)

Исходная данность для любого человека – нормы социальной культуры или, как я буду говорить сокращенно, «культурные нормы», и они в принципе, отгораживают его от жизни. Человеку, чтобы действовать и существовать, достаточно исходить из этих норм и следовать им, и тогда ему, как правило, не нужно будет интересоваться, что такое жизнь и какова она. И именно так в большинстве случаев живут люди. Лишь очень немногие – обычно их называют еретиками – и лишь в особых ситуациях набираются окаянства и прорываются через систему культурных норм и традиций к той самой «жизни», о которой мы часто всеу говорим, но с которой мы обычно не имеем дело; лишь очень немногие из людей и лишь благодаря особым, необычным стечениям обстоятельств прорываются к «жизни» через систему культурных традиций, выходят за рамки мертвых шаблонов и могут говорить о том, что действительно нужно для «жизни». Ретроспективно такие прорывы оцениваются как результаты исключительной важности и результаты действий гениев. Такая оценка выступает вместе с тем как свидетельство крайней редкости подобных случаев.

Здесь я должен отметить, что в принципе оценка так называемых потребностей жизни, определение способов работы, задач и целей деятельности, исходя из этих потребностей, – крайне сложное дело, требующее изощренных приемов и средств. Как правило, оценить то, что называется «реальностью жизни» в ее противопоставленности культурным традициям и нормам, вообще невозможно. Обычно люди сталкиваются друг с

другом на почве разных культурных традиций, на почве разных видений мира, которые заданы этими традициями. <...>

По сути дела, я уже высказал утверждение, что традиции в существе своем слепы. Выработываемые на определенных этапах развития человеческого общества, либо ограниченно, для этого времени, либо как утопические проекты, вносимые в будущее, и проверяемые лишь за счет обратных связей, культурные нормы транслируются затем из поколения в поколение и определяют формы и способы жизни многих поколений людей. Границы, в которых эти нормы могут «работать» и, соответственно, могут оцениваться как удовлетворительные, в силу устройства самого общества, достаточно широки. Нормы остаются «жизненными» и продолжают действовать несмотря на то, что очень скоро между ними и реальными социальными ситуациями возникают расхождения и рассогласования. В социуме непрерывно складываются новые формы и способы жизни, подспудно преодолевающие и разрушающие культурную традицию. Они образуют способы жизни, еще не поднятые до уровня культуры или же создающие зародыши новой культуры. В любом социуме всегда существует достаточно богатая практика, нарушающая соответствующие нормы культуры и идущая вопреки им. Именно учитывая все это, я говорю, что традиция слепа. Хотя для справедливости надо заметить, что это – весьма жизненная слепота, та слепота, которая обеспечивает преемственность в социуме и его устойчивость. Поэтому всякий, кто ориентируется на культурную норму, рискует разойтись с реальными условиями социальной жизни, но он при этом не разойдется с социальным целым, не вылетит из социальной жизни, сохранит свое место и свои связи в коллективе.

Естественно, возникает вопрос, как мы можем преодолеть это постоянное противоречие между меняющимися условиями социальной жизни и функциональной консервативностью норм культуры, преодолеть или, во всяком случае, научиться так учитывать отношения между ними, чтобы постоянно приводить нормы в соответствие с уже происшедшими или наметившимися изменениями в социальных системах. Мы должны научиться все время соотносить друг с другом культурные нормы, определяющие нашу деятельность и поведение с естественно меняющейся практикой нашей социальной жизни.

Здесь есть два пути. С одной стороны, люди все время поднимаются выше и выше в уровнях норм; они стремятся выйти к так называемым вечным истинам. Если сопоставлять друг с другом конкретные науки и философию, то нетрудно заметить, что именно философия занимается так называемыми «вечными истинами» – каждый раз я употребляю слово «вечные»

в кавычках, подчеркивая тем самым его метафорический характер, но некоторая часть смысла этого выражения остается, ибо философские положения действительно действуют очень долгое время и остаются «истинными» несмотря на многие и многие изменения социетальных ситуаций. И если мы оцениваем жизнь «философски» и «философски» подходим к ней самой, то мы можем ориентироваться и действовать на основе общих философских истин.

Но эти истины, как вы понимаете, не конкретны и они не могут обеспечить необходимыми средствами и нормами всю совокупность нашего поведения и наших действий. Чтобы действовать в конкретных социетальных ситуациях – а подчас они превращаются в узкокоммунальные ситуации – нам нужны значительно более конкретные нормы и средства, более детально и более дифференцированно учитывающие исторически меняющиеся особенности разных ситуаций. С этой точки зрения «вечные» истины философии, конечно, не могут обеспечивать всех аспектов социетального поведения и деятельности. Поэтому мы приходим к необходимости создавать и производить по ходу своей деятельности новые нормы культуры, все время подгонять их под непрерывно меняющиеся условия социетальной жизни. Тем самым оправдан новаторский подход и работа еретиков, нарушающих установленные культурные нормы и всегда разрушающих, в известном смысле, сложившийся уже социум. Это разрушение всегда таково, хотя оно остается ничем иным как разрушением, – что оно обеспечивает «высшую» жизненность самой социальной системы. Героическая деятельность еретиков обеспечивает пластичность и мобильность норм нашей культуры. Но это утверждение опять-таки не устраняет и не исключает характеристики деятельности еретиков как разрушительной, – разрушительной для любых систем уже сложившейся культуры. <...>

Главным понятием, определяющим сами эти модели, является понятие воспроизводства и обеспечивающие его трансляции норм культуры. Схема, иллюстрирующая эти процессы, создает как бы два слоя действительности и, соответственно, – два слоя объектов, с которым может иметь дело человек. Один слой – этой слой социетальных систем и объектов, включенных в них, другой слой – нормы культуры. Само различие двух слоев является чисто функциональным и постоянно снимается практикой человеческой деятельности: то, что сначала принадлежало к слою культуры, затем превращается этой практикой в объекты новых социетальных ситуаций, социетальных ситуаций второго уровня. Но при полной относительности функциональных противопоставлений остаются материальные различия, обусловленные этими функциями. Преобразование норм культуры,

превращенных в объекты социетальных систем второго порядка, остается все же работой по поводу норм культуры, во всяком случае, если исходить из действительности самих схем. В эмпирическом материале все дело выглядит значительно сложнее и там не так-то легко ответить на вопрос, где собственно социетальное, а где, напротив, культурная работа. Именно поэтому я говорю, что различение того и другого очень сложно и не может быть по настоящему понято без учета особенностей наших моделей. <...>

Рассматривая структуру человеческой деятельности, мы выясняем, что она всегда задается средствами и нормами, зафиксированными и передаваемыми через культуру. <...> Начиная какую-либо деятельность, человек всегда исходит из определенного образца будущего продукта своей деятельности, а этот образец всегда должен быть зафиксирован в какой-то или в каких-то культурных нормах. Чтобы родилась деятельность, нужно иметь еще задачу, а задача предполагает, кроме ориентации на образец продукта, также еще и ориентацию на образец метода или процедур деятельности, с помощью которых этот продукт получается.

Благодаря всему этому создается историческая преемственность каждого акта деятельности или акта социального поведения со всеми прошлыми способами и актами человеческой деятельности, действующая через всю систему норм культуры.

Но в своей деятельности человек постоянно создает, кроме того, нообразования, такие элементы и связи, которых не было в предыдущих деятельности и которые не зафиксированы в нормах культуры. В частности, в своей деятельности человек непрерывно ассимилирует природу, перерабатывая ее из одних состояний в другие, человек непрерывно ассимилирует другие социальные системы, либо их подчиняя себе, либо вступая в них, либо же используя их в качестве материала, подобно природному материалу. За счет этого в деятельности все время появляются новые элементы и связи, которые не были и не могли быть зафиксированы в культуре. Вся совокупность взаимодействий с материалом и формами, которые не были еще зафиксированы на уровне норм культуры, и называется мною практикой социетальной жизни. Она, таким образом, задается как разнообразные взаимодействия с любым материалом, со всем тем, что выступает в качестве материала для деятельности. А с другой стороны, как бы в оппозиции к взаимодействиям с материалом находятся культурные нормы, как то, что транслируется из поколения в поколение. <...>

Вступая в определенную социальную организованность, получив необходимое для нее образование, усвоив соответствующие нормы культуры, мы очень часто считаем их незыблемыми «фактами», обладающими

необходимостью, подобной необходимости природы. Все эти нормы, конечно, определяют нашу жизнь и от этого было бы неверно отказываться. Но вместе с тем обычно исчезает или, если угодно, не появляется понимание того, что можно сознательно относиться ко всем этим нормам и сознательно отказываться от них. Считая социальные нормы фактами нашей жизни, мы вместе с тем очень часто приписываем им «естественность» и недостаточно учитываем, что они все же – весьма искусственные факты, нормы, которые мы можем принимать, а можем и не принимать. (Хотя всегда нужно помнить, что за отвержением социальных норм, принятых в данном обществе, всегда следует соответствующее наказание со стороны этого общества. Это нужно помнить и знать, хотя, как известно, многих угроза социального наказания не останавливает: Дж.Бруно знал, что, если он не откажется от «Коперниковой ереси», его сожгут на костре, и тем не менее он не отказался.) Есть очень много социальных норм, более важных и менее важных, от которых мы не только можем, но и должны отказываться. Больше того, необходимо постоянно отказываться от каких-то социальных норм и на их место ставить другие нормы, создаваемые нами самими. Об этом обычно забывают, когда признают за социальными нормами статус фактов <...>.

У нас всегда должно быть двойное отношение к данности культурных норм. С одной стороны, мы должны принимать их как определенную традицию, и мы обязаны сохранять и нести ее дальше как традицию – и без этого мы не сможем существовать как люди в нашей преемственности ко всему прошлому, к нации, гражданскому обществу нашей страны, наконец, к миру всего человечества. Но вместе с тем мы должны иметь и другое отношение ко всему этому, помнить, что мы вольны принять или, наоборот, отказаться от этой традиции, и это знание второго отношения поднимает нас на новый более высокий уровень в нашем собственном социальном существовании. Мы должны относиться к традиции и к самой культуре как к тому материалу, который мы можем и обязаны преобразовывать. Отсюда возникает сознательная установка и линия на новаторство. Нельзя забывать, что всегда, чего бы ни касалась сама новаторская установка, это будет еретическая линия.

Говоря об этом, я подвергаю саму деятельность установку вторичной рефлексивной оценке. Нередко можно услышать суждение, что новаторство – это всегда высшая ценность и высшая цель человеческого существования и деятельности. Как мы часто слышим эти фразы: «Все мы должны быть новаторами, все мы должны быть творцами!» Этот тезис точно также не может приниматься непосредственно, а предполагает свою особую критическую оценку. Я бы сказал: хорошо быть новатором, но всегда надо быть им в меру. Будучи новатором, надо очень хорошо и остро

чувствовать ответственность новаторства. Надо всегда твердо помнить, что новаторство может быть и часто бывает таким, что оно ломает существующие социальные структуры, делает жизнь людей невозможной и не приносит в мир ничего хорошего взамен. <...>

Я бы даже рискнул сказать, что подлинно новаторской социальной деятельностью является и может быть только деятельность по переделке культурных норм. Чтобы мы ни сделали в узком социетальном окружении, это не будет еще подлинно социальной деятельностью до тех пор, пока сделанное нами не получит отражение в культурных нормах. Но это означает, что она не будет и социальной деятельностью в подлинном смысле этого слова. С другой стороны, осуществление не просто социальной, т.е. социетальной, деятельности, а социальной деятельности по перестройке норм культуры всегда приводит к перестройке существующего уклада, вызывает нарушение равновесия и поэтому является деятельностью еретической, следовательно, – наказуемой. Но так как подлинное новаторство может быть только деятельностью на уровне культурных норм, то и оно, следовательно, всегда носит еретический характер и точно также должно наказываться. [21]

(4)

В чем тут основная идея, в этой оппозиции трансляции и коммуникации. Утверждается, что воспроизводство человеческой деятельности возможно за счет того, что в обществе складывается два больших канала, или два пространства, которые различаются как пространство социетальное и пространство культуры. Отношение между ними функциональное. Культура представляет собой систему образцов всего существующего в человеческой деятельности. Это образцы вещей, образцы орудий, продуктов, самой деятельности, образцы людей, человеческих чувств, отношений, социальных организаций и т.д. Все это существует и зафиксировано в определенных средствах, начиная от парижского метра, который является эталонной меры длины и кончая, скажем, представлениями о кинозвезде, киноактере, космонавте, политическом деятеле или герое войны, которые в себе репрезентируют соответствующие образцовые качества. Педагог – это образец по долгу службы, он используется в обществе как носитель образцов деятельности. Все эти образцы – эталоны или, более широко, нормы культуры реализуются в массовых, массовидных структурах человеческой деятельности. Они представляют собой как бы матрицы, которые отпечатываются на всем остальном человеческом материале, и поэтому каждое явление, с которым мы встречаемся в мире социальной жизни и человеческой деятельности, всегда имеет двойственное существование: с одной стороны,

оно представлено в определенных отношениях и связях человеческого поведения, деятельности, взаимоотношений, а с другой стороны, оно всегда имеет некоторую норму, образец, которые собственно говоря, и реализуются в этих отношениях и разнообразных проявлениях человеческой деятельности. Точнее надо было бы сказать, что каждое такое социальное образование, каждая социальная структура имеет не одну норму, а множество разных норм, которые и отпечатываются на этих социальных структурах, причем в зависимости от того, какие штампы взяты и отпечатываются, получается и разнообразие социальных структур. При этом нормы культуры транслируются все время, передаваясь и транслируясь из поколения в поколение, они как бы «текут» в истории и во времени и вся их функция состоит в том, что они вновь и вновь отпечатываются в социальных структурах. Если бы основные структуры воспроизводства деятельности были только такими, как я их изобразил, то, легко увидеть, что вся система человеческой деятельности и поведения была бы предельно консервативной. Имеется набор норм, которые текут во времени и которые отпечатываются на социальных структурах, здесь в социальных структурах может быть большое разнообразие как за счет разнообразия самих культурных норм, так и за счет условий среды, в которых все это реализуется, но обратной связи ни какой нет, и сами нормы культуры не изменяются. Реально же все происходит иначе в том смысле, что, во-первых, существуют естественные законы изменения норм культуры, которые идут за счет того, что социальные структуры оказывают на них обратное воздействие. Кроме того, социальные структуры сами могут переходить в блок культуры; это один процесс, естественный процесс эволюции и изменения норм. Естественные в том смысле, что это происходит само собой, а не делается определенными людьми с целеполаганием и по определенным образцам. А кроме того, есть еще процесс искусственного изменения культурных норм, когда эти нормы изменяются людьми сознательно и с определенными целями. В частности, любой процесс по выработке идеалов, будь то утопические или неутопические идеалы, есть процесс искусственного изменения норм. Скажем, вся фантастическая литература это один из механизмов такого искусственного изменения норм культуры: если вы возьмете книги Струацких, то в каждом предисловии они пишут, что они сознательно создают определенные идеалы и при этом понимают, что они делают, какую функцию в обществе они выполняют. Это уже совершенно сознательное выполнение такой функции «операторов культуры», как сейчас модно говорить, в особенности в Италии и во Франции. Так вот, есть такой процесс и мне сейчас важно подчеркнуть следующее: что есть обратное воздействие этих социальных

структур на образцы культуры и любая социетальная структура, следовательно, во-первых, содержит те моменты, вернее, в ней можно выделить те моменты, которые представляют собой отпечатки этих образцов культуры, а с другой стороны, некоторые новообразования, т.е. те, которые создаются внутри этой социетальной структуры и вообще в принципе не являются отпечатками каких-то образцов – это инновации или новообразования внутри общего, они всегда возникают здесь в социетальных структурах. При этом, нормы культуры задают то ядро, или ядерные структуры деятельности, которые передаются из поколения в поколение не меняясь, а все новообразования социетальных структур по отношению к этому процессу выступают как трансформирующие, преобразующие его влияние. [15]

(5)

На идее воспроизводства деятельности было затем сформировано принципиально важное разделение идей социальности и культуры. Насколько я понимаю, мы были первыми, кто ввел в советскую науку идею культуры. Более того, я опять-таки рискнул бы сказать, что мы – единственные в мире, кто имеет понятие культуры. В Америке есть известная работа А.Кребера и К.Клакхона «Идея культуры». Там дано 234, или что-то в этом роде, существующих определений культуры, но – все они не работают. Я утверждаю, что в рамках методологии эта идея, задаваемая через схему воспроизводства деятельности, как один из фрагментов механизма воспроизводства, работает и работает «на большой палец». И, насколько я понимаю, это единственное актуально работающее понятие культуры.

На основе идеи воспроизводства было произведено разделение социального мира и мира культуры. На мой взгляд, лучше всего это описано в статье 1970 года Генисаретским (*Генисаретский О.И.* Опыт методологического конструирования общественных систем // Моделирование социальных процессов. М.: Наука, 1970), где он обсуждал вопрос о социумах с проектированием и без проектирования. Но намечены были все эти идеи в серии статей, вышедших в 1967 г. – в статье трех авторов «“Естественное” и “искусственное” в семиотических системах» [1] и в моей статье «О методе семиотического исследования знаковых систем» [11].

Это принцип неимоверно важный. Кстати – до сих пор не понятый американцами. У меня в этом плане была очень интересная дискуссия с американскими психологами, социологами и философами, очень известными, которые буквально заклеили меня за разделение социальности и культуры. Но меня вообще-то это не удивляет – американцы не могут этого понимать. Я думаю, что это понимают две нации: с одной стороны, Германия,

люди, прошедшие период фашизма, с другой стороны, советские люди. Реальное разделение культуры и социальности проходило через них, по их телам, и поэтому это – единственные два народа, которые отчетливо прожили – *erleben*, как говорят немцы – необходимость разделения социальности и культуры. А для американцев культура существует на людях, и люди являются носителями культуры – люди, которые приспособляются, адаптируются и живут по законам, скажем, фашистского рейха. Они и являются носителями культуры, ибо культура – народная, да? И другой не может быть.

Для ММК противопоставление социальных систем и культуры является конституирующим и одним из важнейших. Можно быть сколько угодно социализированным, адаптированным к социальности и – в силу этого – быть абсолютно бескультурным или антикультурным. [18]

6. Норма – реализация

Отношение, в котором выражается двоякая (социо–культурная) сущность всякого образования, принадлежащего к миру деятельности, и фиксируется необходимое и достаточное условие такой принадлежности: объект является социальным постольку, поскольку он есть реализация культурной нормы.

В схеме *воспроизводства* выступает в качестве основной структурно-функциональной единицы, обеспечивающей историческое бытие деятельности.

Фрагменты текстов

(1)

В отличие от «объектов природы» предметы деятельности имеют *множественное существование*: внутри него должно быть выделено прежде всего существование в виде *образца* или *нормы* (т.е. в рамках системы культуры) и существование в виде *реализации* этого образца или нормы в ином материале (т.е. в рамках социэтальной системы). Точнее, нужно даже сказать, что всякий предмет деятельности существует всегда по меньшей мере в виде *связки образца (нормы) и его реализации*. [4]

(2)

Исключительно важным и принципиальным в контексте этого анализа [анализа процесса воспроизводства] является различение норм и реализаций, фиксирующее основную сущностную структуру деятельности и одновременно всего, что существует в ней и вместе с ней.

Связка «нормы – реализации» является частью структуры воспроизводства с трансляцией элементов культуры. Но, взятая относительно общей схемы воспроизводства, она выступает как изображение определенной организованности внутри нее. Именно эта организованность, как мы уже отмечали, задает специфику «культурного», с одной стороны, и «социального», с другой, и одновременно членит все явления деятельностного мира на два класса, связанных между собой отношением «норма – реализация». Вместе с тем эта связка выступает как одно из важнейших категориально-онтологических определений всех без исключения явлений нашего деятельностного мира, и, таким образом, она накладывает определенную форму на содержание всех знаний о деятельностных явлениях и на методы их получения, ибо от вида и характера онтологических представлений, как мы уже знаем, зависят как возможные способы разложения объекта на отдельные системы, так и логические формы последующей связи знаний об объекте в единую интегрированную систему.

Из этой онтологии вытекает целый ряд методологических требований.

Простейшая единица всякого социокультурного объекта должна задаваться связкой элементов из двух систем – системы норм и системы реализаций; только эта связка обладает подлинным социокультурным существованием в деятельности. Отдельные элементы ее можно анализировать и описывать в технических целях, но таким путем никогда нельзя выявить законы их жизни и, следовательно, построить науку о социокультурных объектах. И, наоборот, использование этой связки в качестве основной формы при построении схем объектов снимает многочисленные парадоксы, выявленные разными социальными и культурологическими дисциплинами, и позволяет получать адекватные знания об объектах, являющихся организованными деятельностями. <...>

В рамках связки «норма – реализация» получают естественное и законосообразное объяснение все зафиксированные факты двойного существования разных социокультурных объектов. Сопоставление двух способов их существования, взятых на полюсах отношения реализации, позволяет

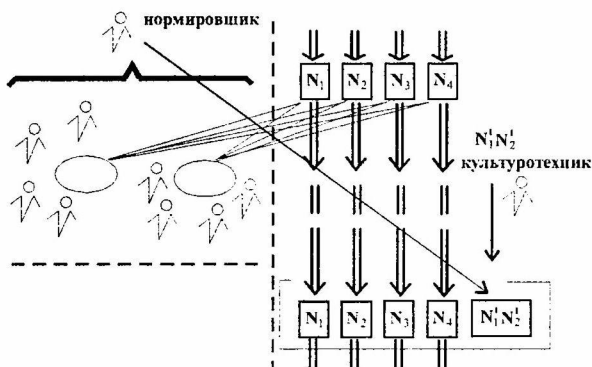
выделите в каждом таком объекте «форму» и «материал» и, таким образом, объяснить на схеме-модели как тождество норм и реализаций, так и их различие: именно «форма» оказывается той общностью, которая, с одной стороны, связывает и объединяет оба эти способа существования социокультурного объекта в одно целое, а с другой стороны, устанавливает и фиксирует их тождественность. Исходным носителем формы является норма, но в ней форма связана с несвойственным ей материалом и поэтому необходимого социокультурного объекта, удовлетворяющего принципу соответствия формы и материала, не получается. Норма оказывается лишь символом или знаком объекта. Но такой способ существования соответствует ее назначению и функциям: ведь смысл нормы в контексте процесса воспроизводства состоит только в том, чтобы передать, перенести необходимую форму в социальный объект, создаваемый в процессе реализации. В исходном состоянии последний выступает как чистый материал и поэтому не имеет социального существования. Но, становясь материалом для оформления, представляя себя в качестве материала норме, т.е. в качестве того, в чем она должна реализоваться, он оформляется и благодаря этому приобретает определенность и полноту социального объекта. Одновременно форма получает адекватную для социального объекта материализацию, и вместе они дают нам полный и целостный социокультурный объект.

Таким образом, норма и реализация разнородны как по материалу, так и по способам своего существования, и именно как разнородные, как включенные в разные процессы и обладающие разными траекториями движений, они связаны друг с другом в одно социокультурное целое и могут стать «естественным» объектом научного исследования. <...>

Если дополнить представление об объекте исследования, в схематической форме заданное на рис. 3.2, еще одной связью (и, соответственно, еще одним отношением), а именно связью, фиксирующей процесс образования нормы и идущей от нерасчлененного на форму и материал социального объекта к выражению его в другом, несвойственном ему материале, то можно будет утверждать, что норма, рассматриваемая как система формально определенных единиц, является особой организованностью деятельности и средством организации социального объекта, в то время как сам социальный объект был процессом и в исследовании должен быть фиксирован в виде структуры.

Это превращение легко объяснить тем, что форма, отделяясь от социального объекта, теряет органически связанный с нею и определивший ее материал, и, чтобы существовать и сохраняться дальше, она должна, «умертив» все процессы, как определяющие, так и влияющие на нее, запечатлеть

себя в строении какого-либо нового материала. То, что мы называем «организованностью», и является этим мертвым отпечатком динамической структуры исходного социального объекта в новом материале. Но этот материал тоже имеет свою жизнь, хотя бы как материал нормы, используемый в процессах реализации. Чтобы обеспечить лучшие условия такого использования и вообще всей «жизни» норм, их ставят в системы специально созданных отношений с другими нормами и их материалом. Так в пространстве норм создаются свои особые системы, отличающиеся от систем социальных объектов, уже не только материалом своих единиц, но и всеми теми связями, отношениями, функциями и «значениями», которые накладываются на каждую единицу нормативной системы ее окружением.

<...> Различия систем и, соответственно, способов жизни норм и реализаций, образующих вместе с тем метасистемы и метаселостности социокультурных объектов, позволяет без труда объяснить такие удивительные явления, как сравнительно устойчивую сохранность систем социокультурных объектов при непрерывных, разнообразных и часто весьма значительных изменениях входящих в них социальных объектов, или, скажем, принадлежность многих автономных и изолированных объектов мыследействования к одной социокультурной системе при отсутствии каких-либо непосредственных связей между ними. [6]

(3)

Говоря о «норме», мы имеем в виду тот объективный состав и ту структуру деятельности, которые только и могут обеспечить решение задачи, которые, если можно так выразиться, необходимы и достаточны для ее решения. В этом отношении «норма» не зависит от субъективных свойств

отдельных индивидов и поэтому может рассматриваться вообще безотносительно к индивидам.

«Нормы» деятельности в своей совокупности противостоят подрастающим поколениям в качестве образцов деятельности, которыми нужно «овладеть». Поскольку сама деятельность возможна лишь в связи со средствами производства и различными знаковыми системами, то те и другие выступают как формы «опредмечивания» деятельности вообще и норм деятельности в частности. Поэтому грубо, в первом приближении, можно сказать, что нормы деятельности выступают перед подрастающими поколениями в виде средств производства и знаковых систем, вплетенных в ткань строго определенной деятельности. Ребенок должен *овладеть* общественно-фиксированными «нормами» деятельности, а для этого – *усвоить* или *освоить* те предметные и знаковые системы, которые в них входят. [12]

7. Социотехническое отношение

Социотехническим (или организационно-техническим) называется такое отношение между двумя деятельностями когда, одна из них (деятельность верхнего уровня) включает другую (деятельность нижнего уровня) в свою структуру в качестве объекта. Воздействие, которое при этом деятельность верхнего уровня оказывает на деятельность нижнего уровня («деятельность над деятельностью») называется социотехническим действием, а система, имеющая такую двухуровневую («матрешечную») организацию – социотехнической системой.

Фрагменты текстов

(1)

Социотехническая система может быть изображена схематически в виде «желудя», состоящего из двух частей. Имеется одна деятельность (а), например какого-то рода практические воздействия и соответствующие им исследования. При этом проектируются некие организovanности, скажем знаковые, материально-машинные или какие-то другие, которые затем реализуются; знаковые и материально-машинные организovanности включаются в другую деятельность, которую они таким же образом организуют (б). Этот второй компонент социотехнической системы – проектируемая система деятельности, т. е. та, которой мы стараемся управлять. Таким образом, в деятельности, изображенной в

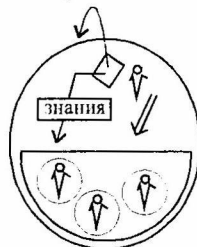
«верхней» части «желудя», мы создаем определенные организованности и включаем их в «нижнюю» деятельность, т.е. накладываем ее как определенную форму. Иначе говоря, мы постоянно осуществляем фактически некую деятельность над деятельностью, и это, на мой взгляд, и есть та ситуация, которая в конечном счете порождает задачу управления в ее рафинированном виде. [2]

(2)

Принцип социотехнической организации деятельности, позволяющей связывать отдельные акты деятельности и мышления разнообразными отношениями и связями субординации и координации, в том числе отношениями и связями организации, руководства и управления.

Использование этого принципа в работе с онтологическими схемами позволяет развернуть на базе исходных подпространств деятельности, заданных принципами воспроизводства и обучения-воспитания, ряд новых подпространств:

- а) подпространство социотехнической организации и перестройки единиц культуры,
- б) подпространство социотехнической организации обучения и воспитания,
- в) подпространство социотехнической организации актов мышления и деятельности в ситуациях реализации. [16]

(3)

И можем, наконец, набирать сложные, так называемые *социотехнические* связки, когда вся эта структура деятельности одного человека становится исходным материалом в деятельности другого. Этот «странный» случай нам надо зафиксировать: когда оказывается, что деятельность человека направлена не на преобразование природного материала, а на организацию деятельности других людей, на руководство такой деятельностью или на управление.

8. Трансляция

Один из основных механизмов *воспроизводства*, обеспечивающий передачу тех или иных элементов деятельности из одной социальной ситуации в другую.

Ключевую роль в воспроизводстве деятельности играет трансляция культурных норм и образцов, представленная в схеме воспроизводства путем функционального разделения пространства социума на *подпространство культуры*, выступающее в качестве канала трансляции норм, и подпространство социальных ситуаций, в которых нормы реализуются.

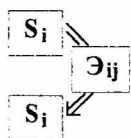
Трансляция может осуществляться как *естественно*, за счет простого перетекания из ситуации в ситуацию, так и *искусственно*, через посредство специально организованных механизмов.

Фрагменты текстов

(1)

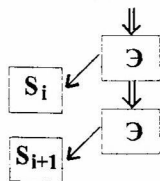
Исходная и простейшая форма среди многих разнообразных механизмов воспроизводства – это простое «перетекание» или простая «передача» функциональных элементов социальной структуры из одного, разрушающегося состояния в другое, складывающееся. Так могут переходить из одного состояния в другое орудия, предметы и продукты труда, так могут переходить отдельные люди и некоторые организации людей. Подобная вещественная передача элементов от одного состояния к другому, по существу, не требует восстановления (или воспроизводства) в точном смысле слова, но является необходимым составляющим процессом в нем: мы называем ее трансляцией элементов социума. <...>

Более сложным механизм воспроизводства становится в тех случаях,

когда элементы первого, разрушившегося состояния не переходят сами непосредственно во второе состояние, не становятся его элементами, а служат как бы образцами, или эталонами, для воссоздания других, точно таких же образований, входящих во второе состояние социальной структуры.

Образцы, или эталоны, имеют совершенно особую функцию в социуме: они должны как-то запечатлеть в себе то, что содержится в первом состоянии, чтобы затем по ним можно было «отпечатать» то,

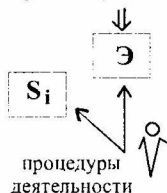

что пойдет во второе состояние. Следовательно, сами образцы, или эталоны, «живут» уже вне этих состояний; они движутся как бы параллельно им, постоянно обеспечивая восстановление социальных структур.

Так мы приходим к необходимости выделить внутри социума два разных слоя, – собственно *производства* и *культуры*; последняя, грубо говоря, – это совокупность тех средств, которые обеспечивают восстановление производственных (или каких-либо иных) структур. (Заметим сразу же, что выделение этих образований, заданное таким образом,

справедливо лишь для данного уровня абстракции, а при дальнейшем усложнении модели требует уточнений).

При таком механизме восстановления состояний мы получаем воспроизводство в точном смысле этого слова. Но непременным условием сего является деятельность: образцы, или эталоны, смогут выполнить свою функцию только в том случае, если рядом будет человек, который *может создать* по эталонам новые образования, входящие в производственные структуры. Значит, подобный процесс трансляции имеет смысл лишь в том случае, если параллельно ему непрерывно передается деятельность.

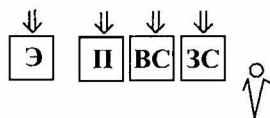

Деятельность, как мы уже говорили, занимает совершенно особое положение в системе социума. Именно она является тем фактором, который превращает все его элементы (и вещи и отношения) в одну или несколько целостных структур. Вне деятельности нет ни средств производства, ни знаков, ни предметов искусства; вне деятельности нет самих людей. Точно так же и в процессе воспроизводства социума именно деятельность занимает основное место – и как то, что воспроизводится, и как то, что обеспечивает воспроизводство.

Самая простейшая форма трансляции деятельности – это переход из одной производственной структуры в другую самих людей – носителей деятельности. Здесь не возникает никаких особых затруднений и проблем, так как нет воспроизводства самой деятельности; сложные ситуации возникают только тогда, когда ставится задача действительно воспроизводства ее.

Как и при трансляции других элементов социума, простейшим случаем здесь будет тот, когда определенные деятельности выталкиваются в слой культуры и служат в качестве образцов для осуществления такой же деятельности в производственных структурах. Реальный механизм этого – приобретение некоторыми людьми особой функции, позволяющей им формировать привычки, поступки, деятельность других людей. <...>

Но подобное выражение образцов деятельности в живых людях, олицетворение их – лишь один из видов фиксации деятельности в процессе трансляции. Другим средством фиксации и передачи деятельности служат любые ее продукты (как вещественные, так и знаковые), они сохраняют и переносят свойства и строение деятельности. Особый вид трансляции образует передача тех знаковых образований, которые использовались при построении деятельности в качестве средств или

орудий (на схеме: П – любые продукты данной деятельности, ЗС – ее знаковые средства, ВС – вещественные средства).

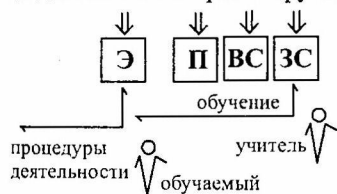
На первых этапах вещественные и знаковые средства деятельности передаются в тех сочетаниях и связях, в каких они были употреблены при решении задач <...>. Так, по-видимому, возникают тексты, представленные сейчас в собственно научной литературе.

Но в каком бы виде ни передавалась деятельность – в виде ли живых образцов, или в виде предметов-продуктов и знаковых средств, воспроизведение ее другими людьми в новых состояниях социальной системы возможно только в том случае, если эти люди *умеют* это делать, т. е. если они умеют копировать деятельность других людей или восстанавливать деятельность по ее продуктам и примененным в ней знаковым средствам. Если же такой способности нет, то в процессе воспроизводства, несмотря на трансляцию деятельности, возникает *разрыв*.

Именно как средство преодоления этого разрыва исторически сложилась и развилась сфера обучения. <...>

Функция *обучения* в системе общественного воспроизводства состоит в том, чтобы обеспечить формирование у индивидов деятельностей в соответствии с образцами, представленными в сфере культуры в виде «живой», реально осуществляемой деятельности или же в виде знаковых средств и продуктов деятельности. Таким образом, обучение деятельности является вторым необходимым звеном в процессе воспроизводства; оно дополняет процесс трансляции и в каком-то смысле выступает даже как противоположный ему механизм.

Этот момент обнаруживается особенно отчетливо в тех случаях, когда деятельность транслируется не в «живом» виде, а только в форме своих

средств и продуктов: трансляция опредмечивает деятельность, дает ей превращенную предметную или знаковую форму, а обучение обеспечивает обратное превращение предметных и знаковых форм в деятельность индивидов; оно как бы выращивает деятельность в соответствии с этими формами и даже из них. [20]

(2)

В чем тут основная идея, в этой оппозиции трансляции и коммуникации? Утверждается, что воспроизводство человеческой деятельности возможно за счет того, что в обществе складывается два больших канала, или два пространства, которые различаются как пространство социальное и

пространство культуры. Отношение между ними функциональное. Культура представляет собой систему образцов всего существующего в человеческой деятельности. <...> Все эти образцы – эталоны или, более широко, нормы культуры реализуются в массовых, массовидных структурах человеческой деятельности. <...> Нормы культуры транслируются <...> из поколения в поколение, они как бы «текут» в истории и во времени и вся их функция состоит в том, что они вновь и вновь отпечатываются в социетальных структурах.

Если бы основные структуры воспроизводства деятельности были только такими, как я их изобразил, то, легко увидеть, что вся система человеческой деятельности и поведения была бы предельно консервативной. Имеется набор норм, которые текут во времени и которые отпечатываются на социетальных структурах. Здесь в социетальных структурах может быть большое разнообразие как за счет разнообразия самих культурных норм, так и за счет условий среды, в которых все это реализуется, но обратной связи ни какой нет, и сами нормы культуры не изменяются. Реально же все происходит иначе в том смысле, что, во-первых, существуют естественные законы изменения норм культуры, которые идут за счет того, что социетальные структуры оказывают на них обратное воздействие. Кроме того, социетальные структуры сами могут переходить в блок культуры; это один процесс, естественный процесс эволюции и изменения норм. Естественный в том смысле, что это происходит само собой, а не делается определенными людьми с целеполаганием и по определенным образцам. А кроме того, есть еще процесс искусственного изменения культурных норм, когда эти нормы изменяются людьми сознательно и с определенными целями. <...>

Так вот, есть такой процесс и мне сейчас важно подчеркнуть следующее: что есть обратное воздействие этих социетальных структур на образцы культуры и любая социетальная структура, следовательно, во-первых, содержит те моменты, вернее, в ней можно выделить те моменты, которые представляют собой отпечатки этих образцов культуры, а с другой стороны, некоторые новообразования, т.е. те, которые создаются внутри этой социетальной структуры и вообще в принципе не являются отпечатками каких-то образцов – это инновации или новообразования внутри общего, они всегда возникают здесь в социетальных структурах. При этом, нормы культуры задают то ядро, или ядерные структуры деятельности, которые передаются из поколения в поколение не меняясь, а все новообразования социетальных структур по отношению к этому процессу выступают как трансформирующие, преобразующие его влияния.

Теперь вернемся к ситуации обучения и рассмотрим ее с точки зрения введенных понятий. Так, педагог должен репрезентировать или представить некоторый образец деятельности. <...> Тот образец деятельности, который учитель должен задать, входит в состав культуры, т.е. в состав этих ядерных структур, которые должны передаваться из поколения в поколение, в принципе не меняясь. В этом плане учитель выступает только как ретранслятор. Он не создавал этого образца деятельности, а он его брал из культуры, тем самым (учтите – это его первая функция) он – носитель этого образца деятельности и он должен был его представить, репрезентировать. Поэтому, все то, что относится к заданию образца деятельности имеет культурную норму или нормы, ряд норм достаточно жестко связанных между собой. И мы никогда не можем сказать, когда эта деятельность сложилась в своем первом образце – очень часто она уходит в далекое прошлое. Когда же учитель вводит знание в ситуации обучения, для того, чтобы помочь ученику овладеть этой деятельностью, этим культурным образцом деятельности, то это все относилось к тем моментам социетальной структуры, которые образца в культуре уже не имеют. Это результат индивидуального творчества самого педагога. И я очень старательно подчеркивал на прошлых лекциях, что знание, которое здесь создается, всегда спровоцировано ошибками ученика, теми затруднениями, которые у него в данной ситуации возникли или возникают. <...> Поэтому учитель всегда должен исходить из индивидуальных особенностей учащегося, отсюда этот принцип индивидуализации, и знания его являются «скоропортящимся продуктом», те знания, которые он создает. Они каждый раз обусловлены данными частными, специфическими особенностями этой ситуации. <...>

Значит, фактически здесь все время происходит трансляция или ретрансляция. Точнее процесс трансляции через ретрансляцию, проходящий через массу этих ситуаций. Это одна проекция, один момент, или группа моментов. И другая проекция – это момент их ситуативного общения в данных условиях, которое в ретрансляцию и трансляцию не попадает. При этом он не попадает (я оговариваю здесь формальный момент), если он не имеет ни транслятивного начала, ни транслятивного конца, сразу ни того, ни другого. Мы будем рассматривать промежуточный случай, когда такого транслятивного начала нет, а вот продолжение транслятивное есть, т.е. нечто, созданное в этой ситуации дальше попадает (созданное как момент коммуникации) в трансляцию культуры. Вот это особый момент. <...> И нам специально надо будет обсуждать условия, при которых это происходит, т.е. при каких условиях нечто, созданное с коммуникативными целями, превращается в момент трансляции, становится новообразованием в процессе

трансляции. Это нужно будет специально обсуждать – когда, при каких условиях и что может превращаться.

Итак, мы различили эти два момента, транслятивный и коммуникативный это раз, мы сказали, что в любой ситуации общения педагога с учениками есть оба эти момента, что мы называем точной или чистой трансляцией, когда есть образец, который воспроизводится и он же проходит дальше, т.е. имеется и транслятивное начало и транслятивный конец; а коммуникацией является то, что создается в этой ситуации, причем создается впервые, и чистой коммуникацией является тогда, когда созданный образец, скажем, знание, не попадает в культуру и ограничивается только рамками этого коммуникативного акта; и затем мы выделили промежуточный случай, когда в подобной ситуации коммуникация переходит в трансляцию, т.е. образец попадает в культуру, и мы поставили вопрос, при каких условиях и как все это получается. [15]

9. Управление

Способ и форма воздействия одного процесса, выступающего в качестве *искусственного* и заданного по отношению к некоторой цели, на другой, выступающий в качестве *естественного* и обладающего имманентным самодвижением. Как следствие управления «траектория» самодвижения естественного процесса изменяется в соответствии с требованиями цели искусственного процесса.

Иначе говоря, понятие управления выражает такой способ связи двух деятельностей в *социотехнических* системах, при котором одна из них (управляемая) непосредственно осуществляет себя и преследует свои цели, а другая (управляющая) достигает своих целей опосредованно, за счет воздействия на управляемую деятельность и приведения ее функционирования к достижению цели системы в целом.

Фрагменты текстов

(1)

То, что сегодня обсуждается как управление, не имеет к нему ровно никакого отношения, с моей точки зрения. Эти представления перенесены из теории регулирования и теории автоматического регулирования, зафиксированы в кибернетических схемах, в понятиях прямой?обратной связи и т.д., но они принципиально не дают нам понятия «управления» в том смысле, как я его сейчас пытаюсь представить, а именно: наши объекты – это E/I-системы, поскольку они имеют, во-первых, естественный компонент

жизни, во-вторых, искусственный компонент в результате того, что они всегда охвачены и ассимилированы другими системами деятельности, и, в-третьих, некую равнодействующую, по которой, собственно, идет и должно идти движение. [2]

(2)

Управление возможно только в отношении объектов, имеющих самодвижение. <...> Пока этого самодвижения нет, ставить такую задачу или цель – управление – не имеет смысла. <... >

Можно представить себе ситуацию, когда можно управлять полетом стула. Представьте себе что-то вроде мушкетерского побоища: кто-то бросает стул, и я, вместо того чтобы от него защищаться, направляю его полет несколько в другую сторону. Я осуществил одноразовый, одномоментный акт управления – изменил направление полета стула. В этом смысле я осуществил управление этим процессом. Но смотрите, чем я управлял? Я управлял полетом стула, а не стулом.

А теперь о руководстве. Руководство возможно только в рамках организации, в рамках специальных организационных связей.

В чем состоит суть руководства? В постановке целей и задач перед другими элементами. Но для того чтобы я мог ставить цели и задачи перед другими элементами – людьми, нужно, чтобы они от своих собственных целей и задач отказались и обязались бы принимать мои цели и задачи. И именно это происходит в рамках организации.

Организация людей – я возвращаюсь назад к организации и фиксирую ее свойства и качества – всегда осуществляется таким образом: человек, занимающий определенное место, отказывается тем самым от собственных целей и задач, от собственного самодвижения и обязуется двигаться только в соответствии с этим местом и соответственно тем целям и задачам, которые по каналам организации будут передаваться ему вышестоящими инстанциями. <...>

Люди, попадая в организацию, отказываются от собственных целей и целеполагающей функции и обязуются – в этом смысл заявления «Прошу принять меня на должность ...» – принимать задания, цели, задачи вышестоящих инстанций и исполнять их за счет своей деятельности.

Теперь я сделаю еще один шаг. Поскольку люди, занимающие свою должность, не всегда сознают, что они должны отказаться от своих целей и задач, и кроме того, поскольку от людей, отказавшихся от целей и задач, всегда очень мало толку, постольку люди реально от своих целей и задач не отказываются. Или отказываются в определенных границах. Это игра такая.

Они делают вид, что готовы от каких-то своих целей отказаться и какие-то чужие цели и задания принимать, а вот что на самом деле – это еще вопрос. Они могут свои цели временно запрятать, а могут, наоборот, исполнение заданий использовать для достижения *своих* целей.

И вот когда начинается самодвижение, руководство становится либо невозможным, либо осуществляется в очень узких границах, и появляется необходимость в управлении. Руководитель не только руководит, но и вынужден управлять, потому что его подчиненные никогда не отказываются от своих целей, от своего самодвижения целиком. А вот когда у них начинается самодвижение, то руководить ими уже не удастся. Приходится применять другую технику – технику управления.

Пока я даю типологию: есть деятельность организации, деятельность руководства, деятельность управления. Как они реально связаны, я пока сознательно не обсуждаю. Пока нам надо отработать эти три типа деятельности, а потом я их возьму в системной соорганизации.

Итак, еще раз. Организация есть сбор элементов, объединение их в целое, установление отношений и связей – и все. Управление есть воздействие на движение объектов, изменение траектории этого движения. Управление возможно, только если объект, которым мы управляем, имеет движение, самодвижение. Управление есть использование его самодвижения в целях управляющего, который на это самодвижение опирается. Руководство обязательно предполагает организацию – в современной социологии говорят обычно «формальную организацию», т.е. организацию по местам, соответствующую субординацию, отношение подчинения – и возможно только в рамках организационной структуры, пока и поскольку люди эту организационную структуру принимают, т.е. отказываются от собственных целей и задач и берутся выполнять цели и задачи, поставленные перед ними вышестоящими инстанциями. [17]

10. Шаг развития

Единица процесса развития – оргтехническое действие, целенаправленно переводящее систему из топа «прошлое» в топ «будущее» за счет организации топа «настоящего», которое выступает в форме мыследействия, способного оргтехнически осуществить такой перевод.

Мыследействие, обеспечивающее развитие, реализуется за счет соорганизации оргтехнических процессов оргпроектирования, программирования, планирования, нормирования, управления и т.п.

Фрагменты текстов

(1)

Она [схема шага развития] содержит три, как принято говорить, «подсистемы» целого, которые мы будем трактовать в соответствии с современными методологическими представлениями более точно – как три временных пространства: прошлого, настоящего и будущего. В пространстве прошлого находятся существующие сейчас системы <...>, которые нужно совершенствовать и развивать, в пространство будущего мы помещаем представления о системах <...>, которые мы считаем желаемыми и соответствующими нашим современным запросам и требованиям, в пространстве настоящего – оно изображено в верхней части схемы – должна находиться та система мыследеятельности, которая может и призвана посредством своих организационно-технических действий (оргпроектирования, целевого комплексного программирования, планирования, нормировки, оснащения других мыследеятельностей средствами и методами работы, прямых организационных действий, руководства или управления) осуществить преобразование или развитие существующих систем <...> к желаемым и заданным нашими проектами, программами и планами состояниям. [6]

(2)

Есть какое-то состояние организуемой и управляемой системы. Система эта находится в каком-то процессе. Но раз находится в процессе, а я ведь задал состояние, то я должен по меньшей мере задать два состояния.

состояние системы в прошлом		состояние системы в будущем
-----------------------------------	--	-----------------------------------

Второе состояние управляемой системы – то самое, к которому надо эту систему перевести.

Если это пространство разделить на топы – место прошлого, место будущего и место настоящего (где собственно и находится система ОРУ), то получаем схему, которая называется «схемой шага развития».

Я задаю тут двойственный принцип – у меня с одной стороны есть система ОРУ с захваченными ею объектами, а кроме того есть ОРУ как

деятельность мышление в узком смысле, это то, что выполняют соответствующие службы ОРУ.

Теперь фиксируем: в исследованиях мыследеятельностного характера приходится отказываться от физических представлений о времени, и прошлое, настоящее и будущее выступают здесь как три независимые системы. Фактически настоящее захватывает и прошлое, и будущее, они лежат внутри настоящего. Вот такая странная организация хронотопа.

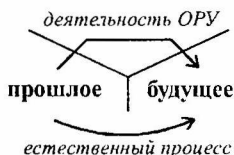
Но я тем не менее настаиваю, что для всех деятельностных и мыследеятельностных систем это – правильная организация. В социологии и социальной психологии нужно делать то же самое.

Далее я задаю два процесса на управляемом объекте:

— процесс естественных превращений этого объекта, что происходит само собой с объектом;

— компонента искусственно-технических преобразований, осуществляемых из позиции ОРУ, сверху.

В целом это дает схему шага развития *любой* системы.

При этом я фактически утверждаю: *вне систем ОРУ развития нет и не бывает*. То, что мы понимаем как естественное изменение разных объектов, происходящее без нашего участия, надо называть иначе. Я бы назвал это *эволюцией*. А *развитие* имеет место *при соединении* естественной и искусственно-технической компонент...

Чтобы описывать социально-производственные системы, надо начинать с систем управления, организации и руководства. <...>

Объект (предприятие, ИПК и т.д.) я должен поставить в прошлое, которое хотя и продолжает быть, но всегда остается в топе прошлого: оно *там* сформировалось. И с точки зрения оргуправленца – то, что есть сейчас, есть прошлое. Ведь управлять *настоящим* – невозможно, управлять можно только по отношению к *будущему*. А то, что реализуется «здесь и теперь», – уже неуправляемо, оно есть и неотвратимо происходит.

А каким образом мы управляем будущим? Ведь в этом смысле им управлять тоже нельзя, поскольку его еще нет. И Л.Н.Толстой говорит, что будущего нет, оно будет таким, каким мы его *сегодня* сделаем.

Эта позиция меняет всю картинку. Здесь, в настоящем, есть оргуправленец или ОРУ-служба, которые имеют свое определенное отношение к прошлому и свои определенные установки на будущее. Например, он может считать, что жизнь есть жизнь, над которой он – как над реальностью – не властен. А поэтому и суетиться не надо. И это – его позиция.

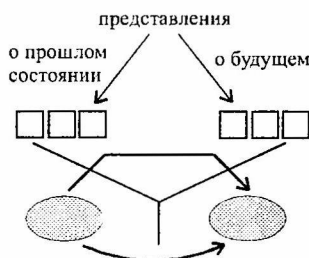
А другая позиция – нужно знать прошлое и произвести дисквалификацию: сказать, что было, чего не было; где – вранье, где – реальность. Затем он должен иметь отношение к будущему, которое он будет делать.

И я задаю *два* состояния:

— прошлое, которое сложилось и произошло само собой, без делания оргуправленца;

— и будущее, которое он должен сделать.

В социальной, или социально-производственной системе, также есть две компоненты. С одной стороны система естественно изменяется, и никто не властен над ней. Можно только это закрыть или переставить людей с места на место, сократить на 50% (к этому у нас и сводится оргуправленческая работа). С другой стороны – процесс преобразований, деятельность оргуправленцев. На схеме шага развития это выглядит так:

Внизу идет естественный процесс развития объекта, а сверху – процесс преобразования.

Если мы ходим понять, *что* происходит в оргуправленческой работе и *что* оргуправленец должен делать, мы должны рисовать такую схему и через нее смотреть на всякую социально-производственную систему. [10]

Литература

1. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
2. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.
3. Знаки и деятельность // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.
4. Историко-научные исследования и логическое представление науки // Щедровицкий Г.П. Философия – Наука – Методология. М., 1997.
5. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
6. Категории сложности изыскательских работ // Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 1. М., 1999.
7. Лингвистика, психоллингвистика, теория деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
8. Методологические проблемы терминологической работы // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.
9. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системно-деятельностного подходов // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
10. Методология и философия организационно-управленческой деятельности // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.
11. О методе семиотического исследования знаковых систем // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.
12. О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-генетической логики // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
13. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
14. Об одном направлении в современной методологии // Щедровицкий Г.П. Философия – Наука – Методология. М., 1997.
15. Общая структура ситуаций обучения // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.
16. Онтологические основания исследований мыслительной деятельности по решению задач и проблем // Вопросы методологии. 3-4'96.
17. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология // Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 4. М., 2000.

18. Перспективы и программы развития СМД-методологии // Щедровицкий Г.П. *Философия – Наука – Методология*. М., 1997.
19. Процессы и структуры в мышлении // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.
20. Система педагогических исследований // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.
21. Социологические проблемы и социология сегодня // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.
22. «Философия у нас есть» // Щедровицкий Г.П. *Философия – Наука – Методология*. М., 1997.
23. *Философия, методология, наука* // Щедровицкий Г.П. *Философия – Наука – Методология*. М., 1997.
24. *Человеческая деятельность и предметный мир* // Библиотека «Наследие ММК». CD ROM, 2001.

С.В. Соколовский

Принципы этнической категоризации населения во Всероссийской переписи 2002 г.

Принципы, положенные в основу советских переписей (а новых – российских – пока еще не было), были разработаны, в основном, еще в 1920-е гг., поэтому любое рассмотрение современных этнических категоризаций, используемых в государственной практике, неизбежно влечет за собой обращение к документам ранних советских переписей. С самого начала следует отметить, и это положение принципиально, поскольку влияет на весь комплекс проблем, связанных с рассмотрением советской национальной политики, что вопросы этнической категоризации населения страны оставались и продолжают оставаться прежде всего политическими вопросами, а то обстоятельство, что их решение было доверено ученым, преимущественно – этнографам, свидетельствует, скорее, о политизации науки в СССР и использовании ее авторитета в качестве политического ресурса, нежели о прокламируемом стремлении к обретению «объективной истины» и построению политики на научной основе.

Коль скоро успех политического использования науки, ее методов и подходов обеспечивается прежде всего *статусом истинности*, сообщаемым ее разнообразным продуктам (именно истинность выступает здесь как главный политический ресурс), ученые, выполняющие политический заказ, могли не выходить за рамки научного дискурса. Однако степень напряженности между «достоверными» и «как бы достоверными» репрезентациями реальности возростала прямо пропорционально степени «отклонения» социального заказа от положения вещей в реальном мире. Политически «неудобные» репрезентации отсеивались в ходе «естественного отбора», часто принимающего жесткие и жестокие формы искусственной селекции, а «удобные» – принимались на вооружение и применялись, если речь вести об этнических категоризациях, для проведения административных границ, манипулирования национальными элитами, установления групповых статусов и т.п.

Читателю может показаться неочевидной связь между организацией переписного учета и производством этнических репрезентаций («образов Других») в практике современного российского государства, однако эта связь неоспорима и многомерна. Наиболее тривиальное и очевидное ее «измерение» – в предоставлении оснований, своего рода условий существования для появления этнических стереотипов: не появившись в свое время в российском

колониальном дискурсе особая категория «чукчи» – не было бы и соответствующего стереотипизированного представления в массовом сознании, тиражируемого в анекдотах. Столь же очевиден этот *инструментальный и дифференцирующий характер* переписи в воспроизводстве всей системы различий, на которой строится оппозиция «Мы – Другие».

Еще одной, не менее очевидной чертой переписной категоризации, был *патернализм* ее производства. Сама «сакральность» научного дискурса и его выделенность из прочих, его привилегированное положение относительно такого важного для любого общества ресурса как истинность, пренятствовали демократизации процедур разработки списков национальностей и языков и другого инструментария, используемого в ходе переписи населения. Коррективы в эти списки вносились, по преимуществу, только учеными (зачастую под контролем идеологов и политиков, внутренних и внешних цензоров), а мнения самого переписываемого «населения» могло оказывать влияние и учитываться лишь при наличии политического лоббирования со стороны национальных элит, при этом нередко бывало, что корректировался не инструментарий переписи, а «общественное мнение». Если и существовала борьба между мнениями, то она происходила, в основном, между учеными и политиками (а не между учеными и населением), так как научный дискурс всегда отчетливо ориентирован на монополизацию истины, точнее, его отличительной чертой является монопольное притязание научного знания на истинность. Это обстоятельство заставляло политиков, с одной стороны, использовать науку как ресурс в политической борьбе, а с другой – конкурировать с учеными по поводу контроля над производством истины, объявляя «идеологически правильными» одни научные результаты и дискредитируя другие. Хорошо известно, как эта борьба происходила в СССР, где претензии «единственно верного учения» успешно конкурировали с претензиями научного дискурса на монополизацию истины. Если же вести речь о демографии, то ее связь с политическим контролем за производством знания всегда была особенно очевидной, недаром статистика народонаселения именовалась «политической арифметикой»¹. В результате даже идеологам стало очевидно, что «из теории и обществоведения ушли живая дискуссия и творческая мысль, а авторитарные

¹ Показателен пример переписи 1937 г., результаты которой не были приняты руководством страны якобы из-за того, что Центральное управление народохозяйственного учета, к руководству которым тогда пробрались враги народа, провело перепись с грубейшим нарушением утвержденных правительством инструкций» (Всесоюзная перепись населения 1939 г.: инструктивные материалы. – Челябинск, 1938. – стр. 32). Организаторы переписи были расстреляны.

оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию»².

Наконец, третий аспект советских переписей – из тех многочисленных характеристик, которые имеют непосредственное отношение к теме этой книги – это имплицитное ранжирование этнических категорий, не только пассивно отражающее, но и активно производящее ту структурную особенность советского федерализма, которую я называю здесь *режимами гражданства*. Этот последний аспект нашел наименьшее отражение в критических анализах советских переписей и уже только поэтому заслуживает особого внимания.

Известно, что переписи населения предшествует этап разработки ее инструментария, в который обязательно входят, помимо прочего, «Перечень национальностей для разработки материалов переписи населения», «Алфавитный словарь этнических наименований», «Алфавитный словарь языков» и «Систематический словарь национальностей». Как правило, его разработкой занимаются специалисты – ученые из институтов Академии Наук. Некоторые из них считали, что «группировка этнических и лингвистических наименований, проводимая в них, не только кладется в основу переписей населения, но в какой-то мере *предопределяет ее результаты* (курсив мой – С.С.)»³. Другие высказывались еще резче: «нет никакого сомнения в том, что в отличие от других пунктов программы переписи ее окончательные итоги, касающиеся этнического состава населения страны, целиком и полностью зависят от того, какой список народов положен в основу разработки данных переписи. Другими словами, ‘на выходе’ мы можем получить только тот результат, который был нам заранее известен и зафиксирован уже ‘на входе’»⁴.

История советских переписей и подготовительные материалы первой российской переписи, которая должна состояться осенью 2002 г.,

² Горбачев М.С. О перестройке и кадровой политике партии // Материалы пленума ЦК КПСС, 27-28.01.1987. – М., 1987. – стр. 8. Острота столкновения науки и власти, характерная для 1920-30 гг., хорошо известна, а ее последствия для конкретных дисциплин довольно подробно описаны в обширной литературе. Некоторые эпизоды этой борьбы в демографии представлены в сборнике работ «Советская демография за 70 лет» (М.: Наука, 1987). Однако, по существу, эта борьба никогда не прекращалась и продолжается и теперь, правда, в идеологически менее организованных формах. Ее парадоксальность состоит в том, что каждая «победа» идеологов в этой борьбе завершается кризисом легитимности научного знания.

³ Брук С.И., Козлов В.И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Советская этнография. – 1967, № 6. – стр. 13.

⁴ Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты Всесоюзных переписей населения // Советская этнография. – 1989, № 2. – стр. 9.

обнаруживают значительную преемственность методов нациестроительства, и в документах Комиссии по изучению племенного состава (КИПС) 1920-х гг. дебатировались многие из тех вопросов, с которыми столкнулись разработчики инструментария первой российской переписи XXI века. Эта преемственность обеспечивается, на мой взгляд, не столько сознательными усилиями демографов «получить сопоставимые данные», сколько общей для всех периодов советской и постсоветской истории моделью развития общества, которую условно можно назвать «догоняющей модернизацией». И хотя представления о том, что собой должна являть современная нация, со временем менялись, известное сходство целей, обусловленное рамками модернизационного проекта, порождало и близость обосновывающей логики и используемых методов нациестроительства. Переписные технологии играли в этом проекте не последнюю роль, поскольку процедуры классификации, типологизации и категоризации населения, используемые в переписях, не только опирались на методологию марксистского социального эволюционизма, известную как исторический материализм и предписывающую особые пути модернизации для народов и обществ различных типов, но и, в свою очередь, выступали как важное средство для разработки социальных технологий, призванных обеспечить скорое и одновременное достижение всеми народами СССР высшей стадии развития общества – коммунизма.

Поскольку результаты переписей используются при разработке государственных концепций экономического развития, демографической политики, национальной политики (включая языковую и культурную политику и политику в области образования), режимов иммиграции и эмиграции, постольку переписи остаются неотъемлемой частью аппарата любого современного государства, а их особенности и отражают и являются одним из механизмов производства и воспроизводства тех или иных режимов политического правления. Переписи, таким образом, отражают степень демократизации общества, а в случае полиэтничных государств – уровень толерантности доминирующего сообщества по отношению к представителям иных культур.

Стоит отметить, что практически любые модернизационные проекты с их задачами интеграции народов, культур и территорий в общенациональную экономику в условиях полиэтничных государств с высоким уровнем централизации управления являются одновременно проектами колонизаторскими и воспроизводят в разных дискурсивных формах и с широко варьирующейся риторикой имперскую идеологию. Россия в этом смысле мало отличается от Индонезии, Малайзии, или Индии за тем исключением,

что она никогда не являлась колонией другого государства, хотя общеевропейское разделение труда почти всегда складывалось не в ее пользу. В этой связи не удивительно, что и способы проведения переписей несли и продолжают нести на себе печать патернализма и автократии, характерные для имперского стиля управления. Я не хочу утверждать, что так называемые «экспертные решения» по различным аспектам проведения переписей были сконцентрированы исключительно на верхних этажах управленческой иерархии, но при всей используемой технологии консультаций, экспертиз, рецензирования и т.п., в которых использовались разнообразные бюрократические структуры, в том числе и научные, финальный продукт производился и продолжает производиться без учета мнения тех, кого непосредственно касаются переписные технологии. Процедура принятия решений остается 'полупрозрачной', то есть носит полузакрытый характер, что обусловлено, не в последнюю очередь, неясностью аргументации в пользу того, или иного решения, двойными стандартами в подходах к разным категориям населения и т.п. Часто даже аргументация специалистов носит столь наивный характер, что не убеждает их самих и заставляет их избегать дискуссий, которые сделали бы очевидной противоречивость их позиций.

Между тем, родство современных классификационных процедур и подходов, используемых в отечественных переписях, с идеологией и практикой колониализма неочевидно и проявляется лишь при их пристальном и обстоятельном рассмотрении. Возможность такого рассмотрения появлялась у меня дважды: первый раз в связи с участием в экспертной группе, созданной в рамках Совета по сохранению и развитию культур малых народов Советского фонда культуры для рассмотрения принципов и инструментария Всесоюзной переписи населения 1989 г.⁵; второй раз - в связи с разработкой инструментария Всероссийской переписи 2002 г. по заказу Госкомстата РФ. Поскольку вторая экспертная работа ближе нам по времени и касается именно российской, а не советской переписи, уместно подробнее рассмотреть именно ее процедуры и все те компромиссы, которые были предопределены инерцией бюрократических установлений, как за пределами науки, так и в ее институциональных рамках. Рассмотрим, однако, сначала ту последовательность событий, которая предшествовала

⁵ Материалы работы этой группы экспертов нашли отражение в обращении в Верховный Совет СССР (письмо на имя А.И.Лукиянова по поводу новых подходов к этническим и языковым аспектам переписи), в рекомендациях по уточнению Словарей национальностей и языков, а также в материалах дискуссий по проекту «Список народов СССР», опубликованных в сборнике статей «Этнокогнитология. Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации (редактор-составитель С.В.Соколовский; научный редактор Э.А.Чамокова). – М., 1994.

организации экспертной группы и во многом определила характер ее деятельности.

22 сентября 1999 года правительство Российской Федерации издало постановление № 1064 «О Всероссийской переписи населения 2002 года», в соответствии с которым принималось решение:

- 1) Провести с 9 по 16 октября 2002 г. Всероссийскую перепись населения по состоянию на 0 часов 9 октября 2002 г. путем опроса населения.
- 2) Возложить на Российское статистическое агентство организационное и методологическое руководство работами по подготовке, проведению, обработке и публикации (распространению) результатов Всероссийской переписи населения 2002 года...»

Согласно графику финансирования было запланировано выделить из средств федерального бюджета на цели подготовки и обработки материалов проведения Всероссийской переписи населения 2002 года, а также публикации её итогов 172 млн. рублей, в том числе на проведение пробной переписи населения 2000 года - 1498,5 тыс. рублей.

В соответствии с этим постановлением приказом Росстата от 11.11.99 г. № 156 ответственность за выполнение работ по Всероссийской переписи населения 2002 года в части «разработки программно-методологических и организационных положений, программ переписи населения, получения её итогов и распространения (публикации) результатов, формирования проектов переписного инструментария, а также координации всех переписных работ и контроля за их исполнением» была возложена на начальника Управления статистики населения (УСН). При этом, согласно Плану мероприятий на 1999-2000 гг. по подготовке и проведению переписи населения 2002 года, уже в марте 2000 г. должна была осуществиться «разработка перечня национальностей, народностей и этнических групп для получения итогов пробной переписи населения», а в «I кв. 2000 г» – «подготовка словарей национальностей и языков, занятий, отраслей экономики и видов производств, образовательных учреждений». Столь жесткие сроки были обусловлены тем же сентябрьским постановлением правительства, тогдашний Председатель которого В.В. Путин «в целях отработки организационных и методологических вопросов» распорядился «провести с 11 по 18 октября 2000 г. пробную перепись населения в районе Преображенское Восточного административного округа г.Москвы, части Красногорского района Московской области и части Фрунзенского района г. Владивостока (Приморский край) с общим охватом ориентировочно 100 тыс. человек».

Таким образом, в соответствии с графиком подготовки переписи, проект Перечня национальностей уже существовал в декабре 1999 г.,

поскольку именно к этому сроку была завершена «разработка основных методологических и организационных положений пробной переписи населения 2000 г. и обработки ее материалов» (ст. 1 Плана мероприятий на 1999-2000 гг.). Судя по этому же плану (ст. 17), уже в ноябре 1999 г. существовал «проект программы переписи населения», а в феврале, то есть *ко времени поступления письма* Генерального директора Росстата в Институт этнологии и антропологии РАН с просьбой об экспертизе этого проекта, «разработка проекта технологического процесса обработки материалов переписи населения и получения итогов, определение конфигурации средств вычислительной техники и программных продуктов» (ст. 35) уже развернулась в полную силу.

Все названные материалы готовились без участия ученых, хотя прежде они неизменно были основными разработчиками этнологической части переписей. В представленном им для рассмотрения проекте Перечня обнаружилось почти четыре десятка ошибок, подчас довольно грубых, и ученый совет Института этнологии и антропологии РАН, посвятивший одно из своих заседаний в марте 2000 г. рассмотрению этого проекта, забраковал его целиком. В числе наиболее типичных были ошибки с отнесением народов к двум основным группам Перечня - «проживающие преимущественно в РФ» и «проживающие преимущественно в других странах» (часть народов была по недоразумению записана в «иностранцы»; у другой части народов их относительная численность в границах отечества была явно переоценена и, как следствие, они попали в первую группу). Были и курьезы, когда разные наименования одного и того же народа фигурировали в качестве самостоятельных народов и получили разные кодировки. Множество ошибок содержалось в графе «Название родного языка».

В сложившейся ситуации, учитывая сроки, предусмотренные программой подготовки переписи, внесение изменений принципиального характера представлялось затруднительным, поскольку с избранной методологией тесно связаны заложенные методики и технологии обработки, разработана и утверждена форма переписных листов для пробной переписи октября 2000 г., которая будет служить основой переписи 2002 г. и т.д.

Что в данном случае требовалось от академической науки? Всего лишь символическая легитимация произведенного чиновниками «продукта». Ученые неоднократно, еще до проведения переписи 1989 г., высказывались в пользу *открытого списка народов*. Эта идея в 1987-89 гг. обстоятельно обсуждалась группой экспертов Совета по малым народам

при Советском фонде культуры. Материалы дискуссий доводились до сведения чиновников Госкомстата и были впоследствии опубликованы ⁶.

Нужно заметить, что этим дискуссиям сопутствовал широкий экспертный опрос, охвативший специалистов (главным образом, историков, этнологов и лингвистов) из многих бывших советских республик.

Во введении к сборнику, основная часть которого была написана тогда же, в 1988 г., когда опрос еще не был завершен, в качестве вероятного его исхода прогнозировалось, что «анализ практики этнических классификаций, как научных (этнографических, лингвистических, социологических и т.д.), так и практических (демографических, политических и др.) обнаружит их теоретическую несостоятельность и несоответствие нормам демократического общества, что заставит деконструировать задачу разработки списка, сформулировать претензии к концептуальным моделям, использованным в имеющихся списках (инструментарий проведенных в стране переписей населения), построить адекватную концептуальную модель этнической реальности» ⁷. В уже цитированной статье М.В.Крюкова отмечалось, что «последовательное осуществление принципа самоопределения этнической принадлежности при заполнении опросных бланков полностью сводится на нет процедурой обработки полученных данных, в основу которой кладется заранее составленный список народов» ⁸.

Здесь, в который уже раз, уместно задаться вопросом, каковы же цели предстоящей переписи? Разве одной из ее целей не является получение наиболее близкой к реальности картины этнического и языкового населения страны, без которой невозможно осуществление адекватной языковой и национальной политики? Раз за разом при проведении переписей систематически игнорируются реально бытующие формы этнического и языкового самосознания людей. Понятно, что принцип открытого списка требует радикального изменения всей методологии сбора данных и обработки результатов переписи, однако такого рода изменения необходимы и давно назрели.

При использовании открытого списка наибольшую трудность представляет кодировка потенциального разнообразия ответов на вопрос о национальности. Но не следует забывать, что средства и методы обработки за минувшие с момента проведения последней переписи 10-12 лет пережили настоящую революцию в связи с распространением компьютеров

⁶ Этнокогнитология: Подходы к изучению этнической идентификации – М., 1994.

⁷ Там же, стр. 5.

⁸ Крюков М.В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // СЭ. – 1989. № 2. – стр. 30.

новых поколений и их резко возросшей производительностью. В Госкомстате, судя по протоколу заседания его Переписной комиссии от 10.03.00 № 4 (помещенному на web-страницу этой организации), к тому времени уже был рассмотрен вопрос о возможностях использования СУБД ORACLE и ЭВМ S/390 при пробной переписи населения 2000 г. Это позволяет использовать многозначные цифровые коды для кодировки наименований языков и народов, что, в свою очередь, создает возможности для использования открытого (то есть не запланированного заранее) списка кодов (например, с помощью кодирования наименований по алфавитным номерам нескольких первых букв, входящих в название языка или национальности и т.п.).

Следование принципу так называемого *открытого списка* и внедрение соответствующих этому новому подходу технологий обработки результатов переписи явилось бы радикальным шагом к либерализации переписи и полному обеспечению права на идентификацию. Однако инерция традиции, которая имеет разные измерения – интеллектуальное, технологическое и бюрократическое – не позволили реализовать этот принцип уже в переписи 2002 г. В результате мы получаем компромиссный продукт, в котором стремление к максимально полному и объективному учету языковых и национальных идентификаций населения ограничивается возможностями реализации принципов такого учета, обусловленными морально устаревшей технологией обработки результатов.

Большинство ограничений, которые сообщают конечному продукту будущей переписи в части национальной и языковой принадлежности населения проблематичный характер, несмотря на усилия экспертов ослабить эти ограничения, связаны с сохраняющимися особенностями обработки итогов переписи, и той главной ее особенностью, которую я условно обозначаю как *двухступенчатую процедуру учета этнической принадлежности* опрашиваемых. Речь идет о том, что в ходе обработки результатов переписи зафиксированные в бланках ответы на вопросы о национальной принадлежности и родном языке затем подвергаются кодировке и сводятся к заранее заданному перечню. При таких процедурах, сколько бы не стремились ученые максимально либерализовать перечни национальностей и языков, значительная часть опрошенных оказывается учтенной не под теми самоназваниями, которые они использовали в ходе опроса, но в составе особых *категорий учета*, получивших официальный статус *национальностей*.

Существует и ряд возражений юридического и теоретического характера, касающихся принципов организации и подходов, заложенных при разработке инструментария переписи. Первое замечание адресуется юристам и касается обеспокоенности судьбой переписи, уже прозвучавшей в

публичных заявлениях главы Росстата В.Л.Соколина. В соответствии со статьей 26(1) Конституции РФ, принятой в 1993 г., то есть после проведения последней переписи 1989 г., «никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности». Эта же норма содержится и в конституциях многих субъектов Федерации. Не получится ли так, что в ряде конфликтных регионов, где обнаруживать перед местными властями свою идентификацию с той или иной этнической категорией оказывается невыгодным или опасным, граждане предпочтут не отвечать на «национальный вопрос»? Правда, для таких Перечнем предусмотрена графа с кодом 300 («национальность не указана»), но не окажутся ли затраты на получение информации такого рода чрезмерными?

Существенно устаревшими представляются и усвоенные чиновниками основы советской теории этноса. Обсуждение этой темы завело бы нас слишком далеко, поэтому я ограничусь краткой констатацией собственной позиции. С моей точки зрения, этничность всегда политизирована и не существует вне сферы политического. Политизация культурно-языковых различий (в отличие от политизации различий конфессиональных, сословных и локальных) произошла в истории человечества сравнительно недавно, в Новое время, и отнюдь не одновременно не только в разных странах, но и в рамках нашей собственной державы, поэтому рассуждать о древности народов, «этногенезах» и тому подобных вещах, значит проецировать формы современного сознания в чуждые для них исторические пределы, чему, вроде бы, должен препятствовать профессионализм историков и антропологов с их чувствительностью к специфике иных исторических контекстов и культурных миров. «Этногенез», таким образом, по содержанию не может не совпадать с политизацией языково-культурных различий и именно в силу этого «этническая история» пишется как история политическая.

Что касается бытовых представлений о формах существования этнического (а обыденное сознание ничем не «отгорожено» от сознания профессионального), то здесь действует известный социологический принцип – любые, даже самые экзотические представления, сколько бы иррациональными и необоснованными они не были – реальны в своих последствиях. Устойчивость «онтологических представлений» об этническом в нашей стране, как и в некоторых европейских странах, сохранивших идеологическую преемственность с упражнениями немецкого неоромантизма в духе Гердера на темы *Blut und Boden*, поддерживается глубокой институализацией этих представлений. В результате мы имеем дело с *особой институциональной средой*, в которой этносы-народы мыслятся как существующие с изначальных времен, обладающие исторической родиной («почвой»)

и единством («кровью»). Эти представления поддерживаются всей мощью государственных институтов (национальное устройство федерации, особые статусы и режимы гражданства для национальных меньшинств и коренных народов, разветвленное законодательство в сфере национальной политики, устоявшиеся формы политического и научного дискурсов, наконец, переписи как один из важных инструментов «овеществления» этнических представлений). Коль скоро институциональная среда является частью социологической реальности, описания современного существования наших обществ с позиций примордиалистских теорий этничности оказываются парадоксальным образом адекватными этой реальности. Однако их адекватность ограничивается двумя моментами – местом (Границы институциональной среды, поддерживающей этот тип представлений, в данном случае, СНГ, страны Балтии, и, быть может, Финляндия и ЮАР) и временем – эпохой модерна. Лишь универсалистские притязания «онтологизаторов» этнического, а не примордиализм сам по себе, перемещают последователей этого подхода из сферы корректного, хотя и ограниченного социологического описания в сферу идеологии, при этом метод превращается в символ веры. Именно примордиалистские трактовки этничности позволяют воспроизводить и в грядущей переписи такие иерархические градации как *этносы*, *субэтносы* и *этнографические группы* (ряд таких *групп* и *субэтносов* по-прежнему перечисляется в составе более крупных категорий, как, например, тептяри – в составе татар и башкир, мишари, алабугатские и юртовские татары – в составе татар и т.п.)⁹.

Некоторые группировки переписных категорий вообще восходят к периоду 1920–30-х гг. и воспроизводят идеологические штампы той эпохи, во многом сохраняющие свою значимость и сегодня. Известно, что

⁹ В ходе работы над Перечнем национальностей и другими документами, подготавливаемыми к переписи, я всеми доступными мне средствами пытался устранить из инструментария переписи принцип этностатусной классификации населения, в соответствии с которым советские иерархические классификации этнических сообществ, восходящие еще к сталинской триаде «племя – народность – нация» (которые в хронологически более поздний период были заменены на иерархию «этнос – субэтнос – этническая группа»), использовались для категоризации переписных *категорий учета*. Не скрою, что перечисление, равноправными членами которого выступают *национальности*, с одной стороны, и *этнические группы*, с другой, представляется мне не менее забавным, чем знаменитое борхесовское перечисление животных придуманной им китайской классификации. Но если дискуссии с коллегами по комитету в ИЭА РАН позволили мне убедить их и убрать из заглавий словарей *этнические группы*, то в дискуссиях с чиновниками Госкомстата было чрезвычайно трудно объяснить, что элементами перечня являются не народы и их подразделения, но наименования статистических категорий учета по этническому принципу. Состав некоторых из этих категорий многократно менялся даже в ходе разработки инструментария, занявшей в целом почти год.

в постсоветской историографии, как западной, так и отечественной, не сложилось единого мнения о характере советского колониализма. Я полагаю, что поздний характер этого колониализма (все-таки его установление происходило на несколько десятилетий позднее колониального расцвета империй Запада) позволил ему заимствовать *риторику модернизации*, свойственную именно позднему империализму и постколониализму. Свидетельства этого можно обнаружить и в материалах переписей. Так, например, в подготовительных материалах к переписи 1939 г. содержались такие установки:

«В сопоставлении с другими вопросами переписного листа (о грамотности, о занятиях и т.д.), перепись даст нам картину возрождения и блестящего расцвета национальностей, населяющих наш великий Советский Союз, как результат осуществления ленинско-сталинской национальной политики, выраженной в Сталинской Конституции»¹⁰. Для достижения «картины расцвета», помимо дикой эксплуатации населения и чрезвычайного распространения бесплатного принудительного труда в сталинских лагерях, использовались все доступные средства пропаганды и известные техники репрезентации. В частности, новые классификации народов и территорий таким образом переименовывали экономико-географическую, геополитическую и этнографическую карту страны, чтобы новые категории выглядели «по-советски» и «современно». Преодоление «отсталости» в рамках переписных технологий достигалось за счет *укрупнения* классификационных категорий: небольшие группы искусственно включались в более крупные «нации», поскольку, во-первых, предполагалось, что это ускорит их интеграцию в централизованную экономику, а, во-вторых, создавало иллюзию, пусть иногда лишь на бумаге, «сближения и расцвета» наций¹¹.

Известно, что по данным переписи 1926 г. на территории страны (без Западной Украины и Прибалтики) проживало 190 народов (разработка материалов была осуществлена для 178; сведения о 12 народах по причине их малочисленности не приводились¹²). В материалах переписи 1939 г. упоминались уже только лишь 62 народа (а всего учтено было - 99)¹³, и даже если учесть, что первая послесталинская перепись 1959 г. должна была

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: инструктивные материалы. – Челябинск, 1938. – стр. 32

¹¹ За рамками рассмотрения остаются манипуляции с численностью населения страны в целом и отдельных этнических категорий, которые в той или иной степени использовались во всех советских переписях, но с особым размахом и цинизмом – именно в переписи 1939 г.

¹² В их числе жмудь (35 чел. – причислены к литовцам), убыхи (9 чел. – учтены как черкесы); барабинцы (39 чел.) и кизильцы (22 чел.) отнесены к татарам; хазара (12 чел.) и крызы (5 чел.) – к джекам; ваханцы (6 чел.) – к таджикам.

¹³ В переписи 1937 г. было учтено 168 народов и более 900 этнонимов.

бы показать более объективную и свободную от идеологического диктата картину, то все равно число категорий учета в ней едва превышало сотню (109 народов). Исчезновение 69 народов за 33 года – с 1926 по 1959 г. объяснялось процессами внутри- и межэтнической консолидации, естественной ассимиляции, а также исправлением ошибок учета, вследствие которых «субэтнические группы» учитывались как «самостоятельные этносы». Манипуляции списками народов, используемыми для этнической категоризации населения в ходе переписей, неоднократно выдавались за успехи социалистического строительства. «При социализме процессы межэтнической интеграции усиливаются благодаря углублению экономических и культурных связей, отсутствия национальных и классовых антагонизмов»¹⁴.

Присущая авторам эссенциалистских теорий этноса склонность к объективации статистических категорий переписи приводила даже известных теоретиков к выводам, в которых конструктивистская природа переписных категорий предавалась забвению. Тот же Ю.В.Бромлей, один из авторов известной и получившей официальное признание теории этноса, сравнивая число народов, зафиксированных в переписях 1926, 1959 и 1979 гг., приходит к выводу, что если для периода 1926-59 гг. была характерна тенденция к уменьшению мозаичности населения страны, то в настоящее время «пора наибольшей активности межнациональных и внутринациональных консолидационных процессов уже миновала»¹⁵.

Очевидно, что выделение в переписи 2002 г. более 150 основных наименований национальностей (в первых вариантах *Перечня национальностей* их было более 200) должно по такой логике привести к констатации нового всплеска этнической дифференциации в стране. Между тем, коль скоро списки «национальностей» составляются людьми, и составляются ими отнюдь не в башнях из слоеной кости, а в условиях политического давления, компромиссов, инерции собственного мышления, увлеченного стереотипами прошлого, то *конструктивная природа классификационных категорий списка* становится совершенно очевидной. Однако инерция реифицирующего мышления столь велика, что даже эту очевидность приходится доказывать. Попробую проиллюстрировать это положение конкретными материалами и впечатлениями, полученными мной в ходе разработки инструментария переписи 2002 г.

В марте 2000 г. на уже упомянутом ученом совете Института этнологии и антропологии (ИЭА РАН) была создана комиссия для подготовки

¹⁴ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981. – стр. 69.

¹⁵ Там же, стр. 330-331.

замечаний по присланному руководством Госкомстата на отзыв перечню национальностей. В нее вошли, помимо директора института В.А. Тишкова, такие известные ученые как религиовед и демограф П.И. Пучков и северо-вед З.П. Соколова. Поскольку приблизительно с 1987 г. я активно интересовался проблемами этничности и этнического самосознания, а в ходе дискуссий по переписи 1989 г. принимал участие в экспертном опросе и редактировал сборник работ, суммирующий некоторые итоги этих дискуссий, то я также был включен в эту комиссию. В дальнейшем именно эта комиссия, заключив на конкурсной основе договор с Госкомстатом о подготовке словарей национальностей и языков, с июля 2000 г. стала заниматься разработкой соответствующего инструментария.

Разработанный учеными ИЭА РАН новый и расширенный, по сравнению с переписью 1989 г., список национальностей был построен на основе принципа либерализации переписного инструментария и методик учета населения, а также методологических принципах, учитывающих особенности современных этнических процессов, потребностей управления в сфере национальной политики и образования, необходимость устранения ряда недостатков прежних переписей населения и преодоление устаревших подходов, на которых они основывались. Первостепенной целью вводимых изменений было обеспечение права граждан на самостоятельный выбор этнической и языковой идентификации и минимизация помех идеологического, политического и бюрократического характера в реализации этого права. В результате был получен список из 152 категорий (и около двух десятков субкатегорий), что, с моей точки зрения, одновременно является шагом вперед в обеспечении права граждан на этническую идентификацию и определенным *компромиссом* между сложившимися в стране традициями учета населения и полным обеспечением этого права¹⁶. В каком же отношении он стал компромиссом и не вполне воплотил принятые для его разработки принципы?

Рассмотрение этого вопроса возвращает нас к необходимости еще раз рассмотреть историю советских переписей, вне контекста которой трудно решить проблему, как возникла практика учета, в которой ответы населения на прямой вопрос о национальной принадлежности затем особым образом упорядочиваются, и все их многообразие сводится к заранее заданному перечню.

¹⁶ Список является частью переписного инструментария, который, если говорить об этнической категоризации населения, включает также алфавитные словари этнических наименований и языков и систематический словарь национальностей.

Любое рассмотрение современных этнических категоризаций, используемых в государственной практике, как уже утверждалось выше, неизбежно влечет за собой обращение к документам ранних советских переписей, поскольку принципы, положенные в их основу были, в основном, разработаны еще в 1920-е гг. и непосредственно предшествовавший им период, связанный с деятельностью Императорского Российского Географического Общества (ИРГО) и затем Комиссии Российской Академии наук по изучению племенного состава населения России (КИПС).

Стоит напомнить, что пересмотр принципов учета населения, принятых в переписном инструментарии дореволюционной России, главным образом в переписи 1897 г., был вызван, желанием нового правительства полнее учесть «национальный фактор», с одной стороны, и с критикой сложившихся к тому времени подходов этнографами, с другой. В отечественной историографии есть немало работ, посвященных истории переписей, однако до сих пор нет монографических исследований, которые были бы сфокусированы на истории этнических классификаций и категоризации населения по этническому принципу в переписях. Такая работа, однако, в значительной степени проделана нашими зарубежными коллегами¹⁷, которые обращают наше внимание на первые десятилетия XX века как на особый период, сыгравший решающую роль в складывании особенностей современных этнических категоризаций в нашей стране.

Наиболее важную роль в формировании двухступенчатой процедуры учета этнической принадлежности (фиксация ответов в ходе переписи и последующая их перекодировка и сведение к заранее заданному перечню) сыграла возникшая еще при Временном правительстве Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС)¹⁸, в которую вошли

¹⁷ См., например, диссертационные исследования: *Hirsch F. Empire of Nations: Colonial Technologies and the Making of the Soviet Union: Ph.D. Diss.* – Princeton University, 1998; *Knight N. Constructing the Science of Nationality: Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia: Ph.D. Diss.* – Columbia University, 1994; *Slezkine Yu. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North.* – Ithaca, 1994 etc. См. также статьи: *Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category of Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // Slavic Review.* – 1997. – Vol.56, №2. – pp. 251-278; *Cadiot J. Organiser la diversité: la fixation des catégories nationales dans l'Empire de Russie et en URSS (1897-1939) // Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest.* – 2000, № 3; *Ibid.* Qu'est-ce que la nationalité? // in H. Le Bras (ed.). *L'Invention des populations.* – Paris: Odile Jacob, 2000. – pp. 107-124; *Ibid.* Les relations entre le centre et les régions en URSS a travers les débats sur les nationalités dans le recensement de 1926 // *Cahiers du Monde Russe.* – Octobre – Decembre 1997. – Vol. 38, No. 4. – pp. 601-616.

¹⁸ См.: Об учреждении Комиссии по изучению племенного состава населения России // Известия Комиссии по изучению племенного состава населения России. – Петроград, 1917.

многие члены Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России ИРГО¹⁹. Между 1909 и 1915 гг. в Постоянной Комиссии ИРГО была собрана информация о языках, одежде, жилище и быте народов империи и подготовлены проекты этнографических карт²⁰. В феврале 1917 г., за несколько недель до февральской революции, петербургские этнографы, озабоченные тем, что немцы организовали изучение этнографического состава ряда западных территорий (Литвы, Галиции, Буковины, Бессарабии и др.), обратились в правительство с предложением изучить племенной состав приграничных территорий европейской и азиатской России. Аналогичное обращение во Временное правительство в марте 1917 г., в котором подчеркивалась стратегическая и экономическая ценность этнографической информации, привело к тому, что к середине 1917 г. правительство одобрило бюджет для создания КИПС при Российской Академии Наук. Однако этнокартографическая работа членов КИПС была осложнена разногласиями относительно объективных критериев племенной и национальной идентичности. С.Ф.Ольденбург, председатель Комиссии, рекомендовал придерживаться языка и религии как основных показателей национальной принадлежности, информация о которых была доступна благодаря переписи 1897 г.²¹ Другие этнографы считали, что язык является ненадежным показателем этнографического типа и предлагали взять в качестве определяющих другие показатели. Необходимо отметить, что представления об этнической идентичности в то время были довольно расплывчатыми, и в традициях большинства ученых, составлявших комиссию ИРГО было принято ставить знак равенства между национальной принадлежностью, с одной стороны, и языковой и религиозной принадлежностью – с другой. Различия в специализациях (в комиссию, помимо этнографов, входили лингвисты, географы, антропологи) не позволили выработать общего подхода к определению национальности вплоть до переписи 1926 г.

В 1919 г. на основе языковых данных («национальности, определяемой по языку») была произведена делимитация границ между Украиной, Белоруссией и РСФСР. Однако, как оказалось, на востоке и юге страны язык переставал выглядеть как надежный показатель национальной

¹⁹ В комиссию входили такие выдающиеся ученые как В.В.Бартольд, Ф.К.Волков, Д.К.Зеленин, Д.А.Золотарев, Н.Я.Марр, А.А.Миллер, С.Ф.Ольденбург, С.И.Руденко, А.Д.Руднев, А.Н.Самойлович, А.А.Шахматов, Л.Я.Штернберг и Л.В.Щерба; иными словами, она, помимо этнографов, включала лингвистов, специалистов по физической антропологии и востоковедов.

²⁰ Патканов С.К. Проект составления племенной карты России // Живая старина. 1924. Т. 24, № 3. – стр. 217-244.

²¹ Петербургский филиал архива РАН, ф. 2, оп. I-1917, д. 30, лл. 40-42 (Цит. по: Hirsch F. Empire of Nations, p. 28).

принадлежности, и известный этнограф В.В. Богданов, член правительственной комиссии по делимитации границ 1919 г., даже сомневался в том, что язык в качестве показателя национальности может использоваться за пределами европейской России.

Принцип национального самоопределения, принятый на вооружение новой властью, однако требовал выработки более строгих и стандартизованных критериев определения национальной принадлежности. В том же 1919 г. КИПС информировала Наркомнац о своей картографической работе. Чиновники Наркомнаца, работавшие совместно с ВЦИК над определением этнических границ в европейской России, запросили карты Украины и России и материалы по этническому составу Урала²². В своей работе с этими организациями и Госпланом, этнографы столкнулись с необходимостью проведения новых полевых исследований, поскольку данные переписи 1897 г. были признаны неполными и, отчасти, неверными. Уже к 1920 г. родной язык перестал рассматриваться членами КИПС как основной показатель народности, и этот подход был заменен довольно сложной методикой определения национальной принадлежности населения, включившей вопросы об официальных и неофициальных наименованиях групп населения, родовых и территориальных подразделениях в рамках отдельных народностей и т.п.

Столь же детальные сведения собирались о языке и вероисповедании, причем выяснились отношения и связи между 'национальным самоопределением' и вероисповеданием. Все эти исследования, и дискуссии о принципах национального районирования и регионализации, позволили выработать новый подход, положенный в основу переписи 1926 г. и использованный затем во всех советских переписях. Главной чертой этого подхода, как уже упоминалось, стала двухступенчатая процедура определения национальной принадлежности.

В 1923 г. правительство объявило о намерении провести в 1925 г. первую Всесоюзную перепись населения. В марте 1923 г. несколько этнографов – членов петроградского отделения КИПС – встретились с чиновниками Наркомнаца и предложили более тесное взаимодействие. С.И. Руденко в своем докладе обратил особое внимание на то обстоятельство, что многие неточности и ошибки переписи 1897 г. были сделаны вследствие того, что перепись не содержала вопроса о национальности. КИПС было поручено провести опрос населения различных республик и областей с

²² Петербургский филиал архива РАН, ф. 2, оп. I-1917, д. 30, лл. 188 (Цит. по: *Hirsch F. Empire of Nations*, p. 36).

целью выяснения как население понимает 'национальность' и выработки ее определения.

Формулирование вопросов и инструкций для будущей переписи заняло несколько лет и сопровождалось острой дискуссией между представителями различных подходов к пониманию национальности. В период 1924-26 гг. в КИПС были разработаны инструкции по регистрации национальности и составлен Список национальностей СССР. В.П.Семенов-Тянь-Шанский, руководитель подкомиссии по переписи, подготовил список из пяти вопросов, который должен был помочь переписчикам определить национальность опрашиваемых. Согласно его предложению переписчики должны были узнать национальную принадлежность родителей опрашиваемого, вероисповедание, в «котором он родился», принадлежность его к тому или иному вероисповеданию на время опроса, его разговорный язык в детстве, а также язык, которым он пользуется сегодня дома, наконец, его владение русским языком. Петроградский статистик А.А.Достоевский ратовал за более прямой вопрос «В какую национальность вы себя включаете?»²³

Однако многие этнографы сомневались, что вопрос в такой формулировке будет понят населением.

Предыдущая работа КИПС и, в особенности, полевые материалы исследований по вопросу национальности, выявили, что далеко не во всех регионах население понимает термины национальность и народность, а в ряде случаев вообще эти термины не имеют аналогов на родных языках некоторых групп. С другой стороны, имеющиеся в наличии разнообразные списки «объективных критериев» национальной принадлежности сами являлись предметом дискуссий. Помимо этого, полевой опыт некоторых этнографов позволял им заявлять, что не все ответы на вопрос о национальной принадлежности могут считаться «правильными». Так, например, известный исследователь Средней Азии И.И.Зарубин рекомендовал, например, при ответе «сарт» у носителей узбекского языка записывать «узбек». Именно эти и подобные сомнения и привели к компромиссной идее *двухступенчатой регистрации национальной принадлежности*. Более того, признавая разнообразие ситуаций, руководство ЦСУ посчитало целесообразным сопровождение анкеты разными пакетами вспомогательных материалов для различных территорий.

Сомнения в том, что население, в силу его неграмотности и отсталости, окажется способным дать «правильные» и «приемлемые» ответы

²³ Петербургский филиал архива РАН, ф. 135, оп. 1, д. 11, л. 117 (Цит. по: *Hirsch F. Empire of Nations*, p. 86).

привело к дифференциации самого вопроса о национальной принадлежности (на Украине его задавали в форме «национальность/народность»; в Закавказье вопрос о народности сопровождался устным комментарием переписчика с вопросами о национальности, племени, роде и т.п.) и узаконило тот подход, который преобладает сегодня, когда вопрос о национальной принадлежности дополняется процедурой группировки полученных ответов по заранее разработанным категориям учета на следующем этапе обработки переписи и в ходе подсчета ее результатов.

Серьезные сомнения в демократичности этой процедуры и научной и практически ценности данных, получаемых в результате ее применения, возникли не сегодня²⁴. Двухступенчатая процедура регистрации национальной принадлежности (несмотря на усилия экспертов найти в ходе подготовки списков национальностей и языков оптимальные решения ряду проблем научного, правового и политического характера) не может не нарушать право человека на выбор и определение собственной национальной принадлежности. Альтернативой этому подходу, как уже упоминалось выше, выступает принцип открытого списка, который отвергается Госкомстатом по причине технических сложностей обработки ожидаемого разнообразия ответов на вопросы о языковой и национальной принадлежности. С моей точки зрения, эти трудности не носят непреодолимого характера, в то время как старая процедура создает весьма серьезные политические, правовые и научные проблемы, однозначных решений которых вообще не предвидится.

В качестве отдельного примера можно взять одну из самых спорных категорий переписи – «татар». Хорошо известно, что в России татарами именовали весьма разные и довольно часто не связанные по своему происхождению группы населения в самых различных регионах страны. Семантическое ядро этой мозаичной категории состояло из двух компонентов – тюркоязычности (преимущественно кыпчакские диалекты) и исламского вероисповедания (по преимуществу, принадлежности к суннитам). Однако исключений было довольно много. Часть таких «татарских» групп в Сибири, как, например, кузнецкие (абинские, кондомские и мрасские), черневые, мелецкие (мелесские), или чулымские татары, хотя и были тюркоязычными, но не были мусульманами, в то время как, например, агрыжанские татары (известные также как одна из групп «татар трех дворов»), слившиеся позднее с юртовскими татарами, были по вероисповеданию индуистами, выходцами из Пакистана²⁵,

²⁴ См. примечание 5.

²⁵ *Небольсин П.И.* Очерки Волжского края // Журнал Министерства внутренних дел. – 1852, часть 38. – стр. 389; *Исхаков Д.М.* Татарская этническая общность. Астраханские татары // Татары. – М.: Наука, 2001. – стр.23.

а гилянские татары, также слившиеся позднее с юртовцами, были по происхождению татами-христианами. Часть народов, именовавшихся в прошлом татарами (т.н. закавказские, или азербайджанские татары, горские, или пятигорские татары, «атарские» группы Южной Сибири), обрели в советских переписях самостоятельный статус и стали фигурировать под другими наименованиями (азербайджанцы, балкарцы и карачаевцы, шорцы, алтайцы, хакасы и чулымцы). Судьба других менялась от переписи к переписи.

На рубеже XIX – XX веков, и особенно в 1920-е гг. наименование «татары» стало активно использоваться некоторыми представителями национальной элиты Урало-Поволжья в качестве инструмента консолидации не имевшего общего национального самосознания населения этого обширного региона. В зависимости от политических симпатий и от того, какой из проектов консолидации представлялся предпочтительным для тех или иных представителей национальной буржуазии, духовенства и т.д., в качестве родового термина предлагались «мусульмане» (именно он был наиболее распространенным самоназванием у тюркоязычного населения региона), «тюрки», «тюрко-татары» и «татары». Как известно, победил термин «татары». Его выбор обуславливался особенностями мобилизации определенной версии национальной истории, необходимой для строительства татарской политической нации, в частности, ранними эпизодами борьбы за болгарское наследие, развернувшейся в полную силу лишь к концу XX века, а в его начале связанной с желанием сохранить позиции ислама в Поволжье.

Термин «татары», как это продемонстрировал в своих публикациях Роберт Джераси²⁶, позволял идеологу объединения татарской нации Ш.Марджани успешно включить болгарский период в историю татар, в то время как христианские миссионеры в Казани во главе с Н.Ильминским уже в то время разрабатывали болгарскую версию этногенеза чувашей с целью обоснования их исключения из круга исламизированных народов. Протягивая историческую связь преемственности от современного ему периода через Золотую Орду к волжским булгарам, Марджани успешно защищал и позиции ислама в регионе и часть культурного наследия тюркоязычных мусульман.

Утверждение этнонима «татары» в качестве официального, по всей видимости, сыграло важную роль в консолидации волго-уральских татар.

²⁶ См., например, *Geraci R.P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia, 1999* by Cornell University Press; *Ibid. The Il'minskii System and the Controversy over Non-Russian Teachers and Priests in the Middle Volga // Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire.* (eds. C. Evtukov, B. Gasparov, A. Osporat and M. Von Hagen). – Moscow: ITs-Garland Press, 1997 etc.

В середине 1920-х гг. многие группы еще числились как самостоятельные; впоследствии мишари, нагайбаки, тептяри, а также барабинцы, бухарцы и другие группы сибирских татар были включены в единую переписную категорию «татары». Однако есть сомнения, что усилия идеологов консолидации «татарской нации» и «укрупнителей» классификационной сетки этнических категорий из центральных органов статистики и академических институтов завершились окончательным успехом. Объединение названных групп, как оказалось, не свидетельствовало о реальных процессах консолидации, поскольку сегодня представители большинства из этих групп сохраняют самостоятельность, выражающуюся в осознании своих отличий от прочих тюркоязычных сообществ, официально именуемых татарами.

Возвращаясь к ситуации 1920-х гг. следует отметить, что, с другой стороны, многие группы, именовавшиеся татарами прежде, впоследствии обрели самостоятельный статус, либо были включены в число других групп. Среди них - черневые татары (кумандинцы, тубалары, челканцы) и все группы так называемых минусинских татар, отнесенные впоследствии к хакасам (кизыльцы, камасинцы, качинцы, саган, койбалы и бельтиры), которые в переписи 1926 г. были перечислены как самостоятельные категории учета. Кроме того, в переписи 1926 г. в качестве «других наименований» татар были названы «абинцы, агржанцы, ахатлели, борчалоели, крымцы, чулымцы». Стоит отметить, что сегодня ни одна из этих групп не включается в переписную категорию «татары». Крымские татары (указанные выше как «крымцы») в переписи 1989 г. стали самостоятельной категорией учета. Абинцы еще раньше были учтены в составе шорцев. Ахатлели и борчалоели исчезли как альтернативные наименования грузинских азербайджанцев после переписи 1937 г. Часть чулымцев по переписи 1989 г. вошла в состав татар, а другая – хакасов; по всей вероятности в будущей переписи 2002 г. они будут учтены как самостоятельная категория, поскольку они были включены в перечень так называемых «малочисленных коренных народов», получивших особый правовой статус по федеральному закону, вступившему в силу в апреле 1999 г.

В переписи 1937 г. большинство групп сибирских татар уже утратили самостоятельный статус и были сгруппированы с другими в общей категории «татары». Так, в нее вошли фигурировавшие в переписи 1926 г. в качестве самостоятельных народов барабинцы и бухарцы.

В период с 1939 по 1979 гг. классификационная категория татар оставалась неизменной, но в переписи 1989 г. из нее были исключены крымские татары, учитывавшиеся отдельно. В первой всероссийской переписи

2002 г. в качестве самостоятельных единиц учета фигурируют нагайбаки, кряшены, сибирские татары и чулымцы, прежде входившие в общую категорию «татары». Таким образом, переписная этностатистическая категория «татары» менялась от переписи к переписи благодаря влиянию целого ряда факторов, главным из которых все же следует признать уровень обеспечения права на самостоятельное наименование (индивидуальное самоопределение по этническому принципу). Понятно, что характер реализации этого права в свою очередь зависел от меры либеральности политического режима в период проведения переписи, степени мобилизации конкретного сообщества, отстаивающего право на самостоятельный статус, а также и от соответствия «внешним» критериям, по которым официальные инстанции (в том числе и научные) определяли самостоятельность тех, или иных «национальностей» – наличие представлений об «отдельности» от других родственных сообществ (самосознание), степень своеобразия используемой языковой нормы, наличие видимых отличительных признаков в различных сферах культуры, особое вероисповедание.

Наличие встречного списка всегда вызывало ожесточенные споры и многократные попытки затрагиваемых им категорий (в особенности представителей так называемых «титulyных народов»), из состава которых выделялись новые переписные категории учета, оспорить процедуры и результаты переписей, или «исправить» перечень национальностей в свою пользу до проведения переписи. Такие попытки, смыслом которых остается борьба за статус республиканских национальных элит, в ходе которой подавляются индивидуальные права на выбор идентичности, будут совершаться до тех пор, пока будет существовать встречный список (заранее заготовленная версия национального состава населения страны), представляющий собой компромисс между волеизъявлением переписываемых и вождельными этнократических элит, лоббирующих свои интересы на самых разных уровнях.

В заключение, повторю некоторые их положений этого раздела, представляющиеся мне важными. Двухступенчатая процедура регистрации национальной принадлежности (несмотря на усилия экспертов найти в ходе подготовки списков национальностей и языков оптимальные решения ряду проблем научного, правового и политического характера) нарушает право человека на выбор и определение собственной национальной принадлежности. Альтернативой этому подходу выступает принцип открытого списка, который отвергается Госкомстатом по причине технических сложностей обработки ожидаемого разнообразия ответов на вопросы о языковой и национальной принадлежности. С моей точки зрения, эти трудности не

носят непреодолимого характера, в то время как старая процедура создает весьма серьезные политические, правовые и научные проблемы, однозначных решений которых вообще не предвидится.

Другой комплекс проблем связан не с процедурами обработки результатов переписи и подведения ее итогов, а с технологиями и условиями проведения самого опроса. Здесь также существует ряд проблем правового, политического, научного и психологического характера, для многих из которых однозначных решений не найдено. Речь не только о том, что в отсутствие надлежащей правовой базы и надежность получаемых сведений и конфиденциальность собранной информации оказываются под угрозой. Остаются весьма острыми и юридические проблемы организации и проведения переписи, а также использования ее итогов. Достаточно вспомнить о статье 26 Конституции РФ, в соответствии с которой «Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

Особый комплекс проблем создает погруженность микроситуации, в которой происходит общение переписчика с переписываемыми, в локальную систему властных отношений. Не секрет, что национальные элиты ряда республик стремятся искусственно увеличить численность титульной национальности за счет других этнических групп – аварцы за счет андо-цезских народов, татары за счет родственных тюрко-язычных групп, проживающих в Татарстане, или других регионах страны; башкиры – за счет татарского населения северо-запада республики и т.п. Между прочим, такого рода давление и практика может быть приравнена к насильственной ассимиляции и интеграции и является прямым нарушением международных норм, в частности, статьи 5 Всеобщей декларации прав коренных народов, которая в своей третьей статье провозглашает «коллективное право поддерживать и развивать свои этнические и культурные характеристики и идентичность, включая право *народов* и индивидов называть себя *их собственными именами*» (курсив мой – С.С.).

Для ряда групп, мигрировавших из зон военных действий, приходится оценивать реальные последствия различных вариантов ответа для себя лично, своей семьи и своего народа, так как политика местных властей по отношению к таким мигрантам часто оказывается, мягко говоря, недружелюбной. Политическая компонента опроса остается малоисследованным сюжетом, и организаторам этой и последующих российских переписей следует подумать и о специальных ее оценках и исследованиях и о способах преодоления негативных влияний на процедуры переписного учета населения. Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что значительную часть такого

Г.Г. Вучетич, А.А. Пископнель, Л.П.Щедровицкий
Информационная деятельность
и ее структурно-функциональные характеристики

Существуют разные подходы к решению вопроса о том, «как устроена» и как функционирует инфосреда общества. Наиболее распространенным является подход, выделяющий структурные компоненты такой среды («отрасли производства», «виды информационной деятельности» и т.п.) в соответствии с той или иной классификацией информационных продуктов и/или услуг. Характерный пример – выделение таких «основных» видов услуг: производство информации, распространение информации, посреднические услуги, обработка информации, передача информации (Чирченко 1989). Здесь под таксон «производство информации» подводится, например, функционирование таких органов, как: организации, проводящие научные исследования и разработки; академическая наука; отраслевая наука; научно-исследовательская работа в вузах; служба научно-технической информации; вычислительные центры и различные специализированные организации; справочная служба города; юридические организации; госстрах; банки; сберкассы ¹.

В широко известной схеме М.Пората вся экономика (США) представлена 4 отраслями: промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг, информация (информационная деятельность). В свою очередь, информационная деятельность делится на два сектора: первичный (ее субъектами выступают «фирмы», которые производят множество информационных товаров и услуг, обмениваемых на рынке) и вторичный (его составляют организационно несамостоятельные подразделения фирм – «квазифирмы», производящие товары и услуги, потребляемые внутри фирм). В свою очередь, первичный сектор структурируется (по нескольким основаниям) в блоки: производство знаний и изобретения; обработка и передача информации; распределение информации и средства коммуникации; производство информационных товаров; управление риском; поиск и координация; некоторые виды правительственной деятельности; средства труда.

Все подобного рода структурные схемы представляют собой результаты полуэмпирической классификационной работы, объединяющей в те или иные таксоны (классы) некое, заранее отнесенное к «информационным» (на не всегда ясно и определенно выделенных основаниях)

¹ Критику понятия «производство информации» см. в: Вучетич и др. 2000.

множество реально существующих видов деятельности, служб, продуктов и услуг и т.п. Главное их достоинство – эмпирическая верифицированность. Подобный характер носят схемы и использованные в них расчленения во многих работах, старающихся охарактеризовать развитие области новых информационных технологий в целом. К ним, прежде всего, относятся работы экономического и управленческого профиля. С чисто понятийно-логической точки зрения они не выдерживают серьезной критики. Но в них так или иначе закреплён и обобщён опыт специалистов-практиков, успешно развивающих эту область экономики. Поэтому если и не в целом, то в отдельных своих проявлениях их методическая рефлексия представляет несомненный интерес.

В монографии Г.Поппеля и Б.Голдстейна построена «решетка информационных технологий» для «анализа структуры и областей индустрии информационных технологий», т.е. для решения задачи коррелятивной задачи анализа строения инфосреды (в нашем смысле). Осями координат такой решетки выступают: 1) «основные элементы информационных технологий» 2) «сегменты рынка информационных технологий» 3) «основные области индустрии информационных технологий».

В свою очередь к «основным элементам информационных технологий» авторы отнесли: так называемые *средства* (транспортировка, перенос с носителя на носитель, хранение, обработка) и так называемые *информационные продукты* (информация, развлечения). К «сегментам рынка информационных технологий» – потребительский сегмент, обеспечение бизнеса, интеллектуальную работу, сегмент взаимодействия. И, наконец, к «основным областям индустрии информационных технологий» они отнесли, с одной стороны, три области информационных услуг: услуги связи, информационные услуги и услуги развлечения, а с другой – три вида производственной продукции: потребительскую электронику, конторское оборудование и системы обеспечения бизнеса.

Нетрудно заметить, что конструктивные расчленения, использованные Г.Поппелем и Б.Голдстейном для анализа «информационных тенденций», не имеют сколько-нибудь серьезного аналитического значения. Они выделены (и сведены вместе) по разным основаниям, зачастую зависимы друг от друга и т.п. Но они могут составить добротный эмпирический материал для такой аналитической работы.

Существуют структурные схемы, выделяющие компоненты инфосреды в зависимости от вида и формы самой информации. Так, Э.Л.Шапиро выделяет в ней: собственно информацию, неотчуждаемое и необобществленное знание, метаинформацию (информацию о размещении информации),

«мудрость» (проявляющуюся в самой организации инфосреды, позволяющей пользователю творчески осуществлять поиски, находя не предусмотренные заранее источники) (Шапиро, 1988). В.С.Толстой структурирует инфосреду в зависимости от содержания информации: «1) знания о природе (законы и их использование), 2) знания о людях (структура и динамика потребностей, ценностные ориентации), 3) отношения между людьми, программы взаимодействия, 4) социальные нормы» (Толстой, 1989).

Следует заметить, что такого рода классификационные схемы используются их авторами для решения некоторых частных задач, связанных с изучением различных аспектов информатизации, и, в общем то, не претендуют на выявление структуры инфосреды общества «самой по себе». В то же время, только задавшись таким вопросом, можно разрабатывать концепцию инфосреды в общей проблемно-тематической области информатизации современного общества.

Есть два пути поиска ответа на вопрос, как устроена и как функционирует развитая инфосреда общества.

Первый, наиболее распространенный, путь – это путь рационального обобщения эмпирических фактов и форм их представления, в которых новые информационные технологии демонстрируют свое успешное внедрение в разные области и сферы общественной жизни (производства, науки, управления и т.п.), – путь, наиболее эмпирически убедительный, позволяющий автоматически интерпретировать все вводимые в оборот обобщения (понятия). К его недостаткам следует отнести логическую и теоретическую неопределенность, так как в рамках эмпирических обобщений неотрефлексированно воспроизводятся часто несовместимые теоретические принципы и подходы, которые неявно присутствуют при описании любых эмпирических фактов и форм их бытования.

Второй путь – путь теоретической конструктивной работы, позволяющий развернуть тесно связанные друг с другом «определения» объекта изучения, представить его в теоретически непротиворечивой и полной (в определенном отношении) форме. Недостатки такого рода работы связаны с необходимостью ее эмпирической верификации и интерпретации, устанавливающих прагматическую ценность и эффективность подобного рода работы. Всякая реальная научно-теоретическая работа неизбежно стремится так или иначе совместить два этих пути к цели, представляя собой некое челночное движение по двум линиям, но имеющее основной центр приложения сил лишь в одной из них. Имея в виду два таких плана (линии) разработки темы инфосреды, мы склонны отдавать предпочтение теоретической конструктивной работе, стремящейся конструктивизировать исходные

аналитические абстракции теоретико-методологического характера до уровня, позволяющего ставить и решать (хотя бы в предварительном порядке) возникающие здесь проблемы. Другими словами, решение этой задачи требует, на наш взгляд, построения концептуальной (структурно-функциональной) модели информационной среды общества в рамках абстракции «общества вообще» приложимой, но не непосредственно, к разным видам исторических «обществ».

1.1. Представление об инфосреде как сфере информационной деятельности так или иначе обусловлено деятельностью интерпретацией «природы» социальных процессов, принципами структурно-функциональной и динамической организации коллективной деятельности как «субстанции» общественной жизни. Отправным пунктом такой интерпретации является истолкование общественной жизни как совместной деятельности людей, направленной, в конечном счете, на производство и воспроизводство самой этой жизни.

Информационная деятельность как необходимый момент этого всеобщего производства и воспроизводства занимает в нем определенное место и играет особую роль, выступая в качестве информационной среды для всего социального пространства общественной жизни. Соответственно и строение инфосреды определяется ее местом и ролью в составе общественного целого.

Среди какого рода компонентов общественной жизни следует искать место инфодеятельности?

Основными функционально-необходимыми элементами, без воспроизводства которых не может осуществляться никакая социальная деятельность, являются ее «субъекты», «вещные функции (вещи)» и «идеальные (духовные) значения». Поэтому в первую очередь всю общественную жизнь имеет смысл структурировать по видам производства и воспроизводства этих базальных элементов. При этом следует иметь в виду, что активный элемент общественной жизни, именуемый ее «субъектом», сам, в свою очередь, представлен двумя типами социальных субъектов: единичными (отдельный человек-личность) и интегративными (объединения людей). В силу самоценности для общественной жизни ее единичных субъектов, для которых само общество выступает как организационное условие их существования и развития, сознательными элементами для «вещных функций» и «духовных значений» фактически выступают два элемента: отдельные люди (личности) и «формы общения» людей (общественные отношения) в обществе, обеспечивающие существование интегративных субъектов общественной жизни.

В соответствии с такой типологией элементов различают четыре вида «общественного производства» (и воспроизводства): материальное производство (вещей), духовное производство (идеальных значений), производство и воспроизводство самих людей (как биологических и социальных индивидов), производство и воспроизводство общественных отношений (форм общения) между людьми в процессе совместной общественной жизни. В свою очередь виды общественного производства сами делятся в соответствии с качественной определенностью выделенных элементов (видом обрабатываемого сырья и функциональным назначением) на типовые отрасли, отдельные типовые производства и т.п.

Если к этому структурному расчленению добавить процессуальное в его главном противопоставлении на фазы производства, распределения, обмена и потребления, то наряду с выделенными четырьмя видами производства следует выделить область распределения (обмена) производимых элементов между собой. Такая область, как еще один вид социально значимой деятельности, интегрирующий в процессе распределения основные виды производства в единый общественный организм и регулирующий тем самым отношения между ними, – область коммуникативной деятельности. Производственное потребление не образует особой деятельности, так как составляет необходимую составляющую самих производственных процессов.

На этом уровне абстракции производство и распределение представлены «в чистом виде», как не пересекающиеся друг с другом. Здесь продукты разных видов общественного производства рядоположны друг другу и обладают независимой формой существования. Такой эквивалентностью, как известно, они обладают в процессе распределения и обмена. Однако если перейти на следующий уровень конкретизации, то между типологически различными продуктами можно обнаружить разные формы отношений. Так, в любом продукте материального производства (машинах, зданиях, ткани, одежде и т.д.) всегда присутствует определенный идеальный замысел (духовное значение) в форме, непосредственно неотделимой от продуктов этого производства.

Но для продуктов духовного производства это отношение не сохраняется (за некоторыми исключениями в области художественного творчества). Духовные значения становятся явлениями социальной жизни только в объективированной, предметной форме. Однако это не форма воплощения идеального, а форма его объективированного сохранения именно как духовного значения, дистанцированного от материальных условий существования (т.е. независимого от материального носителя). Отсюда существенная разница в способах тиражирования, массового «производства»

идентичных продуктов в материальном и духовном производстве. Если для удовлетворения массовой потребности (т.е. потребностей не одного абстрактного субъекта, а целого множества подобных) в продукте материального производства умножение продукта происходит за счет повторения того же производственного цикла, то для тиражирования духовных значений нет никакой необходимости в повторении духовного акта. Они тиражируются как продукты материального производства. Причем, даже в тех случаях, когда перед нами определенное исключение из этого правила (театрально-сценическое искусство, живопись), осуществляется двойная форма тиражирования: наряду с подлинником мы имеем и его духовно-информационные копии (фотография, телефильм, телетрансляция, пластинка и т.п.).

Кстати, именно этот пример раздельного существования духовного значения как подлинника и копии демонстрирует ошибочность включения в понятие инфодеятельности тех видов и форм духовной деятельности (производства), где духовные значения непосредственно создаются. В рамках инфодеятельности они только тиражируются, причем, индустриальным способом (ремесленное тиражирование, например снятие копий с картин, представляет собой гибрид духовной и информационной деятельности). Таким образом, то, что обычно именуют функцией или стадией «производства информации», является информационным копированием (тиражированием) и совпадает в своем значении с функцией (процессом) «перенос с носителя на носитель».

Фактически перед нами композиционное взаимопересечение материального и духовного производства (область материального тиражирования объективированных духовных значений), конституирующее один из сегментов (функциональных компонентов) инфодеятельности. В контексте информационного потребления, строго говоря, речь должна идти не об информационных, а о духовно-информационных потребностях, поскольку понятие информации отражает только форму, а не сущность предмета потребления и самого потребления.

1.2. В определенном смысле, сама инфодеятельность есть результат противоречия, несовпадения, с одной стороны, сущности и социального бытия (формы) продуктов духовного производства, а с другой – сущности и социального бытия (формы) духовных потребностей общества и представляет собой современную форму (в лице новых информационных технологий) снятия (разрешения) этого противоречия (т.е. социального развития) за счет инновационного, более эффективного сочетания в ней продуктивных аспектов духовного и материального производства. Самое главное в инфодеятельности – ее посредническая роль, коммуникация между

производителями духовных значений и их потребителями. В этом отношении инфодеятельность частично совпадает с областью коммуникативной деятельности (композиционное взаимопересечение).

Но если коммуникативная деятельность в ее, так сказать, материальной ипостаси только взаимообменивает, передает продукты из одного сектора производства в другой в том виде, в котором они произведены, то инфодеятельность еще и преобразует этот продукт в соответствии с духовно-информационными потребностями. Другими словами, она имеет и характер определенного производства в точном смысле слова. Наличие посредника между производителями и потребителями (опосредование) позволяет снимать противоречия между ними, координировать усилия, не ограничивая в то же время степень их социальной свободы (необходимое условие их социального развития).

В качестве типовых противоречий мы выделим несовпадения:

- *сущности и формы* объективированного существования духовных значений,
- *форм* производства и потребления духовных значений,
- *мест* производства и потребления,
- *времени* производства и потребления.

Этим типовым противоречиям соответствуют качественно определенные социальные способы преодоления таких противоречий: перенос с носителя на носитель (тиражирование информации), преобразование (обработка) информации, транспортировка (передача) информации, сбор и хранение (накопление) информации.

Эти способы образуют функционально полную структуру инфодеятельности, а сама она по своему классификационному статусу становится областью композиционного взаимопересечения (и интеграции) материального производства, духовного производства и коммуникативной деятельности.

Информационные технологии с функциональной точки зрения – это индустриальные (социотехнически эффективные) способы преодоления информационных противоречий. Тем самым их различие есть одновременно и функционально-типологическая («для чего») классификация самих информационных технологий.

Если интенциональную точку зрения дополнить экстенциональной, то наряду с самими типами духовно-информационных противоречий можно получить и все возможные варианты их сочетания и, следовательно, способов их преодоления (информационных технологий). Это одновременно и основные виды инфодеятельности (самой по себе), выделенные в соответствии со спецификой ее социально значимого результата. Такие виды

инфодеятельности обычно именуют «информационными системами», или интегральными информационными технологиями, поскольку под информационной технологией, в первую очередь, «понимается совокупность операций, выполняемых совместно человеком и средствами вычислительной техники и обеспечивающих наиболее эффективное (с точки зрения пользователя) выполнение процедур обработки информации» (Черешин, 1986). В теоретико-деятельностном контексте они именуются «системами деятельности».

1.3. Выделяя виды общественного производства, мы абстрагировались от всех различий между ними. В этой своей форме они выступают внешними друг к другу и только обмениваются результатами-продуктами, необходимыми для воспроизводства каждого из них в рамках системной целостности общества. И инфодеятельность на этом уровне только внешним путем интегрирует общественное производство, выступая, с одной стороны, как вид коммуникативной деятельности, а с другой – как область взаимопересечения духовного и материального производства.

Разделение каждого из видов производства по отраслевому признаку, а информационной деятельности по функциональному конкретизирует, но не переводит такое представление об общественной жизни на иной уровень абстракции, на котором каждый из них может быть рассмотрен в качестве *сферы общественной жизни* (включающей другие «отраслевые» сферы). Разница между двумя этими представлениями состоит прежде всего в том, что на уровне сфер общественной жизни снимается абстрактно-типологическая противоположность видов общественного производства (и интегрирующих областей деятельности) и каждая из них предстает как синтез всех иных видов деятельности (производств) – в силу неперемного *внутреннего* условия выполнения своей социальной функции. Т.е. каждый вид общественного производства как сфера деятельности абсорбирует в себе все другие виды производства на правах своих функциональных органов. На этом уровне рассмотрения инфодеятельность как сфера социально значимой деятельности становится *информационной средой* всего общества, проникающей во все поры общественного организма.

Однако сначала вернемся к уровню, на котором инфодеятельность «внешним» путем опосредует, с одной стороны, источник (производителя) духовных значений, а с другой – потребителей: материальное производство (материально-производственная сфера), производство и воспроизводство человека (социальная сфера), производство и воспроизводство «форм общения» людей (сфера социального управления) и область коммуникативной деятельности (транспорт, торговля, рыночные инфраструктуры и т.п.).

Именно на этом уровне проходит верхняя граница инфосреды общества, а соответствующие виды инфодеятельности приобретают статус международных или общегосударственных (национальных) информационных служб на монопольной или конкурентной основе.

Так, транспортировка (передача) информации выступает в виде международной почтовой службы, телексных и телекоммуникационных международных систем; хранение (накопление) информации – в виде разного рода фондов национальных данных, архивов, библиотек и т.п.; преобразование информации – в виде информационных и информационно-вычислительных центров ЦСУ, Академии наук и т.п. Здесь инфодеятельность носит неспециализированный характер и обеспечивает удовлетворение потребностей самого общества в целом как универсального, самодостаточного субъекта общественной жизни.

Этот уровень рассмотрения охватывает верхний горизонтальный слой инфосреды. В его пределах она сегментируется по отраслям «производства». В пределах именно этого слоя духовное производство, например, выступает как самодостаточный вид социально значимой деятельности (наука для науки, искусство ради искусства и т.п.). В качестве примера отраслевого духовного производства этого уровня (слоя) укажем на академическую науку – в той ее части, которая строится и осуществляется ради получения знания об окружающей действительности «самого по себе» (знание как культурная ценность), т.е. знания, производимого «для всех и ни для кого». Функциональная сегментация инфосреды (специализированные информационные системы) в этом случае определена отраслевой сегментацией (по принципу вход/выход) и призвана обеспечивать удовлетворение наряду со всеобщими и специализированных духовно-информационных потребностей (скажем, существуют национальные военные, государственные, кино- и т.п. архивы).

На следующем уровне абстракции, в рамках уже собственно сферы общественной жизни, проходит второй горизонтальный слой инфосреды общества. Здесь каждую из сфер общественного производства, сферу коммуникативной деятельности и собственно сферу инфодеятельности можно представить в рамках нашей структурно-функциональной модели как изоморфную всему общественному производству в целом. Такой изоморфизм обеспечивает полноту воспроизводства каждой из сфер общественной жизни со структурной точки зрения (т.е. воспроизведение всех ее основных элементов как социально-значимой деятельности) в качестве специфической сферы деятельности (родовые ее особенности воспроизводятся на предыдущем уровне общности).

Скажем, реальный процесс производства «вещей» (материально-производственная сфера) кроме собственно производства (производственных предприятий) на этом уровне требует уже организации со стороны институционально оформленной деятельности социального управления (в лице министерств и ведомств, управленческих ассоциаций и т.п.), системы профессиональной подготовки кадров (институты и техникумы, профтехучилища и т.п.), духовного обеспечения (прикладная наука, проектные организации и т.п.), коммуникативной деятельности (железнодорожный и автотранспорт, оптовая торговля, кредитно-финансовые органы и т.п.). Точно так же на этом уровне структурируются и другие сферы общественной жизни. Разница лишь в том, какой из структурных компонентов представляет здесь основной процесс «производства» и основную его *структуру*, а какие (все остальные) вспомогательные и тем самым *инфраструктуру*. Основной процесс (структура) – это, конечно, тот из них, который типологически идентичен самой качественно определенной сфере общественной жизни.

Специально остановимся на инфодеятельности этого уровня абстракции. Как сфера общественной жизни она устроена так же, как и остальные. Она абсорбирует материально-производственную сферу (информационная техника), духовное производство (научно-технические разработки информационной техники и технологии, логические и машинные языки, программные продукты и т.п.), сферу социального управления (министерства связи, средств вычислительной техники, информационных систем и приборостроения и т.п.), коммуникативную сферу (рынок информационных продуктов и услуг, транспортные услуги, кредитно-финансовые и т.п.). Все они входят в инфраструктуру инфодеятельности и составляют ее инфраструктуру. Сама же она – как основная подсистема и основной процесс – задает характер системной целостности сферы инфодеятельности.

Вместе с другим информационными сегментами (входящими в остальные сферы общественной жизни) она образует инфосреду общества (слой инфосреды) на этом уровне ее общности. Каково же отличие этой ипостаси информационной деятельности (вернее, ее центральной, локализованной непосредственно в информационной сфере подсистемы) от той, где она выступала как область инфодеятельности, внешним образом интегрирующая (духовно-информационно) виды общественного производства?

Остальные сегменты инфодеятельности – не изолированные и не самостоятельные образования, являющиеся только номинальными «частями» инфодеятельности. Каждый специализированный сегмент духовного производства наряду с духовными значениями, созначными той

сфере деятельности, которую он призван обслуживать, порождает одновременно и «идеи» общего порядка (родовое содержание), сознательные духовному производству вообще и тем самым всем сегментам духовного производства этого уровня. А это означает, что он выполняет здесь и рассмотренную нами выше функцию духовного производства, интегрируя сами сферы общественной жизни.

Именно эта информация (духовные значения), способная удовлетворить информационные потребности других сфер и тем самым выполнить интегрирующую роль (в этом слое инфосреды), становится достоянием центральной подсистемы сферы информационной деятельности. В этом функциональное отличие этого уровня (слоя) организации инфодеятельности от предыдущего. В этом слое информационная среда представляет собой уже определенную сеть, узлами которой являются специализированные информационные сегменты отдельных сфер общественной жизни. Эта картина усложнится, если принять во внимание отраслевой принцип и выделить идентичные компоненты в соответствии с типологическими различиями продуктов деятельности этой степени общности.

Эту конструктивную процедуру, позволяющую формально структурировать следующий уровень функциональной конкретизации, можно точно так же повторить, но уже по отношению к отдельным сегментам (подсистемам) выделенных сфер общественной жизни. В результате такой «матрешечной» процедуры мы будем получать новые горизонтальные слои информационной среды, различающиеся степенью общности субъектов социально-значимой деятельности, и новые горизонтальные информационные сети.

1.4. Необходимо подчеркнуть отличие «информационных сетей» в подобной модели от реальных информационных (компьютерных) сетей, направляющих потоки информации. В отличие от них, как физических каналов, связи между «узлами» в этой модели чисто функциональные. Каждый слой инфосреды (сеть) представляет здесь определенную *организованность* – частную подсистему внутри более общей системы, выделяемую на основании функциональной однородности связей и отношений между типологически однородными элементами. В свою очередь, различия между такими «организованностями» (слоями) обусловлены различиями в степени интегрированности субъектов социально-значимой (в том числе информационной) деятельности (парциальный субъект, индивидуальный субъект, групповой субъект, субъект-персонал, субъект-сообщество (Вучетич, Пископтель, Щедровицкий 2000)). В такой модели наряду с горизонтальными, объединяющими инфосистемы деятельности одного уровня

фигурируют и вертикальные «организованности», объединяющие инфосистемы деятельности разного уровня, связанные отношением «вложения» (или порождения) подсистем более низкого уровня в надсистемы.

В совокупности они составляют своего рода «кристаллическую» (пирамидальную) решетку – объемную информационную организованность, инфосреду общества, интегрирующую субъектов разной степени общности в рамках общества как самодостаточного субъекта общественной жизни.

Введя такую модель инфосреды необходимо, очевидно, поставить перед собой вопрос, насколько она полна и конкретна в отношении той реальности общественной жизни, которую относят к инфосреде.

Прежде всего следует отметить, что построенная модель носит структурно-функциональный характер, т.е. она сосредоточена на воспроизведении функциональных «мест» и отвлекается от информационных работников, подразделений, служб и т.п., берущих на себя выполнение той или иной совокупности информационных функций, выступающих в модели изолированно. Такое организационное объединение информационных функций регулируется механизмом социальной самоорганизации общества и должно рассматриваться особо. Мы наметили это измерение инфосреды, «поместив» информационную деятельность целиком в область коммуникативной деятельности и опосредовав все связи модели через эту область.

Для стран с рыночной экономикой это означает, что инфодеятельность, опосредующая все иные виды и формы деятельности, сама опосредована коммуникативной деятельностью распределения и обмена, что реальное выполнение ею функции духовно-информационной интеграции общества (объем и качество) определяется общественной ценой, которую готовы заплатить те или иные субъекты социально значимой деятельности за ее услуги. В странах же с централизованной экономикой степень такой интеграции регулируется способом перераспределения общественного продукта в пользу тех или иных видов социально-значимой деятельности на основании их *общественной значимости*, устанавливаемой планирующими органами социального управления.

Следует также отметить, что это – модель обобщенно-типологическая. В ней фигурируют субъекты «вообще», виды производства «вообще», информационная деятельность «вообще» и т.п. Различая те или иные видо-вые модификации таких единиц, можно достичь любой наперед заданной степени конкретизации модели в этом ее измерении. Сугубо типологический подход обусловил еще одну особенность модели, связанную с равнозначностью всех типологических единиц, относящихся к видам социально-значимой деятельности и ее интегративным субъектам. Тем самым эта

модель отображает лишь функциональные возможности инфосреды, отвлекаясь от способа превращения этих возможностей в действительность в том или ином типе общества. Как известно, превращение этих возможностей в действительность происходит неравномерно и регулируется социально-экономическими отношениями в обществе.

Подытоживая высказанные замечания, можно утверждать, что типологически-деятельностная модель инфосреды описывает пространство функциональных возможностей информационной деятельности как сферы социально-значимой деятельности, призванной осуществлять духовно-информационную интеграцию общественной жизни на всех уровнях ее субъектной организации.

2.1. Проблема критериев и показателей состояния и развития инфосреды, хода и результатов процесса информатизации общества до сих пор не нашла адекватного решения. Больше того, даже «существующая система статистических показателей не может служить базой для составления надежных прогнозов» (Гипержурнал 1990). В то же время, в литературе так или иначе фигурирует сотня различных показателей, характеризующих состояние «информационного хозяйства» общества. На практике возникающие здесь вопросы решаются сравнительно-аналитическим путем за счет выбора в качестве стандарта набора показателей, характерных для передовых в области создания и потребления новых информационных технологий стран – таких, как США, Япония и т.п.

Не отрицая практической эффективности такого подхода, следует отметить, что он не в состоянии сам по себе обеспечить научное обоснование оценок и прогнозов и, следовательно, заменить собой другие подходы, так или иначе опирающиеся на поиск теоретически определенных, необходимых и достаточных критериев и показателей. Само наличие многоуровневой совокупности (системы) критериев и показателей отражает не только разнообразие подходов и сложность объекта изучения и прогнозирования. Не в меньшей степени оно отражает и многообразие субъектов, принимающих решения и реализующих планы и программы, связанные с развитием или использованием новых информационных технологий.

Для субъектов разной степени общности и предметно-продуктивной ориентации необходимы и разные критерии и показатели инфодеятельности и инфосреды для выработки и принятия решений. Ибо на одни показатели ориентируется человек, выбирая себе телефон, телевизор и т.п., и совсем иные нужны для выработки научно-технической политики фирмы, корпорации или государства. В наиболее обобщенных критериях и

показателях хода процесса информатизации нуждаются как раз органы, ответственные за международную или государственную социотехническую политику проведения процесса информатизации и формирования инфосреды общества. Именно поэтому целесообразно обратить внимание прежде всего на поиск обобщенных критериев и показателей информатизации как целостного процесса. Если такие критерии выступают в качестве методической схемы систематизации эмпирически-верифицируемых показателей хода процесса информатизации и состояния инфосреды, то они приобретают системный (т.е. внешне целостный и внутренне единый) характер.

2.2. Информатизация общества как определенный этап и форма социально-экономического и научно-технического прогресса имеет, очевидно, ту же конечную цель, что и любой общественный прогресс. Существует два ответа на вопрос, какова это цель. Первый из них настаивает на том, что эта цель – развитие самого общества (и лишь во вторую очередь – «члена» данного общества), второй – человека (а общества – лишь как необходимой для совместной жизни организационной формы). Опыт общественного развития, особенно последнего столетия, на наш взгляд убедительно доказал оправданность именно второй точки зрения.

Это означает, что с точки зрения такой конечной цели различные сферы общественной жизни не равнозначны и приоритет здесь должен быть отдан так называемой социальной сфере (производства и воспроизводства самого общественного человека), обеспечивающей раскрытие сущностных сил человека, его физическое совершенство и личностный рост, полноту его самоактуализации и самовыражения. Все остальные сферы вступают с этой точки зрения в качестве условия, инфраструктуры для социальной сферы. Поэтому основной критерий эффективности процесса и состояния инфосреды тот же, что и других социальных процессов – это *качество жизни* человека, его поддержание и рост.

В целом, это интегральный и неспецифический критерий, но и у него есть информационная составляющая. Воспроизведение самих себя как субъектов жизнедеятельности (конечных продуктов своей самодеятельности) происходит в процессе удовлетворения жизненных потребностей. Можно выделить три «чистых» категории максимально обобщенных потребностей: материальные, духовные, духовно-информационные (где духовные потребности удовлетворяются непосредственно, а духовно-информационные опосредованы инфодеятельностью). Соответственно каждая из этих категорий потребностей определяет и соответствующую составляющую качества жизни: *материальное благосостояние, духовную насыщенность и информационный комфорт.*

Здесь информационный комфорт есть та составляющая качества жизни человека, которая непосредственно определяется состоянием (уровнем развития) инфосреды общества. Можно различить, в свою очередь, две формы духовно-информационного потребления и соответственно два вида информационного комфорта: семейно-бытовой (когда удовлетворение духовно-информационных потребностей происходит непосредственно дома) и служебно-организационный (когда удовлетворение происходит «на территории» различных ведомств, служб, организаций и т.п.). Соотношение между ними является структурным показателем, характеризующим процесс информатизации и вызванные им изменения.

Информационный комфорт как обобщенный критерий (входящий в критерий качества жизни) уровня развития инфосреды призван отразить структуру, динамику, полноту, разнообразие и качество духовно-информационного потребления. Но и две других составляющих качества жизни (материальное благосостояние, духовная насыщенность), хотя и не выражаются непосредственно на языке информационных продуктов и услуг, в опосредованной форме характеризуют состояние инфосреды общества и изменение показателей материального благополучия и духовной насыщенности жизни человека в обществе, а значит, могут быть и действительными (правда, косвенными) критериями эффективности процесса информатизации. Критерии и показатели состояния инфосреды разной степени общности, отражающие ее влияние на уровень и рост качества жизни человека в обществе, – это социальные критерии и показатели развития инфосреды.

Социальная сфера как бы замыкает процесс информатизации, определяет его конечный смысл и значение для поддержания и развития общественной жизни. Непосредственным же источником этого процесса является сама сфера информационной деятельности, оформляющаяся в инфосреду общества и в этом своем качестве определяющая новый уровень развития его производительно-производственных сил и отношений, уровень качества жизни людей в обществе.

Группу критериев и показателей, характеризующих развитие инфодеятельности (инфосреды) как области общественной жизни, можно рассматривать в качестве инфодеятельностных критериев и показателей. Именно им уделяется наибольшее внимание при анализе процесса информатизации. По сути дела, это целая иерархическая система, где основанием является «слой» показателей технико-технологических (типа быстродействия, объема памяти, плотности размещения информации и т.п.), а вершиной – «слой» показателей рынка инфопродуктов и услуг (объемы продаж, сегментация и т.п.).

Наиболее обобщенные критерии развития собственно инфодеятельности обсуждаются в контексте описания сути информационного общества. Так А.И.Ракитов, характеризуя необходимые и достаточные признаки информационного общества, выделяет три таких признака:

а) любой гражданин или любая группа в любое время и в любом месте могут получить бесплатно или за приемлемую плату любую информацию или знания, необходимые для их жизнедеятельности, за исключением государственных и военных тайн

б) имеется новейшая информационная технология, включающая средства связи, обеспечивающие как выполнение пункта (а), так и позволяющая эффективно создавать, трансформировать, хранить и передавать все виды информации и знаний, а также обеспечивающая включение в глобальную информационную систему

в) существуют эффективно действующие институты и социальные механизмы, обеспечивающие экспоненциально нарастающее производство всей информации и знаний, а также доступ к ним, необходимые для обеспечения потребностей в жизнедеятельности отдельных граждан, групп, коллективов, организаций, органов управления и государства в целом» (Ракитов, 1989).

С точки зрения используемых нами различий это, по сути дела, описание общества с развитой информационной средой. Основными свойствами и критериями сформированности инфосреды являются здесь: *информационная эквипотенциальность* (удовлетворение инфопотребностей «здесь и теперь» в пространстве и времени их появления), *субъектная эгалитарность* (равенство субъектов информационных потребностей в обществе), *информационная обобщественность* (информация является общим ресурсом всех субъектов общественной жизнедеятельности), *практическая доступность* (удовлетворение информационных потребностей регулируется только социально-экономической эффективностью инфодеятельности, нормой затраты/прибыль).

Если рассматривать эти критерии как независимые «измерения» инфосреды в целом, то их можно использовать как средства интеграции частных показателей развития инфодеятельности и эффективности ее информационных технологий (способов деятельности). Каждое из таких свойств среды (критериев) интегрирует взаимодействие целой группы факторов. Скажем, для субъектной эгалитарности доминирующей является сфера социального управления, ее политико-правовая область, регулирующая взаимоотношения между разными юридическими лицами. А для практической доступности – эффективность и экономичность новых информационных технологий и т.п.

2.3. Можно различать и со- и противопоставлять три процесса, связанные с информатизацией общества и развитием его инфосреды: собственно информатизацию, информационную адаптацию и информационную революцию (Вучетич, Пископнель, Щедровицкий 2000). Обозначенные выше *социальные* критерии (качество жизни) в первую очередь характеризуют именно процесс информационной революции как глобальный социальный процесс, а *инфодейятельностные* критерии и показатели относятся к процессу информатизации в собственном смысле слова. Обобщенные критерии и показатели, связанные с процессом информационной адаптации общества, должны так или иначе отражать реакцию (изменение) материально-производственной и духовной сфер, сферы социального управления и коммуникативной сферы общественной жизни на появление сферы информационной деятельности. В совокупности они составляют группу *инфрапроизводственных* критериев и показателей, отражающих влияние новых способов удовлетворения информационных потребностей этих «производств» (новых информационных технологий) на конечную эффективность основного процесса в каждой из таких сфер².

В свою очередь, каждый из таких интегральных параметров инфосреды по своему отражает и выражает суммативную продуктивность субъект-субъектных информационных взаимодействий разного уровня и разной степени общности. Продуктивность информационного взаимодействия как показатель взаимообмена «усилиями» интегрирует, с одной стороны, комфортность информационного потребления и степень удовлетворенности информационного спроса, а с другой – качество информационного обслуживания и степень использования информационного предложения. Здесь качество информационного обслуживания – это внутренний параметр, характеризующий эффективность информационной деятельности и зависящий от таких показателей используемых информационных технологий как *технологичность, производительность, интегральность, диверсифицированность*. В свою очередь, информационная комфортность как внешний параметр взаимодействия складывается из *своевременности, непосредственности, полнообъемности и селективности* информационного потребления. Определение «зон ближайшего развития» критичных параметров инфосреды и «сценариев

² При всей специфичности каждого из видов общественных производств влияние процесса информатизации, как и других инновационных процессов, сказывается прежде всего в изменениях производительности труда, объема произведенного продукта, структуры занятости населения, структуры использования ресурсов (капитал, труд, информация), экономики производства (затраты/прибыль).

развития» для ее интегральных параметров – необходимая составляющая научных прогнозов процесса информатизации общества.

Литература

- Вучетич Г.А., Пископцель А.А., Щедровицкий Л.П.* Информация, информационная среда, информационное общество // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. Вып. 7. М., 2000.
- Гипержурнал. Вып. 1, 1990.
- Поппель Г., Голдстейн Б.* Информационная технология: миллионные прибыли, М., 1990.
- Ракитов А.И.* Информатизация и медиатизация общества: советская перспектива в глобальном масштабе // *INFO-89*, т. 1, ч. 1-2. Минск, 1989.
- Толстой В.С.* Структурные изменения в обществе как условие и последствие информатизации // *Труды ВНИИСИ*. Вып. 12. 1989.
- Черешин Д.С.* Информационное обеспечение руководства при (формировании научно-технической политики // *Труды ВНИИСИ*. Вып. 2. 1986.
- Чирченко О.Н.* Информационные аспекты компьютеризации, М., 1989.
- Шапиро Э.Л.* От потребности в знаниях к информационному запросу // *Труды ВНИИСИ*, Вып.3, 1988.

Научное издание

**Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 8.
М., 2001**

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Лицензия ЛР № 020730 от 03.03.1998.

Оригинал-макет: ГЛАВ'артель

Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times New Roman
Тираж 120 экз.

Отпечатано в типографии
ЗАО «Московский издательский дом»
Москва, Краснопролетарская ул., 35

0. 11. (Беругов)